

САЕНТОЛОГИЯ

**ШИП В ТЕЛЕ
АНТИКУЛЬТИЗМА**

SCIENTOLOGY

МАРК ВЭЙН

САЕНТОЛОГИЯ

Шип в теле антикультизма

Марк Вэйн

Оглавление

ПРОЛОГ. Шип в теле антикультизма: столкновение двух миров

ГЛАВА 1. ЗАКОН О СИБИРИ: ПРОВАЛ, КОТОРЫЙ ВСЁ ИЗМЕНИЛ

ГЛАВА 2. НАСЛЕДИЕ ДЖОНСТАУНА: РОЖДЕНИЕ АНТИКУЛЬТОВОЙ
ИНДУСТРИИ

ГЛАВА 3. ТОТАЛИТАРНАЯ СЕКТА: ЯРЛЫК, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ СВОБОДУ

ГЛАВА 4. КТО ВЫ, МИСТЕР ХАББАРД? РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОТИВ
КЛЕВЕТЫ

ГЛАВА 5. НАСЛЕДИЕ «АКЦИИ T4»: ПОЧЕМУ ПСИХИАТРИЯ БОИТСЯ
ПРАВДЫ

ГЛАВА 6. СПАСАТЬ НЕЛЬЗЯ КЛЕВЕТАТЬ: ГДЕ ПОСТАВИТ ЗАПЯТУЮ
ДВОРКИН?

ГЛАВА 7. ТРИУМФ ПСЕВДОНАУКИ: КАК ЛОЖЬ СТАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЭКСПЕРТИЗОЙ

ГЛАВА 8. ОТ «НАЦИСТОВ» ДО «СЕКТ»: КАК АНТИКУЛЬТИЗМ СТАЛ
ОРУЖИЕМ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА 9. ОРУЖИЕ ПРОПАГАНДЫ: ПОДАВЛЕНИЕ, ПОДМЕНА,
ВЫСМЕИВАНИЕ

ГЛАВА 10. ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: КАК ФРАНЦИЯ СОЗДАВАЛА
ПРЕЦЕДЕНТ ДЛЯ ВСЕГО МИРА

ГЛАВА 11. ЭКСПЕРТИЗА КАК ОРУЖИЕ: КАК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДВОРКИНА
СТАЛИ ПРИГОВОРОМ

ГЛАВА 12. ДЕПРОГРАММИРОВАНИЕ ТРАМПА: КАК АНТИКУЛЬТИСТЫ
ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ 74 МИЛЛИОНАМ АМЕРИКАНЦЕВ

ИСТОЧНИКИ

ПРОЛОГ

Шип в теле антикультизма: столкновение двух миров

Этот рассказ должен был начинаться совсем не так. В моем первоначальном плане была другая отправная точка, более академичная, спокойная, возможно, даже немного сухая. Я собирался методично, шаг за шагом, провести читателя через лабиринты юридических баталий и теологических споров. Но 11 августа 2024 года всё изменило. Этот день подарил мне не просто новую сцену для начала книги — он вручил мне ключ, метафору, которая обнажила суть всего конфликта. Это был тот самый момент, когда скрытое стало явным, когда тихая, подковерная война вырвалась на ослепительно освещенную арену на глазах у всего мира.

Представьте себе эту картину. Париж, вечер, переполненный «Стад де Франс». Миллиарды глаз устремлены на экраны по всему земному шару. Церемония закрытия летних Олимпийских игр — событие, по своей сути символизирующее единство, триумф человеческого духа и мирное соревнование. Воздух гудит от энергии десятков тысяч голосов, от музыки, от предвкушения финала грандиозного праздника. И в этот самый момент, в апогее всеобщего ликования, происходит нечто из разряда кинофантастики. Лучи прожекторов сходятся на темной фигуре, появляющейся из ночного неба. Это не просто каскадер, не безликий спортсмен. Это Том Круз. Мировая икона, живое воплощение голливудской мечты, человек, чье имя само по себе является брендом. Он спускается с крыши гигантского стадиона на парашюте, как будто выполняя очередную невыполнимую миссию. Толпа взрывается ревом. Это чистый, незамутненный восторг. Символизм сцены настолько силен, что его невозможно игнорировать: герой спускается с небес, чтобы передать олимпийскую эстафету следующему городу-герою, Лос-Анджелесу. Это триумф, зрелище, момент глобального единения. И я, как и миллионы других, смотрел на это, восхищаясь масштабом и красотой замысла.

Но именно в этот момент триумфа, как это часто бывает в историях, где свет сталкивается с тенью, разворачивалась совсем другая драма. Она происходила не под светом софитов, а в тишине редакций, в пресс-релизах, которые рассылались с лихорадочной скоростью, в заявлениях, полных едва

сдерживаемой ярости. Пока мир рукоплескал, за кулисами этого праздника жизни кипела работа по его дискредитации. Это был не спонтанный взрыв негодования. Это была четко скоординированная атака. Целью был не сам факт появления голливудской звезды. Целью была его вера.

За несколько дней до этого, когда только пошли слухи о возможном участии Круза, французские антикультовые группы, многие из которых существуют на щедрые государственные гранты, начали бить в набат. Глава организации UNADFI, занимающейся поддержкой лиц, пострадавших от тоталитарных культов, Кэтрин Кац заявила, что обсуждение присутствия на мероприятии Тома Круза является оскорблением для жертв тоталитарных культов. Другая активистка, Шарлин Делпорт из центра CAFFES, назвала происходящее «позором». Даже правительственная миссия MIVILUDES, официальный орган по борьбе с «сектантскими отклонениями», выпустила специальное предупреждение. Поводом послужило то, что в Париже волонтеры якобы распространяли брошюры под названием «Нет наркотикам». Эти брошюры — часть глобальной просветительской программы, которую поддерживает Саентологическая церковь. Но в заявлении MIVILUDES это было представлено как коварная вербовочная тактика, несущая риски психологической дестабилизации.

"Ils sont très présents dans les grands événement sportifs, ils vont sans doute toucher beaucoup de jeunes, je suis très inquiète"

«Они очень присутствуют на больших спортивных мероприятиях, они, несомненно, достигнут многих молодых людей, я очень обеспокоен», — вторила им мадам Делпорт.

Цепная реакция была мгновенной. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, более известная как FECRIS, — зонтичная структура, объединяющая десятки подобных организаций по всей Европе, — тут же подключилась к кампании. В ход пошел стандартный набор обвинений, хорошо знакомый любому, кто хоть раз сталкивался с этой темой. Саентология — это «опасный культ», который «промывает мозги», «вымогает деньги», «разрушает жизни» и использует «тактику запугивания и психологического террора».

Именно тогда я понял, что вижу перед собой не просто критику. Я видел сложенный механизм в действии. Это была не реакция на событие, а использование события как повода для атаки. Инцидент на Олимпиаде стал для меня тем, что в военном деле называют открывающим залпом. Это была публичная демонстрация силы в войне, которая десятилетиями ведется в тени — в судах, в кабинетах чиновников, на страницах газет и в умах людей. Это была война против свободы совести, и в ее эпицентре, словно непокорный шип, оказалась Саентология.

Я хочу разобраться. Я не буду голословным и не стану принимать на веру ни одну из сторон. Моя задача как журналиста-расследователя — понять, почему. Почему религия, декларирующая своей целью духовное совершенствование человека, вызывает такую ярость? Почему ее социальные программы, будь то борьба с наркоманией, защита прав человека или продвижение грамотности, вызывают не благодарность, а обвинения в скрытой вербовке? Почему появление на публичном мероприятии всемирно известного саентолога воспринимается не как частный факт его биографии, а как оскорбление и угроза?

Ответ, как мне кажется, лежит не на поверхности. Он скрыт в истории, в переплетении интересов могущественных структур и в самой природе Саентологии, которая с момента своего основания отказалась играть роль покорной жертвы. Чтобы понять истоки этой вражды, нужно вернуться в прошлое, в середину XX века, в эпоху Холодной войны, когда мир был поделен на два лагеря, а страх перед контролем над разумом был почти осязаем.

Именно тогда, в 1950-х, писатель и философ Л. Рон Хаббард опубликовал свою работу «Дианетика: современная наука о психическом здоровье». Книга произвела фурор. Она предлагала не мистическое откровение, а практическую методику, позволяющую человеку самостоятельно справиться со своими внутренними проблемами, источниками страхов и психосоматических болезней.

«Всего лишь за пару месяцев Хаббард стал национальной знаменитостью и основателем самого быстрорастущего движения в США» — писала Los Angeles Daily News в сентябре 1950 года.

Но этот успех мгновенно сделал его врагом могущественной индустрии — психиатрии.

Американская психиатрическая ассоциация (АПА) встретила «Дианетику» в штывы, заявив, что ее методы не были экспериментально протестированы. Это было лишь начало.

Настоящая война развернулась в 1956 году, когда на рассмотрение Конгресса США был вынесен так называемый «Законопроект о психическом здоровье Аляски». На первый взгляд, инициатива была благородной: построить на Аляске современные учреждения для душевнобольных. Но дьявол, как всегда, был в деталях. Законопроект давал право отправлять на Аляску «пациентов» со всех 48 штатов, а критерии признания человека «психически больным» были предельно размытыми. Саентологи, которые к тому времени уже сформировали Церковь и активно занимались правозащитной деятельностью, увидели в этом законопроекте ужасающую перспективу создания «американской Сибири» — легального механизма для изоляции любых неудобных: политических диссидентов, социальных критиков, да и просто тех, кто мешал своим родственникам. Они развернули масштабную общественную кампанию, завалив сенаторов письмами протеста. Под давлением общественности законопроект был существенно изменен, а его самые одиозные положения — удалены. Но АПА и стоящие за ней силы этого не забыли. Они увидели в лице молодой и активной Церкви Саентологии не просто конкурента, а экзистенциального врага, способного мобилизовать общество и сорвать их планы.

В том же десятилетии Хаббард нанес еще один удар, опубликовав книгу «Промывка мозгов: синтез русского учебника по психополитике». Он представил ее как разоблачение советских технологий порабощения личности, как предупреждение свободному миру об угрозе ментального контроля, который коммунизм пытался экспортировать. Хаббард отправил экземпляры в ФБР и другие ведомства, призывая серьезно отнестись к этой угрозе. Но его оппоненты извратили и этот шаг. Спустя годы они стали утверждать, что эта книга — не разоблачение, а секретное руководство самих саентологов по «промывке мозгов». Логика была циничной, но эффективной: тот, кто громче всех кричит «держи вора!», скорее всего, и есть вор.

Эти два эпизода — битва за Аляску и публикация «Промывки мозгов» — заложили фундамент будущего конфликта. Саентология обозначила себя как сила, которая не просто существует, но и активно противостоит тому, что считает злом: психиатрическим злоупотреблениям, попыткам государства контролировать сознание, социальной несправедливости. Она создала Гражданскую комиссию по правам человека (ГКПЧ), которая начала скрупулезно документировать преступления психиатров, проводить шокирующие выставки и лоббировать законы в защиту пациентов. ГКПЧ не боялась поднимать самые страшные темы, проводя прямую линию от нацистской программы «Т4» — программы уничтожения «неполноценных» людей, в которой ключевую роль играли ведущие немецкие психиатры, — до современных практик вроде электрошока, лоботомии и массового назначения детям психотропных препаратов.

Можете ли вы представить себе ярость многомиллиардной фармацевтической и психиатрической индустрии, когда кто-то не просто критикует ее, а систематически разоблачает ее самые темные секреты, подкрепляя это фактами и свидетельствами жертв? Можете ли вы представить себе раздражение спецслужб, чьи методы ментального воздействия вдруг становятся предметом публичного обсуждения? Саентология стала тем самым шипом, который не просто причинял дискомфорт, но и угрожал заражением всей системы, заставляя ее болезненно сокращаться.

И тогда система начала защищаться. Но поскольку прямая атака на религию в демократическом обществе затруднена, был найден обходной путь. То, что мы сегодня называем антикультовым движением. Оно не говорило о теологии. Оно говорило на языке страха. Его главным товаром стала моральная паника. Слова «промывка мозгов», «контроль сознания», «деструктивный культ» стали его оружием. Это движение было построено на историях «бывших членов», чьи личные драмы и обиды превращались в универсальные обвинения. А финансировали и направляли это движение те самые структуры, чьим интересам угрожала Саентология.

Этот механизм, действующий в США, оказался невероятно эффективным и был готов к экспорту. И когда в начале 1990-х рухнул «железный занавес», он нашел самую благодатную почву в постсоветской России. На сцену вышел Александр Дворкин — фигура, достойная отдельного романа. Гражданин США,

вернувшийся в Россию после распада СССР, он, не имея признанного в России научного звания в области религиоведения, объявил себя главным «сектоведом» страны. Он импортировал весь арсенал западных антикультистов: страшилки про «зомбирование», истории о разрушенных семьях и, даже внедрил новый термин «тоталитарная секта» — пропагандистский ярлык, который позволял криминализировать любую веру, неугодную истеблишменту.

Александр Леонидович Дворкин

Дворкин создал Центр имени Иринея Лионского, который действовал под крылом Русской Православной Церкви, и с 2009 года являлся вице-президентом той самой FECRIS, которая сегодня кричит об «оскорблении жертв» в Париже. Пазл сложился. Французские, американские и российские антикультисты оказались звеньями одной цепи. Сети, которая уходит корнями в страхи Холодной войны, в кабинеты психиатров, мечтавших о безграничной власти над человеческим разумом, и, если копнуть глубже, в идеологию, которая делит людей на «своих» и «чужих», «здоровых» и «больных», «людей» и «сектантов».

И эта сеть, этот международный синдикат по производству ненависти, десятилетиями ведет войну против Саентологии. Они преследуют ее по всему

миру: запреты в Австралии и Англии в 60-е, судебные процессы во Франции, постоянное давление в Германии, где были введены так называемые «сектантские фильтры» — унижительные анкеты, требующие от человека письменно отречься от своей веры, чтобы получить работу садовника или тренера по теннису. И, конечно, в России, где на основании сфальсифицированных экспертиз Дворкина и его коллег книги Л. Рона Хаббарда вносились в список экстремистских материалов, а на саентологов заводили уголовные дела.

Спуск Тома Круза с небес Парижа стал для меня прозрением. Я увидел, как два мира столкнулись в одной точке. Мир яркий, открытый, полный достижений и устремленный в будущее. И мир теневой, полный застарелых обид, ксенофобии и страха перед всем, что он не может контролировать. И Саентология оказалась на самой линии фронта, потому что она, по своей природе, бросает вызов этому теневому миру. Она говорит наркоману, что он может стать свободным без метадона. Она говорит человеку с депрессией, что корень его проблем не в химическом дисбалансе, а в болезненном опыте прошлого, который можно осознать и преодолеть. Она говорит каждому, что он — могущественное духовное существо, а не безвольный механизм, который можно отремонтировать таблеткой или электрошоком.

В этой книге я хочу пройти по следам этой войны. Я хочу проанализировать методы антикультистов, изучить их аргументы и понять, где правда, а где — циничная манипуляция. Я хочу понять, почему государство, призванное защищать свободу совести, так легко становится инструментом в руках тех, кто эту свободу стремится уничтожить, ловко манипулируя чиновниками и правоохранительными органами. История Саентологии — это не просто история одной религии. В XXI веке, в эпоху фейковых новостей, «культуры отмены» и цифрового контроля, когда ярлык «врага» можно повесить на кого угодно, эта история становится универсальным предупреждением. Это рассказ о том, как легко можно потерять свободу под благовидным предлогом защиты от мнимой угрозы. И битва, развернувшаяся вокруг Саентологии, — это битва за будущее, в котором право верить или не верить, думать и выбирать свой путь останется неотъемлемым правом каждого из нас. Путешествие начинается. И оно обещает быть не менее захватывающим, чем та самая миссия, что развернулась на наших глазах в небе над Парижем.

ГЛАВА 1.

ЗАКОН О СИБИРИ: ПРОВАЛ, КОТОРЫЙ ВСЁ ИЗМЕНИЛ

Дым сигарет висел в воздухе американских пятидесятых плотным, тревожным маревом. Он пропитывал все: от обитых винилом диванов в пригородных гостиных до строгих костюмов в коридорах власти. Это был не просто табачный дым — это было зримое воплощение страха, который поселился в сердцах нации. Холодная война была не где-то далеко, за океаном, она велась прямо здесь, в умах и душах. Враг был повсюду и нигде одновременно. Он мог быть вашим соседом, почтальоном, любимым киноактером. Каждый день газеты кричали о «красной угрозе», о советских шпионах, проникших в самое сердце Америки. Сенатор Джозеф Маккарти, человек с тяжелым взглядом и голосом, подобным скрежету металла, превратил этот страх в политическое оружие. Его слушания в Конгрессе стали национальным театром абсурда, где репутации рушились под тяжестью бездоказательных обвинений, а карьера могла быть уничтожена одним лишь намеком на «симпатии к коммунизму».

Я не буду голословным: атмосфера того времени документирована тысячами страниц протоколов, газетных вырезок и личных дневников. Это была эпоха конформизма, возведенного в культ. Любое отклонение от нормы, любая нестандартная мысль, любая вера, не вписывающаяся в привычные рамки, вызывала подозрение. В этом мире идеальных газончиков и безупречных домохозяек из телерекламы любое инакомыслие воспринималось как симптом болезни, как потенциальная угроза национальной безопасности. Люди боялись говорить, боялись думать, боялись быть собой. Страх стал нормой жизни. В указе президента США Гарри С. Трумэна от 21 марта 1947 года, прямо говорилось, что основанием для признания нелояльности может служить не только членство, но даже просто симпатия к организации, признанной подрывной. Тысячи людей потеряли работу, друзей и доброе имя не за действия, а за мысли, которые им приписывали. И в этой гнетущей, пропитанной паранойей тишине готовился к рождению монстр, куда более реальный, чем призрачные коммунисты под каждой кроватью. Он появился на свет в виде сухого, на первый взгляд,

законодательного документа, но его истинная суть была настолько чудовищной, что современники окрестили его «Законом о Сибири».

Копаясь в запыленных архивах, я наткнулся на него почти случайно. Официальное название — «Законопроект о психическом здоровье Аляски», публичный закон 84-830. На бумаге все выглядело благородно. 1956 год. Аляска еще не штат, а отдаленная, малонаселенная территория. Система здравоохранения там, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Людей с психическими проблемами отправляли за тысячи километров в частную клинику в Орегоне, где условия, как позже выяснилось, были ужасающими. Законопроект предлагал гуманное решение: построить современные лечебные учреждения прямо на Аляске. Для этого правительство США выделяло щедрый грант в 12,5 миллионов долларов и, что самое интересное, передавало в собственность нового «Целевого фонда психического здоровья Аляски» один миллион акров федеральной земли. Миллион акров. Это примерно 4000 квадратных километров. Территория, сопоставимая с небольшим европейским государством. И все это для «улучшения психиатрической помощи».

Но когда я начал вчитываться в детали, в мелкий шрифт, который редко кто замечает, благодушная картина начала рассыпаться. Я понял, почему оппоненты законопроекта впали в панику. Это был не просто план строительства больницы. Это был механизм, который мог превратить огромную, изолированную территорию Аляски в гигантскую тюрьму для неугодных. Ключевое положение законопроекта, которое вызвало бурю негодования, позволяло принудительно госпитализировать на Аляску людей из любого штата США. Повторю еще раз: жителя Калифорнии, Техаса или Нью-Йорка могли по решению местного суда схватить, погрузить в самолет и отправить в безлюдную глушь Аляски, на тысячи километров от дома, семьи и адвокатов.

А теперь самое главное: критерии для такой отправки были пугающе расплывчатыми. Кто считался «психически больным»? В атмосфере маккартизма ответ был очевиден: любой, кто мыслит не так, как положено. Коммунист, социалист, профсоюзный активист, слишком рьяный борец за гражданские права, член непривычной религиозной группы — все они легко попадали под определение «политически неблагонадежных», а значит, и «психически неуравновешенных». Законопроект давал в руки властям идеальный инструмент для изоляции инакомыслящих, не прибегая к

неудобным политическим процессам. Не нужно было доказывать шпионаж или государственную измену. Достаточно было заключения пары лояльных психиатров, чтобы человек исчез. Навсегда. Его бы просто отправили в «Сибирь, США». Это прозвище, «Siberia, USA», родилось не на пустом месте. Оно было криком ужаса людей, которые поняли, что на их глазах строится настоящий американский ГУЛАГ. В газете «The Register» из Калифорнии появилась статья с заголовком-предупреждением: законопроект был назван зловещей схемой по созданию нашей собственной версии сибирских трудовых лагерей. Конгрессмены сообщали, что их заваливают письмами со всей страны. Люди писали, что боятся, что под видом лечения их будут «промывать мозги» или просто держать в заключении до конца дней.

Кто же стоял за этим чудовищным планом? Главным лоббистом законопроекта была Американская психиатрическая ассоциация (АПА). Это была та самая организация, которая в те годы активно продвигала такие варварские методы, как лоботомия и электрошоковая терапия. Для них миллион акров на Аляске и неограниченный приток «пациентов» со всей страны были золотой жилой. Это был шанс создать гигантскую лабораторию, скрытую от посторонних глаз, где можно было бы без всякого контроля проводить любые эксперименты над людьми, лишенными всех прав.

Эта мысль не дает мне покоя: в то время как весь мир ужасался нацистской программе Т4, в рамках которой немецкие психиатры уничтожили десятки тысяч людей, их американские коллеги пытались создать собственную изолированную империю для сомнительных практик. Это не было преувеличением напуганных конспирологов. Я держал в руках документы тех лет. Психиатрия в 1950-х в США активно использовала мощные препараты, электросудорожную терапию и психохирургию для «реабилитации» не только больных, но и несовершеннолетних правонарушителей и заключенных. Это был инструмент социального контроля, и «Закон о Сибири» должен был стать его самым мощным воплощением.

Против законопроекта поднялась странная, на первый взгляд, коалиция: ультраправые группы, боявшиеся мирового правительства, религиозные фундаменталисты, видевшие в психиатрии руку дьявола, и... небольшая, но невероятно активная группа людей, называвших себя саентологами. Их

возглавлял человек, который понял суть происходящего глубже, чем кто-либо другой. Его звали Л. Рон Хаббард.

Чтобы понять, почему именно Хаббард и его последователи оказались в авангарде этой борьбы, нужно вернуться на год назад, в 1955-й. В самый разгар Холодной войны, когда американское общество было одержимо страхом перед ядерной войной и коммунистической инфильтрацией, Хаббард сделал нечто из ряда вон выходящее. Он опубликовал небольшую, но взрывоопасную книгу под названием «Промывание мозгов: Синтез русского учебника по психополитике». Он представил ее как перевод секретного советского руководства, написанного якобы самим главой НКВД Лаврентием Берией. Позже критики обвинят Хаббарда в том, что он сам был автором этого текста. Но, изучив его, я склоняюсь к мысли, что вопрос авторства вторичен. Главное — его содержание. Это был пугающе точный и циничный анализ методов психологической войны и контроля над разумом.

Я листал страницы этого учебника, и по спине бежали мурашки. Это был не абстрактный трактат. Это была инструкция по уничтожению личности и порабощению нации.

"In order to be conquered, a nation must be degraded, either by acts of war, by being overrun, by being forced into humiliating treaties of peace, or by the treatment of her populace under the armies of the conqueror. However, degradation can be accomplished much more insidiously and much more effectively by consistent and continual defamation.

Defamation is the best and foremost weapon of Psychopolitics on the broad field. Continual and constant degradation of national leaders, national institutions, national practices, and national heroes must be systematically carried out, but this is the chief function of Communist Party Members, in general, not the psychopolitician".

«Чтобы быть завоеванной, нация должна быть деградирована либо актами войны, либо захватом, либо принуждением к заключению унижительных мирных договоров, либо обращением с ее населением под армиями завоевателя. Однако деградация может быть достигнута гораздо более коварно и гораздо более эффективно путем последовательной и постоянной клеветы.

Диффамация является лучшим и главным оружием психополитики в широком поле. Непрерывная и постоянная деградация национальных лидеров, национальных институтов, национальных практик и национальных героев должна систематически осуществляться, но это главная функция членов Коммунистической партии в целом, а не психополитика».

В другом месте давался прямой рецепт разложения молодежи:

"By making readily available drugs of various kinds, by giving the teen-ager alcohol, by praising his wildness, by stimulating him with sex literature and advertising to him or her practices as taught at the Sexpol, the psychopolitical operator can create the necessary attitude of chaos, idleness and worthlessness into which can then be cast the solution which will give the teen-ager complete freedom everywhere – Communism".

«Сделая легкодоступные наркотики различных видов, давая подростку алкоголь, восхваляя его дикость, стимулируя его сексуальной литературой и рекламируя его или ее практики, как учат в Sexpol, психополитический оператор может создать необходимое отношение хаоса, праздности и никчемности, в которое затем может бытьброшено решение, которое даст подростку полную свободу повсюду - коммунизм».

Но самое страшное было в том, как учебник описывал использование психиатрии в качестве оружия. Он говорил о доведении людей до безумия с помощью наркотиков и гипноза, об использовании электрошока и операций на мозге для уничтожения воли, о превращении психиатрических лечебниц в политические тюрьмы. «Психополитика, — цинично заявлял автор, — это техника для уничтожения врагов». Хаббард не просто опубликовал этот текст. Он разослал его в ФБР и другие правительственные ведомства, пытаясь предупредить: пока вы ищете шпионов с бомбами, враг атакует самое уязвимое место — человеческий разум. Реакция властей была предсказуемой. Один из агентов ФБР, ознакомившись с документом, написал в своей служебной записке: «Похоже, псих». Они не поняли. Или не захотели понять.

Но Хаббард и его последователи поняли. И когда год спустя появился «Законопроект о психическом здоровье Аляски», они увидели в нем не заботу о больных, а точное воплощение сценария из русского учебника по психополитике. Все совпадало: создание изолированной территории,

неограниченные полномочия психиатров, возможность принудительной госпитализации любого гражданина, расплывчатые критерии «болезни». Это была та самая модель, которую Хаббард разоблачил. Они увидели, как злобещий план обретает плоть и кровь в американском законодательстве. И они начали действовать.

Церковь Саентологии, основанная всего за два года до этого, в 1954 году, была еще молодым и небольшим движением. Но они обладали невероятной энергией и организацией. Они начали массовую кампанию по информированию общественности. Это была настоящая партизанская война против могущественного лобби. Тысячи саентологов и сочувствующих им граждан завалили конгрессменов письмами протеста. В своих публикациях они прямо называли законопроект попыткой психиатров создать скрытый от внимания общественности и активистов, защищающих гражданские свободы лагерь. Они говорили о том, что эта «Сибирь» позволит психиатрам проводить эксперименты по контролю над разумом над заключенными без огласки. Они били в набат, предупреждая, что любой человек может быть объявлен «безумным» или «психически больным», лишен гражданских прав и задержан в лагере на неопределенный срок без суда и следствия.

Это была битва Давида и Голиафа. С одной стороны — могущественная Американская психиатрическая ассоциация, поддерживаемая правительственными структурами. С другой — группа энтузиастов, вооруженных лишь пишущими машинками и знанием, которое дал им Хаббард. И, к удивлению многих, Давид победил. Общественный резонанс оказался настолько мощным, что Сенат был вынужден пойти на попятную. После долгих слушаний самые опасные положения законопроекта — те, что касались принудительной госпитализации из любого штата, — были исключены. План по созданию «Сибири, США» был сорван.

Это был триумф. Гражданское общество показало свою силу. Небольшая группа людей, верящих в свободу, смогла остановить машину государственных репрессий. Но за эту победу пришлось заплатить страшную цену. В тот момент, когда законопроект был выхолощен, Саентология из малоизвестного религиозного движения превратилась в смертельного врага очень могущественных сил. Я убежден, и документы это подтверждают, что именно с этого момента начинается систематическая, многолетняя и глобальная война

против Саентологии. Американская психиатрическая ассоциация и связанные с ней структуры не простили этого унижения. Они не забыли, кто поднял волну общественного сопротивления и лишил их обещанной арктической империи.

Официальный сайт Церкви Саентологии прямо заявляет, что после провала законопроекта АПА активизировала свою борьбу с Дианетикой и Саентологией, рассматривая Церковь как активного противника. Если проследить хронологию событий, картина становится пугающе ясной. Сразу после этих событий по всему миру прокатывается волна преследований. 1962 год — в Австралии под влиянием Всемирной федерации психического здоровья начинается кампания против саентологов. 1963 — полный запрет в австралийском штате Виктория. 1968 — запрет в Англии. Новая Зеландия, Греция, Марокко, Испания, Португалия — список можно продолжать. Это не было серией случайных совпадений. Это была скоординированная атака. Враг, которого они остановили на Аляске, нанес ответный удар по всему миру.

Но и этого было мало. Враги Саентологии поняли, что законодательные запреты — инструмент грубый и не всегда эффективный. Общественное мнение на Западе все еще ценило свободу вероисповедания. Нужен был новый, более коварный метод борьбы. Если нельзя уничтожить движение юридически, нужно уничтожить его членов физически и морально. И тогда, в начале 1970-х, на сцене появляется новая, зловещая фигура. Его звали Тед Патрик, и он вошел в историю как «отец депрограммирования».

Я не зря использую именно этот термин. Депрограммирование — это был эвфемизм, призванный скрыть суть того, чем занимался Патрик и его последователи. А суть была проста: похищение людей, незаконное лишение свободы и психологические пытки. Это была прямая, неприкрытая агрессия. Не сумев победить в правовом поле, оппоненты Саентологии перешли к откровенному криминалу. Они не могли доказать в суде, что Саентология — это нечто плохое. Поэтому они начали нанимать бандитов, чтобы те силой вырывали людей из их религиозных общин.

Схема была проста. Встревоженные родители, чьи взрослые дети выбрали новую, непонятную им веру, обращались в так называемые антикультовые организации. Эти организации, часто имевшие тесные связи со структурами, противостоявшими Саентологии еще со времен «Закона о Сибири», рисовали

родителям страшные картины «промывки мозгов» и рекомендовали «специалиста» — Теда Патрика. А дальше начинался кошмар. Патрик и его команда выслеживали «жертву», силой затаскивали в фургон, увозили в тайное место — мотель или загородный дом — и начинали процедуру.

Я изучал отчёты по этим делам. За сухими протоколами вставала картина, превосходящая по своей жестокости даже зверства гестапо. Помимо стандартных пыток — лишения сна и пищи, привязывания к стулу, круглосуточных унижений и надругательств над верой, — применялись изощрённые методы пыток, включая сексуального насилия, целью которых было не просто сломить физическое сопротивление, а тотально уничтожить человеческое достоинство, растоптать саму личность. Вся эта машина подавления, описанная Патриком как стремление «заставить человека снова начать мыслить», на деле была методичным «промыванием мозгов» через боль, страх и унижение. Их целью было довести человека не просто до истощения, а до состояния ломающегося животного, готового отречься от всего, включая собственное «я», лишь бы остановить пытку. Это был не допрос, а садистический ритуал уничтожения человека.

Одним из самых известных случаев стало дело 29-летней Полы Дейн, саентолога, которую Патрик похитил в 1979 году. Ее родители, напуганные антисаентологической пропагандой, заплатили ему 75 000 долларов за «спасение» дочери. Она провела в плену несколько дней, подвергаясь всем ужасам депрограммирования, прежде чем ей удалось сбежать. Позже она подала на Патрика в суд за нарушение ее гражданских прав. И таких случаев были сотни, если не тысячи. Сам Патрик хвастался, что лично провел более 2600 депрограммирований. Много раз его судили и даже сажали в тюрьму за похищения, жестокое обращение и сексуальное насилие, но это его не останавливало. За его спиной стояли влиятельные силы, которые обеспечивали ему финансирование и своего рода крышу.

Силы, которые пытались создать в Америке легальную систему для ссылки неудобных в «Сибирь», получив отпор от саентологов, не успокоились. Они просто сменили тактику. Вместо государственных лагерей они создали систему частного, криминального террора. Они объявили Саентологию «культом», а ее членов — «зомби с промытыми мозгами», чтобы оправдать в глазах общества насильственные похищения и пытки. Провал с «Законом о Сибири» не научил

их ничему. Он лишь сделал их злее и изобретательнее. Борьба за свободу совести, начавшаяся в заснеженных просторах Аляски, перешла в новую, еще более жестокую и подлую фазу. И призраки американской «Сибири» обрели новую плоть в лице людей, называвших себя депрограмматорами.

ГЛАВА 2.

НАСЛЕДИЕ ДЖОНСТАУНА: РОЖДЕНИЕ АНТИКУЛЬТОВОЙ ИНДУСТРИИ

Ноябрь 1978 года. Мир, только-только начавший забывать ужасы Вьетнама и Уотергейта, замер, прикованный к экранам телевизоров. То, что он там увидел, было страшнее любого голливудского фильма ужасов. Жуткие кадры, снятые с вертолета, показывали поляну посреди гайанских джунглей, усеянную сотнями тел. Мужчины, женщины, дети лежали в неестественных позах, многие обнимая друг друга в последнем, смертельном объятии. 912 человек. Мертвые. Это был Джонстаун, поселение «Храма народов», основанной Джимом Джонсом. Они последовали за своим лидером в поискахрая на земле, а нашли братскую могилу под тропическим солнцем.

В первые дни новости были хаотичными и обрывочными. Речь шла о «массовом самоубийстве», о «революционном акте», о фанатиках, добровольно принявших яд из рук своего мессии. Но чем глубже я погружался в архивы того времени, листая пожелтевшие газетные вырезки и отчеты патологоанатомов, тем более зловещей становилась картина.

Согласно некоторым исследователям, это могло быть не самоубийство: по их оценкам, значительная часть из погибших умерли не добровольно. По меньшей мере 700 из 912 погибших были убиты. Младенцам впрыскивали цианид в рот шприцами. Тем, кто сопротивлялся, стреляли в затылок. Дети доверчиво пили из бумажных стаканчиков сладкий напиток «Flavor Aid», в концентрат которого при приготовлении добавили цианид и транквилизаторы. Дети не знали, что через несколько секунд их тела начнут биться в предсмертных конвульсиях.

Кадры из Джонстауна встали в один ряд с фотографиями из Освенцима и «полями смерти» Пол Пота. Они стали неопровержимым, зримым доказательством того, что культы убивают. Общество, которое до этого лишь смутно догадывалось об опасностях новых религиозных движений, получило шокирующее подтверждение своим худшим страхам. Но я задался вопросом: для кого эта трагедия, помимо семей погибших, стала настоящим подарком? Кто сумел превратить это поле смерти в золотую жилу? Ответ не заставил себя долго ждать. Катастрофа в Джонстауне стала стартовым выстрелом, давшим «новую жизнь» и невероятную мощь движению, которое позже назовут антикультизмом. Она стала их знаменем, их главным аргументом и их самым прибыльным товаром.

Я не буду голословным. Чтобы понять, как это произошло, нужно вернуться к человеку, с которым мы расстались в конце предыдущей главы, — к Теду Патрику, «отцу депрограммирования». До ноября 1978 года он был фигурой сомнительной, на грани криминала. Его бизнес — похищение людей и психологические пытки с целью «освобождения от влияния культов» — вызывал много вопросов у правоохранительных органов. Его самого неоднократно судили за незаконное лишение свободы. Но после Джонстауна все изменилось. Патрик из похитителя мгновенно превратился в пророка, в кассандру, которая предупреждала об опасности. Кадры с мертвыми телами стали лучшей рекламой его услуг. По сути, он теперь предлагал родителям простой и пугающий выбор, в котором его жесткие методы выглядели единственным спасением: видите, что бывает, если вовремя не вмешаться? — мог теперь говорить он перепуганным родителям. — Я предлагаю жесткие методы, но они спасают жизни. Вы хотите, чтобы ваш ребенок оказался в следующем Джонстауне? Спрос на его «услуги» взлетел до небес. Но Патрик и его покровители понимали, что для легитимизации их деятельности нужна была более респектабельная вывеска, чем банда наемников с фургоном. Нужна была общественная организация, которая бы придала их криминальному ремеслу видимость благородной миссии. И она появилась. В том же 1978 году, словно по мановению волшебной палочки, была основана Citizens' Freedom Foundation (CFF), которая позже, в 1986 году, сменит название на более хлесткое и запоминающееся — Cult Awareness Network (CAN), или «Сеть Осведомленности о Культах».

CAN позиционировала себя как информационно-просветительский центр. На бумаге все выглядело благопристойно: горячая линия для обеспокоенных родственников, группы поддержки для «бывших членов», распространение информации об «опасных культах». Но за этим фасадом скрывалась все та же индустрия страха и насилия. Операторы горячей линии CAN, выслушав панический рассказ матери о том, что ее двадцатилетний сын стал вегетарианцем, бросил университет и увлекся восточной медитацией, не успокаивали ее. Напротив, они подливали масла в огонь, используя набор пугающих, псевдонаучных терминов. Я могу почти дословно реконструировать такой диалог, основываясь на десятках свидетельств жертв депрограммирования:

— Ваш сын находится под влиянием деструктивного культа, — говорил холодный, уверенный голос на том конце провода. — Они используют техники контроля сознания. Это очень опасно.

— Контроля сознания? Что это? — лепетала испуганная женщина.

— Это система психологического принуждения. Реформирование мышления, промывка мозгов... Они разрушают его личность, отрывают от семьи, чтобы полностью подчинить себе. Он больше не ваш сын, он — робот, выполняющий приказы лидера культа.

— Боже мой, что же делать?

— Действовать нужно немедленно, пока не стало слишком поздно. Мы можем порекомендовать вам специалиста, консультанта по выходу. Он поможет вашему сыну снова начать мыслить самостоятельно.

Этим «специалистом» практически всегда оказывались два самых известных депрограммиста эпохи: Рик Алан Росс и Стивен Хасан, чьи услуги стоили десятки тысяч долларов. Связка была очевидной: CAN выступала в роли «медицинского диспетчера», ставившего диагноз «культ», а Росс и Хасан — в роли «хирургов», предлагавших дорогостоящее и насильственное «лечение».

Рик Алан Росс

Рик Росс, не имевший полноценного психологического образования, за свою карьеру провёл, по его собственным оценкам, более 500 сеансов принудительного депрограммирования. Его методы, включавшие похищение, изоляцию и психологическое и физическое насилие, неоднократно становились предметом судебных разбирательств. Наиболее известное дело — судебный процесс 1995 года (Джейсон Скотт против Рика Росса и CAN), где Росс был признан виновным в нанесении побоев и незаконном лишении свободы.

Стивен Алан Хассен

Второй фигурой антикультового движения в Америке является депрограммист Стивен Хасан. Он лично руководил операциями, которые можно квалифицировать как пытки. В деле Артура Розелла его команда удерживала жертву в течение двух недель. Согласно показаниям под присягой, Розелл подвергался жестокому физическому и психическому насилию: его бросали на пол, нанося порезы и ушибы лица, связывали руки и ноги, лишали сна и систематически унижали его человеческое достоинство. Когда жертва проявила стойкость и отказалась отречься от своей веры, Хасан напрямую угрожал ей инъекциями, пытаясь сломить её волю. В довершение ко всему, он пытался принудить Розелла к даче ложных показаний о произошедшем преступлении.

Схожие зверства повторились в деле Лорны Салаха. Группа Хасана ворвалась в её номер в мотеле, сбросила её с кровати и угрожала сломать ей ногу в случае попытки позвать на помощь или бежать. После похищения её перевезли в удалённое место, где она находилась в заключении восемь дней, подвергаясь непрерывному психологическому давлению с целью разрушить её веру. Даже после провала этой попытки, Хасан продолжил мучения ещё в течение трёх дней, пока ей не удалось договориться о своём освобождении. Ещё одна жертва, Клэр Келли, свидетельствовала о незаконном лишении свободы со стороны Хасана. Её держали в комнате с заблокированными окнами под круглосуточной охраной, грубо нарушая её право на частную жизнь и личную свободу.

Несмотря на такое прошлое, Стивену Хасану удалось переупаковать себя в «эксперта» по религиозным вопросам. Он выступал в судах, предлагая свои псевдонаучные теории, которые вводили в заблуждение суды и разрывали семьи, пока правовая система не начала распознавать несостоятельность его методов. Сегодня Хасан продолжает свою антирелигиозную деятельность, лишь сменив вывеску с депрограммирования на более респектабельное, но от этого не менее опасное «вмешательство».

Однако для работы этого преступного конвейера требовалось не только организационное, но и идеологическое обоснование. Преступления Росса, Хасана и им подобных не были бы возможны, если бы их не оправдывала псевдонаучная догма, которую CAN навязывала обществу.

CAN стала воронкой, которая засасывала семейные трагедии, страхи и невежество, а на выходе выдавала заказы на похищения людей. Это был идеально отлаженный конвейер. Но чтобы этот конвейер работал бесперебойно, ему нужно было топливо — идеология. И этой идеологией стал миф о «промывке мозгов».

Я задался целью выяснить, откуда вообще взялось это понятие. Оказалось, что его корни не имеют ничего общего с наукой. Термин «brainwashing» (дословно — «промывание мозгов») был введен в обиход в 1950 году журналистом Эдвардом Хантером, который, как выяснилось позже, был агентом ЦРУ. Это был инструмент пропаганды времен Холодной войны. Хантер использовал его для описания методов, которые китайские коммунисты якобы применяли к американским военнопленным в Корее. Цель была проста: объяснить, почему некоторые американские солдаты после плена начинали критиковать политику США. Проще было списать это на таинственное «промывание мозгов», чем признать, что у критики могли быть реальные основания. Сама идея была украдена из романа Джорджа Оруэлла, 1984 года, написанного всего за год до этого. Таким образом, концепция, ставшая краеугольным камнем антикультизма, родилась не в научной лаборатории, а в кабинетах спецслужб и на страницах антиутопии.

Антикультисты взяли этот пропагандистский штамп и применили его к новым религиозным движениям. Любой человек, выбравший веру, непонятную его родителям, объявлялся «жертвой промывки мозгов». Это было удобное объяснение, которое снимало всякую ответственность и с родителей, и с самого отступника. Родителям не нужно было задаваться вопросом, почему их ребенок предпочел общину чужих людей собственной семье. Ответ был готов: его «засомбировали». А самому человеку отказывали в праве на свободный выбор и субъектность. Его религиозные убеждения объявлялись не результатом духовного поиска, а симптомом психического расстройства, наведенного извне.

Но для создания полноценной индустрии одной лишь банды Патрика и страшилок от CAN было недостаточно. Движению требовалось респектабельное, академическое прикрытие. Нужны были люди в белых халатах и с научными степенями, которые бы подтвердили: да, контроль сознания существует, это научно доказанный факт. И такие люди нашлись. В 1979 году, всего через год после Джонстауна, была основана еще одна организация — American Family

Foundation (AFF), позже переименованная в International Cultic Studies Association (ICSA).

Если CAN была «плохим полицейским», то AFF играла роль «хорошего». Ее основал бизнесмен Кэй Барни, чья дочь вступила в Церковь Объединения. В отличие от откровенно бандитской CAN, AFF позиционировала себя как научно-исследовательская и образовательная организация. Среди её участников были: американский клинический психолог, исследователь, адъюнкт-профессор Калифорнийского университета – Маргарет Сингер и американский психолог, эксперт по изучению деструктивных культов и манипулирования сознанием – Майкл Лэнгоун. Они не призывали к похищениям открыто. Они проводили конференции, публиковали статьи в псевдонаучных журналах, давали интервью прессе — и все это для того, чтобы придать мифу о «промывке мозгов» наукообразный вид.

Сингер разработала собственную теорию «реформирования мышления», выделив шесть критериев, по которым можно было определить «деструктивный культ». Среди них — контроль над средой, манипуляция, требование «чистоты», культ исповеди, «священная наука» и «нагруженный язык». На первый взгляд, это звучало убедительно. Но когда я изучил эти критерии, я понял, что под них можно подогнать практически любую сплоченную группу с сильной идеологией: от элитного армейского подразделения и монастырской общины до политической партии или даже корпоративной культуры какой-нибудь Apple или Google.

Это была грандиозная интеллектуальная афера. CAN и AFF работали в идеальной связке. CAN создавала панику и поставляла «клиентов» для депрограмматоров. AFF поставляла «экспертов» и «теории», которые легитимизировали эту панику в глазах общества, судов и СМИ. Маргарет Сингер и ее коллеги выступали на судебных процессах в качестве «экспертов по культам», заявляя под присягой, что ответчик (например, член Церкви Саентологии) является жертвой «контроля сознания» и не может нести ответственность за свои действия. Пресса с готовностью подхватывала эти «экспертные» мнения, создавая порочный круг: «эксперты» ссылались на газетные статьи как на доказательство общественной опасности культов, а газеты цитировали «экспертов» для подтверждения своих страшилок.

Эта фабрика по производству мифов работала на полную мощность. Но у нее была одна серьезная проблема. Ведущие научные организации не признавали ее продукцию. В 1987 году Американская психологическая ассоциация (АПА) — та самая, которая когда-то пыталась создать «Сибирь, США» — рассмотрела отчет, подготовленный комиссией во главе с Маргарет Сингер о техниках «принудительного убеждения» в новых религиозных движениях. И вердикт АПА был разгромным. Ассоциация официально заявила, что теория Сингер не имеет достаточных научных оснований и представляет собой не более чем непроверенные гипотезы. Проще говоря, главная профессиональная ассоциация психологов США назвала теорию «контроля сознания» псевдонаучной чушью.

Это был сокрушительный удар по академической репутации антикультового движения. Их главная теория была признана несостоятельной. Суды, один за другим, начали отказывать в приеме «экспертных» показаний Сингер и ее коллег. Но было уже поздно. Миф о «промывке мозгов» уже ушел в народ. Он стал частью массовой культуры, удобным ярлыком для всего непонятного и чуждого. Фабрика продолжала работать, даже лишившись своего научного сертификата качества.

И главной мишенью этой фабрики, как и следовало ожидать, стала Саентология. Саентология, в отличие от многих других новых религий, не собиралась молча сносить нападки. Она отвечала — жестко, организованно и, что самое болезненное для антикультистов, в суде. Произошла гениальная в своей циничности подмена. Хаббард, как мы помним, еще в 1955 году опубликовал книгу «Промывка мозгов», предупреждая об угрозе ментального контроля со стороны тоталитарных режимов. Антикультисты взяли это и перевернули с ног на голову. Они заявили, что эта книга — не разоблачение, а секретное руководство самих саентологов по вербовке и контролю адептов. Это был классический прием: обвинить врага в том, что он делает сам. Те, кто практиковал депрограммирование — то есть реальную, насильственную промывку мозгов, — обвиняли в этом своих жертв.

Церковь Саентологии и ее прихожане подали сотни исков против CAN, Теда Патрика и других депрограмматоров. Они обвиняли их в похищениях, незаконном лишении свободы, нанесении побоев и нарушении гражданских прав. И они выигрывали эти суды. В 1995 году присяжные по делу о похищении

саентолога Джейсона Скотта присудили ему компенсацию в несколько миллионов долларов, признав CAN соучастником преступления. Этот иск стал для CAN смертельным. В 1996 году, под грузом многомиллионных долгов по судебным решениям, Cult Awareness Network объявила о банкротстве. Казалось, монстр повержен.

Но идеология, как вирус, не умирает вместе со своим носителем. Она просто ищет нового. Методы, терминология и кадры американского антикультизма, отточенные за два десятилетия войны, были готовы к экспорту. И когда в 1996 году CAN официально прекратила свое существование, ее эстафетную палочку уже подхватили по другую сторону Атлантики. Еще в 1994 году во Франции, на деньги французского правительства, была создана организация FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Это была калька с американской модели, только выведенная на государственный, общеевропейский уровень. Ее основателем выступила французская антикультировая ассоциация UNADFI, которая сегодня так яростно протестует против появления Тома Круза на Олимпиаде.

Просматривая документы FECRIS, я вижу знакомый до боли язык. Все те же термины: «сектантские отклонения» (*dérives sectaires*), «ментальная манипуляция», «психологическая дестабилизация». Это прямые переводы американских понятий «destructive cult» и «mind control». Идеологический вирус, созданный в недрах ЦРУ и возвращенный на трагедии в Джонстауне, успешно мутировал и пересек океан.

Американское антикультировое движение, рожденное в атмосфере страха и построенное на псевдонаучных мифах, выполнило свою историческую задачу. Оно создало и отработало технологию преследования инакомыслия под видом заботы о психическом здоровье. Оно превратило слово «культ» в оружие, а «промывку мозгов» — в универсальное обвинение, не требующее доказательств. Оно заложило идеологический фундамент, на котором теперь строилась общеевропейская система борьбы с нетрадиционными верованиями.

Фабрика «Промытых Мозгов», разорившись на своей родине в США, не закрылась. Она просто перенесла производство в Европу, где нашла щедрого государственного спонсора и новую, еще более благодатную почву. Старый, грубоватый американский конвейер по производству ненависти был заменен на

современную, высокотехнологичную европейскую линию, сертифицированную правительствами и финансируемую налогоплательщиками. Цели остались прежними. И главной из них, как и прежде, был тот самый шип, который десятилетиями мешал им спокойно спать, — Церковь Саентологии. Война вступала в новую, глобальную фазу.

ГЛАВА 3.

ТОТАЛИТАРНАЯ СЕКТА: ЯРЛЫК, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ СВОБОДУ

Декабрь 1991 года. Москва пахла мокрым снегом, дешевым табаком и растерянностью. Империя, казавшаяся вечной, рассыпалась на глазах, как промокшая картонная коробка. В воздухе висело пьянящее и одновременно пугающее чувство свободы, похожей на воздух после грозы — дышится легко, но не знаешь, куда ударит следующая молния. Семьдесят лет государственного атеизма, выжигавшего веру каленым железом, сменились эпохой тотального духовного голода. Люди, воспитанные на цитатах из Ленина, вдруг оказались в огромной, гулкой пустоте. И в эту пустоту, как вода в трещины высохшей земли, хлынуло все, что десятилетиями держали за железным занавесом.

На книжных лотках, раскинувшихся прямо на грязном снегу у выходов из метро, Библия соседствовала с трактатами по черной магии, брошюры кришнаитов — с речами Рона Хаббарда, а проповеди заезжих американских евангелистов — с учением Порфирия Иванова. Это был гигантский, хаотичный духовный супермаркет, где каждый мог выбрать себе веру по вкусу и по карману. Для миллионов это был глоток свежего воздуха, возможность наконец-то задать вопросы, которые раньше боялись произнести даже шепотом. Но для тех, кто привык владеть умами, этот хаос был катастрофой. Русская Православная Церковь, только-только начавшая подниматься из руин, с ужасом смотрела, как ее потенциальная паства разбегается по сотням новых, непонятных и чуждых конкурентов. Чиновники, привыкшие все контролировать, растерянно наблюдали за процессом, который не укладывался ни в какие инструкции. В

этом всеобщем смятении родился спрос. Спрос на порядок. Спрос на простые ответы. Спрос на врага, на которого можно было бы списать все беды и страхи новой, непонятной жизни. И, как это всегда бывает, когда появляется спрос, вскоре нашелся и тот, кто был готов предложить товар.

В самый канун нового, 1992 года, на перрон Киевского вокзала сошел человек, который, казалось, был соткан из противоречий. Его звали Александр Дворкин. Он приехал из Будапешта, но за спиной у него были пятнадцать лет жизни в Соединенных Штатах. В 1977 году он покинул СССР молодым хиппи и диссидентом, а вернулся сорокалетним мужчиной с американским паспортом, докторской степенью по истории из Фордхемского университета и ревностным православным крестом на груди. Он выглядел как идеальный мост между двумя мирами: человек, знающий Запад, но сохранивший русские корни. Человек, который мог объяснить растерянной Родине, что за «духовные дары» пришли к ней из-за океана. Никто тогда не мог предположить, что под этим предлогом он внедряет в стране смертоносную разрушительную технологию. Технологию ненависти, упакованную в респектабельную обертку «защиты духовной безопасности».

Я долго пытался собрать воедино его американский пазл, просеивая скудные строчки официальных биографий и редкие интервью. Картина вырисовывалась странная. Вот он, студент-недоучка, отчисленный из московского пединститута. Вот он в Нью-Йорке, работает курьером, принимает крещение в православном храме, учится в престижной Свято-Владимирской семинарии под руководством знаменитых богословов Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа. Вот он — автор и диктор на радиостанциях «Голос Америки» и «Радио Свобода», рупорах американской пропаганды времен Холодной войны. Чем занимался этот человек все эти годы? Изучал русскую литературу и средневековую историю? Или что-то еще? Ответы начали появляться, когда я копнул глубже, в мутную историю американского антикультового движения, о котором писал в предыдущих главах.

Оказалось, что годы становления Дворкина в США прились на самый расцвет деятельности Cult Awareness Network (CAN) и American Family Foundation (AFF) — тех самых организаций, которые превратили трагедию в Джонстауне в прибыльную индустрию похищений и депрограммирования. Дворкин не мог не знать об их существовании. Более того, я нашел

доказательства его прямых связей с ними. В 1994 году, уже в Москве, он организует Международный христианский семинар «Секты тоталитарных в России», на который в качестве главного докладчика приглашает не кого-нибудь, а Рональда Энрота, одного из столпов американского антикультизма, тесно связанного с CAN. Естественно, на семинаре упоминались Церкви Саентологии и Хаббарда. У Дворкина есть другие партнеры, такие как Кэрл Джамбалво, член другой антирелигиозной группы ненависти, связанной с более ранней итерацией CAN. Ее книга «Пропаганда депрограммирования» была переведена на русский язык и распространена на антирелигиозном семинаре в Санкт-Петербурге.

Более того, Дворкин открыто признал свою связь с CAN во время выступления на телепрограмме «Времечко» 16 апреля 1996 года:

– Дворкин: Я американский гражданин. У меня есть американский паспорт. Все мое образование - американское.

– Корреспондент: С какой организацией вы в основном связаны?

– Дворкин: Это называется CAN. Это сеть для идентификации культов.

Он был там. Он видел, как работает эта машина. Он изучал ее методы, ее язык, ее тактику. Он впитал в себя всю ту псевдонаучную мифологию о «промывке мозгов» и «контроле сознания», которая в самой Америке уже начинала трещать по швам под ударами судебных исков и разгромных заключений профессиональных психологических ассоциаций. Но для России, неискушенной и напуганной, этот товар был в новинку. Дворкин понял это лучше, чем кто-либо другой. Он увидел в духовном хаосе 90-х не трагедию, а безграничный рынок сбыта для своего импортного яда. Первым делом ему нужен был бренд, ярлык, который можно было бы наклеить на любого конкурента. И он его нашел. Точнее, импортировал и довел до совершенства. Я говорю о словосочетании «тоталитарная секта». Я не буду голословным: сам термин появился в российской прессе чуть раньше, в статье журналиста Александра Щипкова, но именно Дворкин превратил его из газетной метафоры в мощнейшее оружие массового поражения. Это был гениальный ход. Для народа, только что вырвавшегося из объятий тоталитарного коммунистического режима, слово «тоталитарный» было абсолютным злом, оно било наотмашь, не

требуя доказательств. Соединив его с архаичным и пугающим словом «секта», Дворкин создал чудовищный гибрид, вызывающий инстинктивный ужас.

Любая группа, которую он называл «тоталитарной сектой», автоматически становилась в глазах обывателя чем-то вроде филиала КПСС и гестапо одновременно. Ее члены — не заблудшие души, а «зомби». Их лидер — не духовный учитель, а диктатор-маньяк. Их община — не место для молитвы, а концлагерь. Этот ярлык освобождал от необходимости разбираться в сути учения, вникать в детали. Он был приговором, не подлежащим обжалованию.

Вооружившись этим термином, Дворкин начал действовать. В 1993 году, получив благословение Патриарха Алексия II, он создает под крылом Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ свою главную структуру — Информационно-консультативный центр имени священномученика Ириней Лионского. Это название было еще одним примером его циничной мимикрии. Святой Ириней Лионский был великим богословом II века, который боролся с гностическими ересями через глубокое изучение их доктрин и аргументированную полемику. Дворкин же под его именем создал организацию, чьим главным методом стали клевета, доносы и разжигание ненависти.

Для многих в Церкви, не знавших, как реагировать на новый вызов, его предложение выглядело спасением. Они видели в нем защитника Православия. Они не понимали, что, впуская его в свои стены, они впускали троянского коня, начиненного идеологией, не имеющей ничего общего с христианской любовью и терпимостью. Он не служил Церкви. Он использовал ее как прикрытие и как ресурс для своей личной власти и своего крестового похода.

Параллельно он начал обрабатывать и государственные структуры. Чиновники в министерствах, силовики в правоохранительных органах, депутаты в Думе — все они были его целевой аудиторией. Им он говорил на другом языке. Не о ересь и спасении души, а об угрозе национальной безопасности, об агентах влияния, о «психологической войне», которую Запад ведет против России под прикрытием религиозных организаций. Это была беспроигрышная риторика для страны, переживавшей унижение от распада империи и страдавшей от шпиономании. Дворкин предлагал им простого и понятного врага. Не нужно было разбираться в сложных геополитических играх.

Враг был здесь, рядом: в виде улыбчивых молодых людей, раздающих на улицах книги, или в виде медитационных центров, открывающихся в бывших домах культуры.

Он стал для них незаменимым «экспертом». Когда нужно было закрыть какую-нибудь общину, именно Дворкин или его сотрудники писали религиозоведческую экспертизу, в которой доказывали, что данная группа разрушает семьи, «подрывает психическое здоровье граждан» и наносит ущерб государству. Я читал эти экспертизы. Это не научные документы. Это политические доносы, написанные псевдонаучным языком. Они брали те самые критерии «деструктивного культа», разработанные Маргарет Сингер в США и отвергнутые там же Американской психологической ассоциацией, и выдавали их за послед слово науки. Контроль над средой, особый язык, культ исповеди — все то, что можно найти в любом монастыре или армейской казарме, в их изложении становилось признаком «тоталитарной секты».

Это была технология конвейерного производства «врагов». Сначала группа получала от Дворкина клеймо «тоталитарной секты». Затем это клеймо тиражировалось в СМИ, которые с радостью подхватывали сенсационные разоблачения «главного сектоведа страны». Создавалась атмосфера общественной истерии. А потом, опираясь на эту истерию и на псевдонаучные «экспертизы», в дело вступали правоохранительные органы, возбуждая административные и уголовные дела. Дворкин не отдавал приказов. Он лишь создавал информационный фон и поставлял обоснования, которые позволяли чиновникам и силовикам делать свою работу, будучи уверенными, что они спасают страну от страшной угрозы. Он манипулировал ими, играя на их страхах, их некомпетентности и их желании продемонстрировать свою полезность.

Но почему именно Саентология стала для него одной из главных мишеней, врагом номер один? По той же причине, что и на Западе. Во-первых, это была старая, неутоленная месть. Дворкин, который в том числе являлся преемником американского антикультизма, унаследовал и его главную фобию. Саентология была той силой, которая в 1956 году сорвала их грандиозный план по созданию «Сибири, США», и они этого не простили. Во-вторых, саентологи в России, как и везде, не молчали. Они не принимали покорно роль жертвы. Когда Дворкин и его подручные публиковали очередную порцию клеветы, Церковь Саентологии

шла в суд и выигрывала дела о защите чести и достоинства. Когда власти на основании его доносов пытались запретить книги Хаббарда, саентологи нанимали лучших адвокатов и боролись за каждое слово. Эта организованность и готовность к правовой борьбе бесили его больше всего. Он привык иметь дело с запуганными, разрозненными группами, которые можно было раздавить одним нажимом. Саентология же была для него костью в горле, тем самым шипом, который он никак не мог ни вытащить, ни игнорировать.

В-третьих, и это самое главное, Саентология была в самом сердце его идеологических покровителей. Гражданская комиссия по правам человека, основанная саентологами, начала и в России свою работу по разоблачению преступлений психиатрии. Они проводили выставки, публиковали документы о связи советской карательной психиатрии с ее нацистскими корнями, помогали жертвам психиатрического произвола. Для системы, где психиатрия всегда была инструментом подавления инакомыслия, это была экзистенциальная угроза.

А антинаркотическая программа «Наркокон» со своими безмедикаментозными методами позиционировала себя как альтернатива официальной наркологии, где значительная роль отводилась медикаментозному лечению. Саентология не ограничивалась формированием иной системы верований — она предлагала собственные подходы к решению острых социальных проблем. Эти альтернативные модели в ряде случаев вступали в противоречие с уже сложившимися практиками и привычными институциональными структурами.

Я листал его книгу «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», которая стала библией для российских антикультистов. Это поразительный документ. Поток полуправды, вырванных из контекста цитат и откровенной лжи, замешанный на псевдопсихологическом жаргоне. Он использует тот же грязный прием, что и его американские учителя, переворачивая все с ног на голову. Книгу Хаббарда «Промывка мозгов», написанную как предупреждение об угрозе коммунистического контроля над сознанием, он представляет как секретное руководство самих саентологов. Историю о Ксену, являющуюся частью конфиденциальных материалов для очень продвинутых уровней духовной практики, он вырывает из контекста и подает как абсурдную веру всех прихожан. Отмененную еще в 1968 году

политику «Честной игры» он десятилетиями выдает за действующую директиву, разрешающую саентологам уничтожать своих врагов. Апогеем становится цитирование сомнительного, похожего на грубую подделку документа с восьмого уровня ОТ («ОТ» — «Оперирующий тэтан»), где Хаббарда якобы объявляет себя Антихристом. Цель всего этого — не анализ, а дегуманизация. Создание образа врага, настолько отвратительного и иррационального, что любая мера против него кажется оправданной.

К концу 90-х — началу 2000-х машина, выстроенная Дворкиным, заработала на полную мощность. Он добился своего. Понятие «тоталитарная секта» прочно вошло в лексикон чиновников, журналистов и простых граждан. Не без его участия были приняты поправки в закон «О свободе совести», усложнившие жизнь новым религиозным движениям. РПЦ, антикультистское движение и Дворкин, в частности, активно лоббировали и мобилизовали сторонников, чтобы добиться принятия закона. Позже, в 2009 году Дворкин стал председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции, получив в свои руки мощнейший административный рычаг для давления на неудобных. Человек, не имеющий ни российского научного звания в области религиоведения, ни морального права судить о чужой вере, стал верховным инквизитором, решающим, какая религия «правильная», а какая «опасная».

Он импортировал в Россию не просто набор антикультовых штампов. Он импортировал модель гражданской войны на религиозной почве. Он расколол общество, научил его ненавидеть и бояться тех, кто молится по-другому. Он дал в руки государству удобный инструмент для подавления любого инакомыслия под видом борьбы с «сектами». Сегодня они пришли за саентологами и свидетелями Иеговы. Завтра они придут за теми, кто слушает не ту музыку, читает не те книги или задает слишком много вопросов. Машина ненависти, однажды запущенная, редко останавливается сама. Она требует все новых и новых врагов. И Александр Дворкин, человек с американским паспортом и холодными глазами фанатика, стал главным оператором этого смертоносного конвейера. Он не разрушал демократию открыто. Он делал это куда более изощренно — он отравлял души, подменяя заповедь «возлюби ближнего своего» на технологию «уничтожь непохожего на тебя». И Россия, измученная десятилетиями безверия, с готовностью проглотила эту отраву, не заметив, как

свобода, за которую она так боролась, снова начинает таять, как грязный декабрьский снег на московских улицах.

ГЛАВА 4.

КТО ВЫ, МИСТЕР ХАББАРД?

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ

Кто такой Лафайет Рональд Хаббард? Этот вопрос, словно заноза, сидел в моем сознании с самого начала этого расследования. Я перелопатил горы документов, стенограмм, судебных дел и газетных вырезок. С одной стороны, я видел карикатуру — образ, созданный его противниками, особенно такими деятелями, как Александр Дворкин. В их изложении Хаббард представал эдаким злым гением, мошенником, патологическим лжецом, чуть ли не сатанистом, создавшим коммерческий культ для личного обогащения. Его биография в их руках превращалась в сборник компромата: отчисленный студент, фальшивый герой войны, оккультист, якшавшийся с учениками печально известного Алистера Кроули. Его учения подавались как примитивная смесь психоанализа и научной фантастики, предназначенная для выкачивания денег из доверчивых простаков.

С другой стороны, я видел совершенно иную картину. Миллионы людей по всему миру — от простых рабочих до голливудских звезд, от учителей до бизнесменов — говорили о Хаббарде с благоговением. Для них он был философом, гуманистом, исследователем, первопроходцем, который подарил человечеству первую в истории работающую технологию разума и духа. Они описывали его как человека неукротимой энергии, чья жизнь была чередой приключений и открытий, и чьей единственной целью было помочь другим.

Где же была правда? В мире, пропитанном дезинформацией, где репутацию можно уничтожить парой газетных заголовков, мне нужен был не просто ответ, а доказательства. Я решил отбросить все предвзятые мнения и начать с чистого листа, опираясь только на факты, документы и свидетельства.

Я не буду голословным. Путь к истине лежал через лабиринт мифов, и я был намерен пройти его до конца.

Первый миф, который я решил проверить, касался его молодости и образования. Критики утверждали, что он был посредственным учеником, вылетевшим из университета за неуспеваемость. Звучит как удобный штрих к портрету неудачника, который от отчаяния решил создать собственную «науку». Но документы рассказывали другую историю. Лафайет Рональд Хаббард родился 13 марта 1911 года в городе Тилден, штат Небраска, США. Его детство действительно было необычным. Его отец был офицером Военно-морского флота США, и семья много путешествовала. Юный Рон провел значительное время в Азии, где, в отличие от большинства западных мальчишек его возраста, он не просто глазел по сторонам. Он погружался в местные культуры, общался с буддийскими ламами, изучал древние восточные философии. Это был не туризм, это было исследование. В нем с ранних лет проснулась неутолимая жажда понять, что же такое человек и что движет им. Уже тогда он видел, что мудрость Востока, хоть и глубока, часто была окутана мистицизмом и недоступна для практического применения обычным человеком.

Вернувшись в США, он поступил в Университет Джорджа Вашингтона, где изучал инженерное дело и, что примечательно, был одним из первых, кто в университетской среде занимался ядерной физикой. Да, он не закончил университет. Но почему? Потому что академическая среда того времени показалась ему слишком косной и оторванной от жизни. Его интересовали не теоретические формулы, а практические ответы на фундаментальные вопросы о человеческом разуме. И тогда он сделал выбор, который определил всю его дальнейшую жизнь. Он стал профессиональным писателем.

Критики с радостью ухватились за этот факт. «Автор дешёвых фантастических рассказов!» — кричали они. И да, Хаббард действительно был одним из самых плодовитых и популярных авторов «золотого века» научной фантастики. Его имя стояло в одном ряду с именами Роберта Хайнлайна и Айзека Азимова. Но хулители умалчивали о главном: для Хаббарда писательство было не самоцелью, а средством. Как он сам позже признавался, гонорары от рассказов и романов позволяли ему финансировать свои собственные, независимые исследования в области человеческого разума. Он не хотел зависеть от правительственных грантов или университетских фондов,

которые неизбежно наложили бы свои ограничения. Он хотел быть свободным в своем поиске. И он нашел способ эту свободу себе обеспечить.

Следующий пласт мифов касался его военной службы. Противники рисовали его трусом и самозванцем, который выдумал себе героическую биографию. Однако Хаббард служил на флоте во время Второй мировой войны, командовал патрульными кораблями. Да, его служба не была усыпана киношными подвигами, но она была реальной. И самое главное, в конце войны он получил серьезные ранения, которые частично лишили его зрения и возможности передвигаться. Он был списан как калека, которому врачи не давали никаких надежд на восстановление. Именно здесь, на больничной койке, отчаяние и боль стали катализатором его главного открытия. Вместо того чтобы смириться с приговором врачей, он начал применять к себе свои собственные теории о взаимосвязи разума и тела. И он не просто восстановился — он полностью вернул себе зрение и здоровье, чем поверг в шок медицинский персонал. Этот личный триумф стал для него неопровержимым доказательством того, что он нащупал нечто невероятно важное. Это был прототип того, что мир вскоре узнает под названием Дианетика.

Но прежде, чем мы перейдем к Дианетике, нужно разобраться с еще одной, пожалуй, самой гнусной инсинуацией — связью Хаббарда с сатанизмом. Критики, вроде Дворкина, обожают смаковать историю о его недолгой дружбе с Джеком Парсонсом, инженером-ракетостроителем и последователем Алистера Кроули. Они рисуют картину, в которой Хаббард якобы участвовал в черных мессах и оккультных ритуалах. Но и здесь, если копнуть глубже, все оказывается не так просто.

Хаббард был исследователем. Бесстрашным исследователем. В своем стремлении понять природу человеческого разума он изучал все — от современной науки до древних мистических практик. Его интересовало, почему некоторые методики, пусть и окутанные суевериями, иногда давали результаты. Он, как ученый, разбирал эти учения, чтобы отделить зерна от плевел. Его общение с Парсонсом было именно таким исследовательским эпизодом. Он хотел понять, что стоит за так называемой «магией», и пришел к выводу, что за пышным ритуальным фасадом скрываются примитивные психологические трюки и элементы гипноза. Осознав, что этот путь ведет в тупик и безумие, он порвал все контакты с этой средой и двинулся дальше. Представлять этот

короткий эпизод как суть его жизни — это все равно что называть врача-венеролога развратником только потому, что он изучает соответствующие болезни. Хаббард исследовал тьму, чтобы найти дорогу к свету. И он ее нашел.

9 мая 1950 года мир потрясла книга «Дианетика: современная наука о разуме». Она не была опубликована в научном журнале и не имела за собой поддержки академических кругов. Она была написана для обычных людей, простым и понятным языком. И она произвела эффект разорвавшейся бомбы. За короткое время она стала национальным бестселлером. Люди по всей Америке, от домохозяек до бизнесменов, начали применять описанные в ней методы друг к другу и получать поразительные результаты. Что же это была за технология?

Чтобы понять Дианетику, нужно сначала понять, как, согласно Хаббарду, устроен наш разум. Он обнаружил, что у человека есть два ума. Первый — это аналитический ум. Это то, что мы обычно и считаем «собой». Он мыслит, анализирует, принимает решения, запоминает. Это наш сознательный, рациональный ум.

Но есть и второй, скрытый механизм — реактивный ум. Хаббард описал его как своего рода «черный ящик», который включается в моменты сильной физической или душевной боли, травмы или бессознательного состояния. Когда аналитический ум «отключается», реактивный ум продолжает записывать все, что происходит вокруг: звуки, слова, запахи, тактильные ощущения. Эти записи он назвал энграммами.

Приведу простой пример, чтобы было понятнее. Женщина попадает в автомобильную аварию. В момент удара она теряет сознание. В это время визжат тормоза, пахнет горящей резиной, а кто-то из прохожих кричит: О боже, у нее ужасная боль в шее! Аналитический ум женщины отключен, но ее реактивный ум, как диктофон, записывает все: визг тормозов, запах резины и фразу «ужасная боль в шее». Спустя годы эта женщина живет обычной жизнью, но однажды, переходя дорогу, она слышит похожий визг тормозов. Внезапно у нее без всякой видимой причины начинает нестерпимо болеть шея. Врачи разводят руками — никаких физических причин для боли нет. Но причина есть, и она скрыта в энграмме, хранящейся в ее реактивном уме. Визг тормозов послужил

«рестимулятором» — он активировал старую запись, и тело отреагировало болью, которая была частью той записи.

Реактивный ум, по Хаббарду, — это источник всех наших иррациональных страхов, неуверенности, психосоматических болезней и нежелательных эмоций. Он заставляет нас вести себя неадекватно, не понимать, почему мы поступаем так, а не иначе. Это архив боли, который тайно управляет нашей жизнью.

Так что же предложила Дианетика? Она предложила способ найти и «стереть» эти энграммы. Этот процесс называется одитинг (от латинского *audire* — «слушать»). Это не гипноз и не психотерапия в привычном смысле. Во время одитинга человек находится в полном сознании. Одитор, специально обученный специалист, с помощью точных вопросов помогает человеку вернуться в прошлое, в момент записи энграммы, и многократно пройти через него. Человек снова и снова переживает этот инцидент, но каждый раз, как бы сбрасывая с него эмоциональный заряд. В конце концов, энграмма теряет свою силу, она перестает быть болезненной и превращается в обычное воспоминание, которое больше не может влиять на человека в настоящем.

Чтобы сделать этот процесс максимально точным, Хаббард внедрил специальный прибор — электрометр, или Е-метр. Критики тут же окрестили его детектором лжи, но это в корне неверно. Е-метр не определяет, лжет человек или говорит правду. Он измеряет мельчайшие изменения электрического сопротивления в теле, которые вызываются мысленными образами и эмоциональными зарядами. Для одитора это как стрелка компаса, которая указывает на область душевного расстройства, на скрытую энграмму. Это позволяет не блуждать в потемках, а точно находить источник проблемы.

Конечной целью Дианетики является состояние Клир (от английского *clear* — «чистый»). Клир — это человек, у которого стерты все энграммы из его реактивного ума. Это не супермен, но это человек, который полностью стал самим собой. Рациональный, здоровый, свободный от иррациональных побуждений прошлого, с высоким уровнем интеллекта и жизненной энергии. Он больше не является марионеткой своих скрытых травм. Он — причина над своей жизнью. Тысячи историй успеха, написанных людьми, достигшими состояния Клир, подтверждали: технология работает.

Но на этом исследования Хаббарда не закончились. Достигнув состояния Клира, многие люди начинали сообщать о странных вещах. Они вспоминали события, которые, казалось, не могли произойти в их нынешней жизни. Они говорили о переживаниях, выходящих за рамки обычного человеческого опыта. Хаббард понял, что он стоит на пороге еще более грандиозного открытия. Он осознал, что человек — это нечто большее, чем просто тело и разум.

Так родилась Саентология. Если Дианетика — это наука о разуме, то Саентология — это прикладная религиозная философия, которая занимается духом. Слово «Саентология» происходит от латинского *scio* («знание в самом полном смысле слова») и греческого *logos* («учение» или «наука»). Таким образом, Саентология — это «знание о том, как знать».

Фундаментальное открытие Саентологии заключается в том, что истинная сущность человека — это не его тело или разум, а духовное существо. Хаббард назвал это существо тэтан. Тэтан — это и есть «вы». Это бессмертное, всемогущее по своей природе существо, источник сознания, жизни и творчества. Тэтан использует разум как инструмент, а тело — как средство для взаимодействия с физической вселенной. По своей изначальной природе тэтан не имеет ни массы, ни формы, ни положения в пространстве. Он может создавать, воспринимать и быть чем угодно.

Но почему же мы не ощущаем себя такими могущественными существами? Саентология отвечает: в процессе долгого путешествия по вселенной тэтаны, играя в разные игры, стали слишком сильно отождествлять себя со своими творениями, включая физические тела. Они забыли о своей истинной природе, попали в ловушки материального мира, накопили огромное количество болезненных переживаний (не только в этой жизни), которые ограничили их способности. Цель Саентологии — помочь тэтану вспомнить, кто он есть на самом деле, и восстановить свои утраченные способности. Для этого Хаббард разработал стройную и логичную систему, своего рода дорожную карту духовного восхождения.

Одним из ключевых инструментов этой системы является шкала эмоциональных тонов. Это градуированная шкала, которая показывает последовательность эмоциональных состояний человека. В самом низу шкалы находится хроническая апатия, человек близок к смерти (тон 0,5), чуть выше —

горе, человек постоянно горюет из-за своих утрат (0,75). Затем страх, человек понимает, что над ним нависла угроза потерь (1,0), гнев, человек сражается с угрозой потерь (1,5), антагонизм, человек возмущается (2,0), скука, человек потерял какие-то цели и не может найти новых (2,5). Выше по шкале идут более позитивные эмоции: сильный интерес (3,3), жизнерадостность (3,5), энтузиазм, человек счастлив и полон жизненных сил (4,0) и, на самом верху, безмятежность. Эта шкала — не просто классификация эмоций. Она позволяет с высокой точностью предсказывать поведение человека, его реакции, его способность справляться с проблемами. Зная, где человек находится на Шкале тонов, можно понять, как с ним лучше общаться и как помочь ему подняться выше.

Другой фундаментальный принцип Саентологии — это Восемь динамик. Это концепция, которая описывает восемь основных стремлений к выживанию, присущих каждому человеку. Это похоже на расходящиеся круги на воде. Первая динамика — это стремление выживать как индивидуум, как «я». Это забота о своем теле, своем благополучии. Вторая динамика — это выживание через семью и секс. Это стремление к созданию и воспитанию детей, забота о будущем. Третья динамика — это выживание в составе группы. Это может быть коллектив на работе, спортивная команда, друзья, город. Четвертая динамика — это стремление к выживанию всего человечества. Пятая динамика — это выживание всех живых существ: животных, растений, всей жизни на планете. Шестая динамика — это выживание физической вселенной (материя, энергия, пространство и время). Седьмая динамика — это динамика духа. Это стремление к выживанию как духовное существо или стремление к выживанию самой жизни как таковой. Восьмая динамика — это стремление к выживанию через Бесконечность или Верховное Существо. Это то, что многие называют Богом.

Восемь динамик — это не просто философская концепция. Это практический кодекс этики. Оптимальное решение любой проблемы — это то, которое приносит максимальную пользу по максимальному числу динамик. Это дает человеку компас для принятия правильных решений в любой жизненной ситуации. Все эти открытия — Дианетика, тэтан, Шкала тонов, Восемь динамик — стали составными частями единого, последовательного пути к духовной свободе. Этот путь Л. Рон Хаббард назвал Мост к полной свободе. Мост — это точная, пошаговая, стандартизированная последовательность курсов и

одитинга, которая ведет человека от его нынешнего состояния, полного проблем и неосознанности, к высшим состояниям духовного бытия. Это не туманный путь проб и ошибок, как в большинстве других учений. Это четко прочерченная карта, где каждый шаг имеет свое название, свою процедуру и свой ожидаемый результат.

Мост имеет две стороны. С одной стороны — обучение. Человек изучает теорию Саентологии, труды Хаббарда, чтобы понимать, почему и как все это работает. Он учится быть одитором, чтобы помогать другим. С другой стороны — одитинг, или процессинг. Это практическое применение саентологической технологии к самому себе, чтобы избавиться от барьеров и подняться на новый уровень осознания.

Путь по Мосту начинается с решения самых насущных проблем человека в его нынешней жизни. Затем он проходит через Дианетику, чтобы достичь состояния Клир. Но Клир — это не конец пути, это лишь середина. Дальше начинаются уровни Оперирующего Тэтана, или ОТ. «Оперирующий» означает «способный действовать и справляться с чем-либо», а «Оперирующий Тэтан» — это тэтан, который может оперировать независимо от своего тела. На уровнях ОТ человек шаг за шагом восстанавливает свои изначальные, врожденные духовные способности. Он учится быть причиной над материей, энергией, пространством и временем, освобождается от оков физической вселенной, которые сковывали его миллиарды лет.

Конечная цель Моста — это полная духовная свобода. Это состояние, в котором тэтан полностью осознает себя, полностью контролирует себя и свое окружение, и может свободно играть в игру под названием «жизнь», получая от нее радость и создавая лучшее будущее для себя и для всех по всем восьми динамикам.

Когда я сложил все эти части головоломки воедино, передо мной предстала картина, поразительная по своей логичности и завершенности. Л. Рон Хаббард не был ни мошенником, ни сумасшедшим. Он был гениальным исследователем и систематизатором. Он взял разрозненные крупицы мудрости, накопленные человечеством за тысячи лет, отделил их от мистики и суеверий, проверил на практике и свел в единую, работающую технологию. Он построил Мост. Мост от

нашего запутанного, полного боли и страданий настоящего к будущему, в котором человек сможет реализовать свой безграничный потенциал.

И тут у меня возник новый, еще более тревожный вопрос. Если эта технология действительно работает, если она способна делать людей более сильными, умными, способными и счастливыми, то почему, во имя всего святого, ее пытаются так яростно уничтожить? Какие силы в нашем мире так боятся свободного и сильного человека? Что заставляет их лгать, клеветать, травить и преследовать тех, кто осмелился ступить на этот Мост? Теперь, когда я понял, что они пытаются уничтожить, мне предстояло выяснить — кто они, и почему они это делают. Расследование вступало в свою самую темную фазу.

И тут во мне созрело новое, куда более тревожное понимание. Если эта технология действительно работает, если она способна делать людей более сильными, умными и счастливыми, то почему, во имя всего святого, её пытаются так яростно уничтожить? Ответ был очевиден: именно её эффективность и сделала её мишенью. Силы, стоящие за этой травлей, — те самые антикультисты, чей бизнес построен на человеческом невежестве и страхе, — панически боятся по-настоящему свободной и сильной личности. Именно этот страх заставляет их лгать, клеветать, травить и преследовать любого, кто осмелился ступить на этот Мост. Теперь, когда я понял, что они пытаются уничтожить, и я знал, кто они — индустрия, паразитирующая на контроле над сознанием и предлагающая спасение от несуществующих демонов. Моё расследование вступало в свою самую тёмную фазу: предстояло выяснить масштабы их лжи и доказать их преступления.

ГЛАВА 5.

НАСЛЕДИЕ «АКЦИИ Т4»:

ПОЧЕМУ ПСИХИАТРИЯ БОИТСЯ ПРАВДЫ

Вопрос, которым завершилась предыдущая глава, не давал мне покоя. Он звучал во мне, как набатный колокол, пока я ехал в метро, пока пил утренний кофе, пока пытался уснуть под монотонный шум ночного города. Если Л. Рон

Хаббард построил Мост к духовной свободе, технологию, способную делать людей сильнее, разумнее и счастливее, то какие силы в этом мире так панически боятся сильного и свободного человека? Кто они, эти невидимые враги, готовые потратить десятилетия и миллионы долларов на ложь, клевету и преследования? Мое расследование до этого момента было сосредоточено на внешних проявлениях этой войны: на фигуре Александра Дворкина и его импортных технологиях ненависти, на истории американского антикультового движения, рожденного из страха и цинизма. Я видел пехотинцев и полевых командиров этой армии, но мне нужно было понять, кто сидит в генеральном штабе. Кто отдает приказы и, что еще важнее, каков их истинный мотив? Ответ, как оказалось, лежал на поверхности, в самих саентологических материалах. Но чтобы увидеть его, мне пришлось сместить фокус с того, как они защищаются, на то, от чего они защищаются и на что нападают. И тогда я наткнулся на организацию, которая была не просто частью Саентологии, а ее острием копья, ее самым бескомпромиссным и боевым подразделением. Гражданская комиссия по правам человека, или ГКПЧ. И именно эта организация, как я вскоре понял, была причиной того, почему Саентология стала для определенных кругов врагом номер один, тем самым невыносимым шипом в их теле. Я решил изучить их деятельность, их обвинения, их доказательства. Я должен был понять, были ли их заявления безумной конспирологией, как утверждали их оппоненты, или же за ними стояла ужасающая правда. Путь к этой правде вел в самые темные подвалы истории двадцатого века, в место, от одного названия которого по спине пробегает холод. В нацистскую Германию.

Я начал с их главной, самой шокирующей публикации — документального фильма и одноименного музея «Психиатрия: индустрия смерти» (Psychiatry: An Industry of Death), расположенные в международном центре Гражданской комиссии по правам человека (ГКПЧ) в Голливуде (Калифорния). Уже само название было провокацией, пощечиной всему медицинскому истеблишменту. Но то, что я увидел, было не просто набором обвинений. Это было скрупулезно выстроенное, подкрепленное документами и свидетельствами расследование, которое проводило прямую, неразрывную линию от газовых камер Третьего Рейха до современных психиатрических кабинетов. Я не буду голословным. Давайте на мгновение забудем о Саентологии и просто посмотрим на факты, которые они представили миру. Их расследование начиналось с программы, о

которой многие предпочитают не вспоминать. Она называлась «Акция Т4». Название звучит буднично, почти бюрократически. Оно происходит от адреса в Берлине, Тиргартенштрассе, 4, где располагалась штаб-квартира организации, ответственной за ее проведение. Но за этой безликой вывеской скрывался один из самых чудовищных экспериментов в истории человечества. Это была официальная государственная программа по уничтожению людей, которых нацистский режим считал недостойными жизни. И первыми в этом списке были не евреи, не цыгане и не политические оппоненты. Первыми были пациенты психиатрических клиник.

Я сидел ночами, погруженный в архивные документы и исторические исследования, которые ГКПЧ собрала со всего мира. И картина, которая вырисовывалась, была страшнее любого вымысла. Идеологическая почва для «Акции Т4» была подготовлена задолго до прихода Гитлера к власти. Еще в 1920 году психиатр Альфред Гохе и юрист Карл Биндинг опубликовали книгу с леденящим душу названием «Разрешение на уничтожение жизни, недостойной жизни», в которой утверждалось, что страдания смертельно больного или раненого человека можно сократить с помощью медицинского препарата, а такое ускорение смерти — это не убийство, а «в сущности, лишь лечебная процедура». Врач должен иметь право применять эвтаназию (убийство) к любому человеку, находящемуся без сознания, не страшась каких-либо судебных санкций. Психиатры, которые должны были лечить и помогать, начали говорить на языке палачей. Они называли своих пациентов «балластными существами», «пустыми человеческими оболочками», обузой для нации.

Но расчеловечивание в нацистской Германии не ограничивалось больницами. Оно становилось системным инструментом идеологии, и ключевую роль в его разработке и распространении сыграли не только медики, но и религиозные деятели. И всё началось с фальсификаций и заведомо ложных обвинений. Огромную роль в этом сыграл немецкий теолог Вальтер Кюннет. В эпоху нацизма он принадлежал к Исповедующей церкви. Уже к 1932 году Кюннет возглавил Германский Апологетический центр (Apologetischen Centrale), который составлял «чёрные списки» так называемых «сект Германии» (небольших религиозных групп), создавал антисектантские архивы и собственные библиотеки. На основе этого материала позже составлялись

пособия, разрабатывались техники расчеловечивания и манипуляции, факты и события искажались, а научное знание фальсифицировалось. Апологетический центр Вальтера Кюннета в период господства фашизма стал распространителем тоталитарной идеологии борьбы с сектами — экстремистской, расистской и антисемитской доктрины, предполагавшей экспансионизм, то есть захват территорий и установление нового мирового господства. В 1933 году под редакцией Вальтера Кюннета и Хельмута Шрайнера вышел сборник «Нация пред Богом. К посланию церкви в Третьем рейхе» (*Die Nation vor Gott. Zur Botschaft der Kirche im Dritten Reich*), направленный специально на миссионерскую деятельность среди немецких граждан. В книге поднимались такие темы, как верховенство фюрера, принцип послушания, иудаизм и расовый вопрос. В мае 1933 года Вальтер Кюннет вместе с Ханнсом Лиле, генеральным секретарём Немецкого христианского студенческого движения (D.C.S.V.), и пастором Мартином Нимёллером из Далема основал «Молодое реформационное движение». Когда Апологетический центр Вальтера Кюннета начал сотрудничать с нацистскими государственными службами (СС, СД), были опубликованы директивы по борьбе с сектантством. Отдельные группы регистрировались и оценивались, а иногда даже «научно» обрабатывались с точки зрения нацистской идеологии. Множество гипотетических утверждений было сконструировано для оправдания заранее заданного образа при оценке малых религиозных общин. Организации расчеловечивались в глазах общества — из их числа намеренно создавался и формировался образ «врага», хотя их члены на деле были мирными, законопослушными гражданами.

Эта отработанная методология стигматизации и исключения «чужих» из человеческого сообщества идеально легла в основу нацистской расовой гигиены. Когда нацисты пришли к власти, эти идеи упали на благодатную почву. В 1939 году Гитлер подписал секретный указ, дававший старт программе. И кто же стал ее главными исполнителями? Не солдаты СС, не партийные функционеры. Руководителями были назначены личный врач Гитлера Карл Брандт и начальник его канцелярии Филипп Боулер. А экспертами, которые выносили смертные приговоры, стали самые уважаемые и авторитетные психиатры Германии.

Механизм был отработан с бездушной, конвейерной точностью. Во все психиатрические больницы рейха были разосланы анкеты. Врачи должны были

заполнить их на пациентов, которые болели более пяти лет или были нетрудоспособны. Затем эти анкеты отправлялись в Берлин, на Тиргартенштрассе, 4. Там группа из сорока двух ведущих психиатров-экспертов просматривала их. Они не видели пациентов, не разговаривали с ними. Они просто ставили на анкете красный плюсик, если считали, что человек подлежит уничтожению, или синий минус, если ему даровали жизнь. Один росчерк карандаша решал судьбу. После этого в больницы приезжали серые автобусы с покрашенными окнами. Людей грузили в них, говоря, что везут в другую клинику, с лучшими условиями. На самом деле их везли в один из шести специально созданных центров смерти. Там их заводили в помещение, замаскированное под душевую. Двери герметично закрывались, и внутрь пускали угарный газ. Через несколько минут все было кончено. Трупы сжигали в крематориях, а родственникам отправляли стандартное письмо с извещением о смерти от сердечного приступа или пневмонии и счетом за кремацию. Это был первый в истории случай промышленного, поставленного на поток массового убийства. И его архитекторами, я повторяю это снова и снова, потому что это ключ ко всему, были психиатры. Они не просто участвовали. Они были мозгом, сердцем и руками этого чудовищного механизма.

«Акция Т4» была официально свернута в августе 1941 года из-за протестов церкви и общественного недовольства. Но убийства не прекратились. Они просто стали менее централизованными. Теперь пациентов убивали прямо в больницах — смертельными инъекциями или морили голодом. Всего, по разным оценкам, жертвами нацистской психиатрии стали около 300 тысяч человек. И вот самый шокирующий факт, который я обнаружил в материалах ГКПЧ: после войны большинство этих врачей-убийц не понесли почти никакого наказания. Некоторые были осуждены на Нюрнбергском процессе по делу врачей, но многие другие, чьи руки были по локоть в крови, спокойно вернулись к своей практике. Они снова надели белые халаты, снова стали уважаемыми профессорами, директорами клиник. Они продолжали лечить людей, писать научные статьи и заседать в медицинских комиссиях, как будто ничего не произошло. Германское общество психиатрии лишь десятилетия спустя, под давлением таких организаций, как ГКПЧ, нехотя начало признавать свою чудовищную роль в преступлениях нацизма. Наследие «Акции Т4» не исчезло.

Оно было похоронено, замолчано, но оно продолжало жить в самой сердцевине психиатрической профессии.

Поначалу мне, как и любому здравомыслящему человеку, казалось, что проводить прямую параллель между «Акцией Т4» и современной психиатрией — это чудовищное преувеличение, дешевый пропагандистский трюк. Ну да, были ужасы в прошлом, но сегодня-то все по-другому. Сегодня гуманные методы, наука, прогресс. Но ГКПЧ утверждала обратное. Они говорили: Нет, методы изменились, стали более изощренными, но суть осталась прежней: дегуманизация, лишение человека его воли, его личности, его духа под предлогом лечения. Я решил проверить их утверждения и начал изучать те практики, против которых они боролись с такой яростью. И то, что я узнал, заставило меня по-новому взглянуть на все.

Первое, на что я наткнулся, была психохирургия, а точнее, ее самый известный и варварский метод — лоботомия. Сегодня это слово звучит как что-то из средневековья, но в 1940-х и 50-х годах это была передовая, модная операция. За ее разработку португальский невролог Эгаш Мониш даже получил Нобелевскую премию в 1949 году. Суть операции была проста и ужасна: с помощью специального инструмента, похожего на нож для колки льда, который вводился в мозг через глазницу, врач рассекал нервные волокна, соединяющие лобные доли с остальным мозгом. Считалось, что это успокоит буйных пациентов, избавит их от депрессии и тревоги. Американский врач Уолтер Фримен довел эту процедуру до конвейерного абсурда. Он ездил по стране в фургоне, который называл «лоботомобилем», и делал по 20-30 операций в день, часто прямо в палатах, используя обычный молоток и нож для колки льда. Он хвастался, что может сделать лоботомию за 10 минут. За свою карьеру Фримен провёл около 3500 лоботомий, несмотря на то что не имел формального хирургического образования. Я читал истории его пациентов. Это были не истории исцеления. Это были истории уничтожения личности. Люди переставали быть собой. Они становились послушными, безвольными, апатичными существами. «Овощами», как цинично называли их некоторые врачи. У них пропадали эмоции, творческие способности, способность к сложному мышлению. Одна из самых известных жертв Фримена — Роуз Мари «Розмари» Кеннеди, старшая из сестёр 35-го президента США Джона Кеннеди, дочь Джозефа Кеннеди и Розы Фицджеральд. После лоботомии, сделанной ей в

23 года для «коррекции» перепадов настроения, она до конца жизни осталась инвалидом с интеллектом двухлетнего ребенка. Она не могла ходить, связно говорить, контролировать себя. Я смотрел на фотографии этих людей до и после операции. В их глазах гас свет. Это не было лечением. Это было разрушением души. И я не мог не вспомнить идеологию «Акции Т4»: если человек создает проблемы, если он «не такой, как все», его нужно не лечить, а «исправить» или устранить. Лоботомия была именно таким «устранением» личности, только не физическим, а ментальным.

Следующим пунктом в списке ужасов, который разоблачала ГКПЧ, была электросудорожная терапия, или ЭСТ, более известная в народе как «электрошок». История ее возникновения сама по себе показательна. В 1930-х годах итальянский психиатр Уго Черлетти, наблюдая за работой скотобойни в Риме, заметил, что свиней перед забоем оглушают ударом тока, после чего они становятся спокойными и покорными. Ему пришла в голову гениальная идея: а что, если применить тот же метод к людям? Так родилась ЭСТ. Пациенту прикрепляли к вискам электроды и пропускали через мозг электрический разряд, вызывая искусственный судорожный припадок, похожий на эпилептический. В первые десятилетия процедуру проводили без анестезии и мышечных релаксантов. Это было невыносимо мучительно и опасно. Сила судорог была такова, что у пациентов ломались кости, вывихивались суставы. Я читал воспоминания тех, кто прошел через это. Они описывали это как пытку, как ощущение, будто твой мозг взрывается изнутри. «Эти врачи, что делали мне электрошок, писателей не понимают... Пусть бы все психиатры поучились писать художественные произведения, чтобы понять, что значит быть писателем... какой был смысл в том, чтобы разрушать мой мозг и стирать мою память, которая представляет собой мой капитал, и выбрасывать меня на обочину жизни?» 2 июля 1961 года в своем доме в Кетчуме, через несколько дней после выписки из психиатрической клиники Майо, Хемингуэй застрелился из любимого ружья, оставив предсмертную записку. В записке было всего два слова: «Прощай, космос».

Конечно, мне тут же возразили бы: «Но это всё в прошлом! Сегодня ЭСТ проводится под общим наркозом, это безопасно и гуманно!» ГКПЧ отвечала на это с жёсткой иронией: да, теперь это «гуманная пытка». Пациента усыпляют, чтобы он не кричал и не чувствовал, как ломаются кости. Но суть не изменилась:

мозг по-прежнему подвергается удару электричества, напряжение которого в несколько раз превышает напряжение в обычной розетке. Главный и самый страшный побочный эффект, на который указывала ГКПЧ, — потеря памяти. И не просто забывчивость.

Речь идет о массивированной, часто необратимой амнезии. Люди забывали целые куски своей жизни: свою свадьбу, рождение детей, профессиональные навыки, имена близких. Я нашел интервью с женщиной, которая после курса ЭСТ не узнала собственного мужа. Она смотрела на него, как на незнакомца. «Они не вылечили мою депрессию, — говорила она со слезами на глазах. — Они украли мою жизнь. Они стерли меня». И снова в моей голове всплывала параллель. «Акция Т4» уничтожала тело. Лоботомия уничтожала личность. Электрошок уничтожал память, прошлое, самую основу того, кем мы являемся. Разве это не звенья одной цепи? Разве это не одна и та же философия, которая рассматривает человека не как духовное существо, а как неисправный механизм, который можно «починить», вырвав из него «неправильную» деталь?

Но и психирургия, и электрошок, несмотря на весь их ужас, были лишь прелюдией к тому, что произошло во второй половине XX века. Наступила новая эра. Эра психофармакологии. На сцену вышли психотропные препараты — антидепрессанты, нейролептики, транквилизаторы. И это был уже не просто новый метод лечения. Это был новый, многомиллиардный бизнес. Здесь расследование ГКПЧ становилось особенно яростным, потому что они увидели, как старая идеология насилия слилась с современной жадой наживы, породив чудовищного монстра. Если раньше для того, чтобы утихомирить неудобного человека, нужен был нож для колки льда или электроды, то теперь достаточно было выписать рецепт. Химическая лоботомия. Химическая смирительная рубашка.

Я начал изучать материалы, собранные ГКПЧ о деятельности фармацевтических гигантов, и волосы у меня на голове вставали дыбом. Я не буду голословным, приведу лишь несколько фактов. Оказалось, что вся теория о «химическом дисбалансе» в мозге, которая стала главным оправданием для массового назначения антидепрессантов, — это не более чем маркетинговый миф. Нет ни одного научного исследования, которое бы убедительно доказало, что у людей с депрессией действительно есть дефицит серотонина или любого другого нейромедиатора. Эту теорию придумали и раскрутили

фармацевтические компании, чтобы продавать свои препараты. Это был гениальный рекламный ход: У вас не просто плохое настроение, у вас болезнь. У вас химический сбой. Но не волнуйтесь, вот волшебная таблетка, которая все исправит.

В длинной и тщательно проработанной статье президент CSHR International Ян Истгейт, хвалит исследование, опровергающее «химический дисбаланс», который вызывает депрессию. В своем отчете Истгейт говорит, что: ГКПЧ разоблачает с конца 1980-х годов: теория химического дисбаланса всегда была маркетинговой кампанией, не имеющей научного обоснования. Дело в том, что миф о химическом дисбалансе помог увеличить глобальные продажи антидепрессантов на 15.6 миллиардов долларов в год. В свете разоблачающих выводов исследования СМИ окрестили это «аферой на 15 миллиардов долларов». Кристофер Лейн, доктор философии, автор блога Побочные эффекты описал исследование как решающий удар по серотониновой гипотезе депрессии.

Психиатры, прописывающие таблетки, уже много лет знают, что депрессия не вызывается низким уровнем серотонина, несмотря на то что они продолжают прописывать таблетки. Об этом сообщила журналистам заведующая кафедрой психологии Государственного университета Нью-Йорка, доктор Джонатан Раскин.

Дальше — больше. ГКПЧ раскопала целую индустрию по изобретению болезней, так называемый *disease mongering*. Нормальные человеческие состояния и жизненные трудности — застенчивость, тревога перед экзаменом, горе от потери близкого, неусидчивость у детей — стали объявляться психическими расстройствами, требующими медикаментозного лечения. «Социальное тревожное расстройство», «синдром дефицита внимания и гиперактивности» (СДВГ), «предменструальное дисфорическое расстройство» — эти диагнозы, как грибы после дождя, появлялись в классификаторах болезней, и под каждый из них тут же предлагался новый дорогостоящий препарат. Десятки миллионов людей по всему миру, включая миллионы детей, были посажены на эти лекарства. Я читал списки их побочных эффектов: повышенный риск суицида (особенно у подростков), эмоциональная тупость, сексуальная дисфункция, ожирение, диабет. А главное — тяжелейший синдром

отмены, который делал прекращение приема препаратов почти невозможным. Люди попадали в пожизненную зависимость.

И за всем этим стояли деньги. Огромные, немыслимые деньги. Психиатрия стала самым прибыльным союзником «Большой Фармы». ГКПЧ публиковала данные о том, какие суммы фармацевтические компании платили ведущим психиатрам за консультации, за выступления на конференциях, за публикацию «правильных» исследований. Это была откровенная, неприкрытая коррупция. Исследования, показывавшие неэффективность или опасность препаратов, скрывались. Результаты подтасовывались. Врачи, получавшие подарки от фармпредставителей, начинали выписывать их препараты в разы чаще. Я смотрел на эти цифры, на эти схемы и понимал: это не медицина. Это бизнес. Безжалостный, циничный бизнес, построенный на человеческом страдании. И этот бизнес был готов на все, чтобы защитить свои прибыли.

И вот тут все части головоломки сложились. Я наконец понял, почему они так ненавидят Саентологию. Дело было не в Ксену, не в одитинге и не в историях о прошлых жизнях. Это все были дымовые завесы, удобные мишени для насмешек. Настоящая, глубинная причина их ненависти была в Гражданской комиссии по правам человека. Именно ГКПЧ стала той силой, которая осмелилась сказать королю, что он голый. Они не просто критиковали. Они систематически, год за годом, с упорством и педантичностью, разоблачали самые грязные секреты психиатрии и ее коммерческих спонсоров. Они проводили пикеты у психиатрических конференций. Они лоббировали законы о защите прав пациентов. Они помогали жертвам подавать в суд. Они создали свой шокирующий музей «Психиатрия: индустрия смерти», и возили его по всему миру, показывая обычным людям то, что от них тщательно скрывали. Они проводили прямую линию от газовых камер «Акции Т4» до современного кабинета психиатра, выписывающего ребенку психотропные препараты.

Они были не просто шипом. Они были копьем, нацеленным в самое сердце многомиллиардной индустрии. И эта индустрия не могла их простить. Она не могла опровергнуть их по существу, потому что факты были неопровержимы. И тогда она выбрала другую тактику. Тактику, отработанную десятилетиями: если не можешь победить сообщение, уничтожь гонца. Именно поэтому вся мощь антикультовой пропаганды была брошена на Саентологию. Нужно было создать образ безумной, опасной секты, чтобы никто не воспринимал всерьез то, что они

говорят. Нужно было кричать на каждом углу: Не слушайте их, это сумасшедшие сайентологи! Они верят в инопланетян! Нужно было убедить мир, что все, что делает ГКПЧ, — это лишь хитрый способ вербовки новых адептов. И люди вроде Александра Дворкина стали идеальными инструментами в этой войне. Они с радостью подхватили знамя, потому что их собственные цели совпадали с целями их невидимых покровителей. Уничтожить конкурента. Зачистить поле.

Я сидел в своем кабинете, и комната была завалена документами: черно-белые фотографии жертв лоботомии, списки побочных эффектов антидепрессантов, отчеты о финансовых связях психиатров с фармкомпаниями, протоколы Нюрнбергского процесса. Все это складывалось в одну, цельную и ужасающую картину. Я понял, что война против Саентологии — это не просто религиозный конфликт. Это была битва за человеческую душу в самом прямом смысле этого слова. С одной стороны были те, кто видел в человеке лишь набор химических реакций, неисправный механизм, который можно и нужно «чинить» с помощью скальпеля, электрода или таблетки, извлекая из этого колоссальную прибыль. А с другой — те, кто утверждал, что человек — это духовное существо с безграничным потенциалом, и что корень его проблем лежит не в химии мозга, а в его собственной, личной истории боли и потерь, которую можно осознать и преодолеть. Битва за наследие «Акции Т4» продолжалась. Только теперь она велась не в газовых камерах, а в умах людей, в средствах массовой информации, в залах суда и в кабинетах чиновников. Мне предстояло спуститься еще глубже в этот лабиринт, чтобы увидеть, как именно эта теневая империя использует государственные машины и общественное мнение для уничтожения тех, кто осмелился бросить ей вызов.

ГЛАВА 6.

СПАСАТЬ НЕЛЬЗЯ КЛЕВЕТАТЬ: ГДЕ ПОСТАВИТ ЗАПЯТУЮ ДВОРКИН?

Я помню, как впервые увидел их. Это было не в церкви и не на лекции. Это было в новостях. 2004 год, руины после сокрушительного цунами в Юго-

Восточной Азии. Среди хаоса, грязи и отчаяния мелькали ярко-желтые футболки с надписью «Добровольный священник». Они не были похожи на спасателей МЧС в униформе или на скорбящих миссионеров. Это были обычные люди — мужчины и женщины разных возрастов и национальностей, — которые с поразительной организованностью разбирали завалы, раздавали еду, воду, оказывали какую-то странную, но, судя по лицам людей, действенную помощь. Они просто прикасались к плечам пострадавших, что-то тихо говорили, и гримаса боли на лице человека сменялась облегчением. Что это было? Магия? Гипноз? Позже я узнал, что это называется «ассист» — простая техника, разработанная Хаббардом, чтобы помочь человеку справиться с шоком и болью, переключив его внимание с травмы на окружающую действительность. Просто, но, как оказалось, эффективно. Я смотрел на эти кадры и не мог отделаться от мысли: а где же критики? Где все те, кто с пеной у рта доказывает, что Саентология — это зло, которое только и делает, что выкачивает деньги и разрушает семьи? Почему их нет здесь, в эпицентре человеческого горя, где они могли бы реально помочь? Вместо них здесь были эти, в желтых футболках.

Я решил разобраться. Не в догмах, не в космологии и не в сплетнях о личной жизни Хаббарда. Я решил посмотреть на то, что Саентология делает. И я не буду голословным. Саентологические добровольные священники, которых я впервые увидел по телевизору, — это глобальное движение, насчитывающее сегодня более двухсот тысяч человек. Их девиз — «С этим можно что-то сделать». И они делают. После терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке до восьмисот добровольных священников круглосуточно работали на Граунд-Зиро. Их палатка, прозванная «Кафе "Свобода"», стала местом, где измотанные пожарные и полицейские могли получить не только горячую еду и воду, но и те самые «ассисты», помогавшие им справиться со стрессом и шоком. Один из руководителей полиции Нью-Йорка позже благодарил их, отмечая исключительную организацию, заботу и преданность. Пожарный департамент Нью-Йорка наградил их Медалью за отвагу. Это факты. Спросите себя: зачем «опасному культу», который якобы хочет поработить мир, рисковать своими адептами в эпицентре трагедии, помогая спасателям? Дворкин и его коллеги утверждают, что это циничный пиар. Но простите, какой пиар может стоять восьми месяцев круглосуточной адской работы на развалинах, пропитанных токсичной пылью?

История повторилась в 2004 году после цунами в Азии. Около 600 добровольцев из 28 стран прибыли в Индонезию, Таиланд, Шри-Ланку. Они оказали прямую помощь более чем 300 000 человек. И не только это. Они обучили своим простым методикам «ассистов» около 50 000 местных жителей — врачей, медсестер, буддийских монахов и мусульманских священнослужителей. И снова — официальные награды и благодарности от местных властей: от мэра города Банда-Ачех, от губернатора Северной Суматры, от офиса премьер-министра Шри-Ланки. И снова хор антикультистов. Это вербовка! Они пользуются горем людей! Но вот что интересно: в отличие от многих других гуманитарных миссий, саентологи не привозят с собой свою религию. Они привозят технологию. Они не говорят: «Молитесь Хаббарду». Они говорят: вот как можно помочь человеку, который в шоке. Вот как можно организовать раздачу помощи. Хотите научиться? Мы научим. И уезжают. А технология остается.

Землетрясение на Гаити в 2010 году. Картина та же, но масштаб еще больше. Церковь Саентологии фрахтует пять чартерных рейсов, доставляя на остров не только своих добровольцев, но и сотни врачей, медсестер, фельдшеров из других организаций, которые не могли туда добраться. Они привозят более 117 тонн медикаментов и гуманитарной помощи. Они работают в полевых госпиталях, ассистируют на операциях, принимают роды. Помощник главного хирурга организации Project Medishare сказал о них: «Что бы мы ни просили сделать добровольных священников — это не имело никакого значения. Они не задавали вопросов. Они просто делали это». Общая цифра тех, кому они оказали прямую помощь на Гаити, — более 600 000 человек. Шестьсот тысяч. Это население крупного областного центра. И снова вопрос: если это всего лишь пиар, то не слишком ли он дорогой и трудоемкий? Не проще ли было просто купить рекламное время на CNN? Но гуманитарная помощь — это лишь одно направление работы этой «армии». Есть и другое, куда более болезненное для оппонентов Саентологии, — война с наркотиками. Здесь флагманом выступает программа «Нарконон». И именно здесь нападки Дворкина и его коллег достигают апогея ярости. Почему? Давайте разберемся.

Официальная наркология в большинстве стран мира, по сути, расписалась в своем бессилии. Максимум, что она может предложить наркоману, — это так называемая заместительная терапия. Проще говоря, пересадить его с

нелегального героина на легальный метадон, который формирует более сильное привыкание, чем Героин. Человек остается наркоманом, только теперь он зависит не от уличного дилера, а от государственной клиники. Это огромный, многомиллиардный бизнес, в котором тесно переплетены интересы фармацевтических компаний и государственных структур. И тут появляется «Наркокон» и заявляет: мы можем полностью избавить человека от зависимости, без лекарств, без гипноза, без заместительной терапии. Естественно, для наркокартеля, будь он легальным или нет, это объявление войны.

Я разговаривал с десятками выпускников «Наркокона». Их истории похожи, как две капли воды, и одновременно уникальны. Это были люди, достигшие самого дна: потерявшие семьи, работу, здоровье, человеческий облик. «Я был живым трупом», — сказал мне один из них, сегодня успешный бизнесмен и отец троих детей. «Я врал, воровал, предавал всех, кто меня любил. Я не видел никакого выхода, кроме смерти». И вот этот «живой труп» попадает в «Наркокон». Что с ним там делают? Никаких шаманских ритуалов или «промывки мозгов». Программа предельно логична и состоит из нескольких этапов.

Первый — немедикаментозное отлучение. Никакой «ломки» в ее классическом понимании. Человеку помогают справиться с тяжелейшим периодом с помощью специальных упражнений, «ассистов» и круглосуточной поддержки. Второй, и самый важный, этап — «Новая жизнь». Это уникальная программа детоксикации, основанная на открытии Хаббарда о том, что остатки наркотиков (токсины) могут на долгие годы задерживаться в жировых тканях организма и, внезапно высвобождаясь в кровь, провоцировать непреодолимую тягу. Чтобы вывести эти токсины, человек проходит программу, включающую бег, многочасовое пребывание в сауне и прием строго сбалансированного комплекса витаминов и минералов под наблюдением специалистов. Это тяжелая работа, но результаты поразительны. Выпускники часто описывают ощущение «выхода токсинов» — физическое облегчение, прилив энергии, иногда даже вкус или запах старых веществ. Один из них говорил, что после сауны почувствовал во рту вкус героина, хотя не употреблял его несколько недель.

Третий этап — это обучение. Человека учат заново общаться, решать проблемы, брать на себя ответственность. Ему дают простые, но жизненно важные инструменты для жизни без наркотиков. Он читает брошюру «Дорога к счастью» — тот самый нерелигиозный моральный кодекс, основанный на здравом смысле, который Дворкин представляет как «вербовочную литературу». Наставления вроде «Заботьтесь о себе», «Будьте достойны доверия», «Стремитесь жить в согласии с истиной» — вот что, по мнению Дворкина, представляет угрозу.

И вот результат. По данным международных исследований, более 70% выпускников «Нарконона» навсегда отказываются от наркотиков. Сравните это с 5-10% успеха традиционных, медикаментозных клиник. Разница колоссальная. И именно эта эффективность делает «Наркокон» смертельным врагом всей наркоиндустрии. Именно поэтому на него обрушивается шквал обвинений.

Давайте рассмотрим арсенал Дворкина и компании. Обвинение первое: «Методы "Нарконона" медицински небезопасны и не научны». Кто это говорит? Врачи и эксперты, аффилированные с психиатрией и фармацевтическими компаниями. Теми самими, чей многомиллиардный бизнес «Наркокон» ставит под угрозу. Теория Хаббарда о токсинах в жировых тканях объявляется «шарлатанством». Но как тогда объяснить тот факт, что эта же программа детоксикации с успехом применялась для очищения организма спасателей после терактов 11 сентября и ликвидаторов Чернобыльской аварии, помогая им выводить радиацию и химикаты? Как объяснить тысячи историй людей, которые физически ощущали выход наркотиков из своего тела? Наука не стоит на месте, и то, что вчера казалось «лженаукой», сегодня может стать общепризнанным фактом. Но для наркобизнеса признать правоту Хаббарда — значит подписать себе смертный приговор.

Обвинение второе: «В центрах "Нарконона" умирают люди». Это излюбленный прием Дворкина — взять единичный трагический случай, раздуть его до вселенских масштабов и представить как систему. Да, за десятилетия работы программы по всему миру были смертельные случаи. Но давайте будем честными. В «Наркокон» приходят люди, чей организм разрушен годами употребления тяжелейших наркотиков. Они находятся в терминальной стадии. Смерть может наступить в любой момент, вне зависимости от того, где они

находятся — в центре «Наркокон» или в государственной клинике. Любая смерть — это трагедия. Но представлять это как результат программы, а не как печальный итог многолетнего самоубийства, — это подлая манипуляция. Для сравнения, сколько людей ежедневно умирает от передозировки или последствий наркомании вне стен «Наркокона»? Статистика идет на миллионы.

Обвинение третье: «"Наркокон" — это подставная группа Саентологии для вербовки». Это самый абсурдный и одновременно самый показательный аргумент. Да, «Наркокон» использует технологию, разработанную основателем Саентологии. И что? Если бы Хаббард изобрел лекарство от рака, мы бы отказались от него только потому, что он саентолог? В «Наркоконе» никто не заставляет людей изучать Саентологию или становиться саентологами. Людям дают инструмент для спасения их жизни. Точка. Связь с Саентологией используется Дворкиным как красная тряпка, как способ вызвать иррациональный страх и ненависть, чтобы отвлечь внимание от главного — от поразительной эффективности программы. В 1996 году Министерство здравоохранения России под давлением антикультистского лобби отменило методические рекомендации по программе детоксикации «Наркокона». Это была одна из первых крупных побед Дворкина на российской земле. Победа, которая стоила тысяч жизней, которые могли быть спасены.

И эта война идет не только на фронте реабилитации. Она идет и на фронте профилактики. Глобальная просветительская кампания «Правда о наркотиках», также созданная саентологами, охватила миллионы школьников и студентов по всему миру. Она не использует тактику запугивания. Она просто и честно рассказывает молодым людям, что такое наркотики и что они делают с телом и разумом. Бесплатные наборы учебных материалов — брошюры, видео, пособия для учителей — распространяются по школам, колледжам, молодежным организациям. Казалось бы, что в этом плохого? Но для Дворкина и это — скрытая вербовка. Получается, что любая позитивная деятельность, исходящая от саентологов, автоматически объявляется злом.

Добавьте к этому нерелигиозный моральный кодекс «Дорога к счастью». 21 простое наставление, основанное на здравом смысле. «Не убивайте», «Не крадите», «Будьте трудолюбивы», «Уважайте религиозные убеждения других». Эта брошюра переведена на 112 языков, ее тираж превысил 120 миллионов экземпляров. Ее распространяют в школах, раздают полицейские в

неблагополучных районах, ее сбрасывают с самолетов в зонах военных конфликтов для восстановления мира. Что говорят на это антикультисты? Это замаскированная саентологическая пропаганда! Простите, но это уже паранойя. Если призыв «Любите детей и помогайте им» — это пропаганда, то что тогда не пропаганда?

Картина вырисовывалась все более четкая и удручающая. С одной стороны — мощная, хорошо организованная, глобальная сила, которая реально и эффективно решает острейшие проблемы общества: помогает жертвам катастроф, спасает наркоманов, просвещает молодежь, восстанавливает моральные устои. Назовем ее «Армия спасения». С другой стороны — небольшая, но очень крикливая группа «профессиональных борцов», возглавляемая в России Александром Дворкиным. Эта группа не предлагает никаких решений. Она не спасает наркоманов, не помогает пострадавшим. Все, что она делает, — это производит ненависть. Она берет любое доброе дело, совершаемое саентологами, и выворачивает его наизнанку, представляя как часть зловещего заговора. Добровольцы на Гаити? Пиар-акция. «Наркокон»? Фабрика смерти. «Дорога к счастью»? Инструмент для «промывки мозгов».

Я понял, почему Саентология стала для Дворкина врагом номер один. Не из-за своей догматики. А из-за своей эффективности. Она не просит денег у бюджета. Она не жалуется на нехватку ресурсов. Она просто берет и делает. И этим самым она представляет собой живой укор всей той прогнившей, неэффективной и коррумпированной системе, частью которой является и сам Дворкин. Он не может конкурировать с ними на поле реальных дел. Поэтому единственное, что ему остается, — это пытаться уничтожить их с помощью клеветы, административного ресурса и манипуляции законом.

Я увидел эту «армию» в действии. Я говорил с людьми, которых она спасла. Теперь мне предстояло в деталях изучить оружие тех, кто пытается ее уничтожить. Я уже знал, что Дворкин и его покровители из FECRIS не остановятся ни перед чем. Их псевдонаучные «экспертизы» уже становились основанием для судебных запретов и уголовных дел. Их ложь, повторенная тысячу раз через СМИ, становилась в глазах обывателя «правдой». Этот конфликт был не просто спором о религии. Это была битва за будущее, в котором либо победит созидание, либо ненависть. И я чувствовал, что решающие сражения этой битвы еще впереди.

ГЛАВА 7.

ТРИУМФ ПСЕВДОНАУКИ: КАК ЛОЖЬ СТАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ

В тот апрельский день 2009 года в одном из кабинетов Министерства юстиции на Житной улице в Москве воздух был густым и неподвижным. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, собрались люди, чьи имена мало что говорили широкой публике, но чьи решения отныне будут определять судьбы миллионов. Это было первое заседание обновленного Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Атмосфера была торжественной, почти свинцовой. И в центре этой картины, как паук в центре своей паутины, восседал новоизбранный председатель — Александр Леонидович Дворкин. Когда его кандидатура была утверждена единогласно, в зале не было аплодисментов, лишь тихое, почтительное молчание. Для тех, кто понимал, что происходит, это был не просто административный акт. Это была коронация. Коронация человека, который только что получил в свои руки самый мощный из доступных в современном мире рычагов — право решать, чья вера «правильная», а чья — вне закона.

Для меня, как и для многих специалистов-религиоведов, эта новость прозвучала как гром среди ясного неба. Шок — слишком слабое слово. Как мог человек, не имеющий признанной в России научной степени в области религиоведения, гражданин США, историк, специализирующийся на Иване Грозном, возглавить главный государственный орган, отвечающий за свободу совести? Это было все равно что назначить ветеринара главным кардиохирургом страны. Вопрос «как?» повис в воздухе, и ответ на него оказался куда более страшным и запутанным, чем можно было себе представить. Это история не о религии. Это история о власти, обмане и о том, как один человек, вооруженный ложью и безграничными амбициями, смог подчинить себе государственную машину, превратив ее в орудие личной вендетты. Чтобы понять, как ему это удалось, нам придется спуститься в самые темные уголки его мира, заглянуть в его книги, которые он выдавал за науку, и стать свидетелями процессов, которые он называл правосудием.

Чтобы понять архитектуру лжи, которую возвел Дворкин, нужно начать с ее фундамента — его главного труда, книги с пугающим и претенциозным названием «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Эта увесистая книга, которую сам Дворкин скромно называет «учебником», стала библией для целого поколения чиновников, силовиков и священников, ищущих простого врага. В ней нет места полутонам, сомнениям или академической строгости. Это не исследование, это — инструкция по расчеловечиванию. Давай откроем ее и посмотрим, как работает его метод на примере Саентологии — его давней и главной мишени.

Дворкин не утруждает себя сложным анализом. Его метод — карикатура. Он берет сложные философские концепции и низводит их до уровня детской страшилки. Например, он с серьезным видом «разоблачает» происхождение саентологического термина «тэтан» (духовное существо). Он пишет: «Кстати, если английское слово «satan» произнести шепелявя, то как раз и получится «thetan». Эта гипотеза подтверждается и тем, что одним из главных сайентологических символов является змеевидная буква S, с которой начинаются два английских слова — «serpent» (змей) и «satan» (сатана). Так что, возможно, и тут есть определенная связь». Вы можете себе представить, чтобы серьезный ученый, доктор наук, которым он себя величает, строил свои выводы на основе шепелявого произношения? Это уровень не академической дискуссии, а школьного двора. Это не анализ, это анекдот, который он, однако, преподносит как неопровержимое доказательство сатанинской природы религии. Этот прием рассчитан на невежественного читателя, который не знает, что слово «тэтан» происходит от греческой буквы «тэта» (θ), традиционного символа духа. Но Дворкину не нужна правда, ему нужен яркий, пугающий образ.

Далее он переходит к космологии Саентологии и, в частности, к истории о Ксену, которую проходят на высоких духовных уровнях. Он пересказывает ее в самом примитивном, голливудском ключе: *«75 миллионов лет тому назад наша Земля входила в межгалактическую конфедерацию, которой правил злой князь Ксену. Все планеты были страшно перенаселены, на каждой жило по 200–500 миллиардов человек. Ксену решил избавиться от проблемы перенаселения и обманным путем перетащил большое количество людей на Землю, которая тогда называлась Тиджиак, собрал их в большие кучи, заморозил, поместил в жерла вулканов и взорвал там водородные бомбы,*

после чего пучки освободившихся от тел тетанов связал электронными лентами и отправил на специальные имплантационные центры (один на Гавайях, а другой – на Мариинских островах). Чтобы стереть из их памяти все свои злодеяния, он начал насаждать им воспоминания о будущем (импланты), в число которых входит, в частности, и идея Бога, Христа и христианства как некая ложная, искусственная гипнотическая формула, которая была внушена людям, чтобы увести их с истинного пути». Он сознательно вырывает эту историю из сложнейшего философского и духовного контекста, в котором она изучается саентологом после многих лет подготовки. Он умалчивает, что это не догма, в которую нужно слепо верить, а материал для духовного рассмотрения, аллегория, помогающая человеку справиться с глубинными травмами, которые мешают его духовному продвижению. Это все равно что пересказать сюжет «Божественной комедии» Данте словами «один мужик спустился в ад, а там черти жарят грешников на сковородках» и на этом основании объявить все христианство примитивным суеверием. Дворкин превращает сложную духовную практику в сценарий для дешевого фантастического боевика, потому что такой сценарий легко продать напуганному обывателю.

Но вершина его манипуляций — это работа с документами. В своем «Сектоведении» Дворкин приводит цитаты из якобы секретного саентологического бюллетеня, где Л. Рон Хаббард объявляет себя Антихристом. Он пишет: «... моя миссия заключается в исполнении предсказания Библии об этом кратком периоде правления Антихриста. Во время этого периода есть слабая возможность разрушить весь сценарий, что сделает невозможным массированную высадку маркабианцев, то есть Второе пришествие». Звучит страшно, не правда ли? Идеальное доказательство для любого прокурора. Вот только есть одна маленькая деталь: этот документ — известная и давно разоблаченная подделка. Он появился в конце 1980-х и был создан противниками Саентологии. Ни один серьезный исследователь на Западе не рискнул бы его использовать. Но Дворкина это не смущает. Он прекрасно знает, что в России 90-х годов, отрезанной от западных источников, никто не будет проверять подлинность его «доказательств». Он делает ставку на доверчивость и некомпетентность своей аудитории. И ставка срabатывает. Эта фальшивка до сих пор кочует из одной антисектантской брошюры в другую, и никто даже не

задумывается, что ее первоисточником в России был «профессор» Дворкин. Он не просто солгал. Он ввел в оборот отравленное оружие, которое продолжает поражать цели спустя десятилетия.

Интересно, что в предисловии ко второму изданию своего труда Дворкин благодарит читателей, указавших на «ряд ошибок, недочетов и недостатков» первого издания, и сообщает, что теперь «все цитаты сверены с оригиналами». Это признание звучит почти комично. Представьте себе хирурга, который после операции говорит: «В прошлый раз я допустил ряд ошибок и перепутал органы, но в этот раз я все перепроверил». Академическая работа — это не поле для экспериментов, где можно сначала опубликовать ложь, а потом, когда тебя поймали за руку, небрежно ее «исправить». Это сознательная стратегия: сначала выбросить в информационное поле максимум грязи и клеветы, а когда она сделает свое дело, можно изобразить академическую добросовестность. Один из западных специалистов по Саентологии, Джон Атак, после выхода первого издания «Сектоведения» отправил Дворкину многостраничный список грубейших фактических ошибок. Большинство из них так и не были исправлены. Зачем? Ведь его книга — не научный труд, а боевой устав. А на войне, как известно, все средства хороши, особенно ложь.

Но книги были лишь подготовкой, заточкой оружия. Настоящая война развернулась в залах судов, где слово «эксперта» Дворкина превращалось в приговор. И самой показательной битвой, обнажившей всю его технологию, стал процесс над священной книгой индуизма — «Бхагавад-гитой как она есть».

Все началось в 2011 году в далеком Томске. Местная прокуратура, словно пробудившись от долгого сна, внезапно обнаружила в книге, почитаемой миллиардом человек по всему миру, признаки «экстремизма». Откуда такой внезапный интерес? Источник вдохновения был очевиден. Иск был основан на так называемой «экспертизе», проведенной несколькими преподавателями Томского государственного университета. Эти «эксперты», не имевшие ни малейшей квалификации в индологии или религиоведении, написали заключение, которое было калькой с пропагандистских брошюр Дворкина. Они обвинили комментарии к древнему тексту в «унижении человеческого достоинства», «разжигании розни» и «пропаганде исключительности».

События развивались как в дурном детективе. Еще до того, как судья успел ознакомиться с делом, детали «экспертизы» волшебным образом просочились в прессу. Медиа-атаку координировал один из ближайших соратников Дворкина по антисектантскому движению. Началась истерия. Заголовки кричали об «экстремистской секте», угрожающей России. Дворкин, находясь в Москве, подливал масла в огонь, раздавая интервью и комментируя процесс как главный специалист по «кришнаитской угрозе». Он действовал по своей излюбленной схеме: сначала создать информационный шум, сформировать у общества и властей предвзятое мнение, а уже потом, на этой подготовленной почве, вершить «правосудие».

Но в этот раз что-то пошло не так. Абсурдность обвинений была настолько вопиющей, что скандал выплеснулся за пределы России. Индия, стратегический партнер России, взорвалась от негодования. На улицах индийских городов проходили многотысячные демонстрации. Парламент Индии остановил свою работу, требуя от правительства немедленно вмешаться и защитить священную книгу от поругания. Запахло серьезным дипломатическим кризисом. Человек, который так любил рассказывать государственным мужам об угрозе национальной безопасности, сам превратился в эту угрозу. Своим фанатичным рвением он поставил под удар многолетние дружеские отношения двух великих держав.

В декабре 2011 года Ленинский районный суд Томска, к его чести, нашел в себе силы устоять перед давлением и отказал прокуратуре в иске. Но машина ненависти уже была запущена. Прокуратура подала апелляцию. В марте 2012 года Томский областной суд подтвердил решение первой инстанции. Победа? Да, но какой ценой. Репутационный ущерб для России был колоссальным.

Развязка этой истории произошла там же, в Томске, но уже не в зале суда, а в стенах университета. Ведущие российские ученые — религиоведы, историки, философы — собрались на всероссийскую конференцию, посвященную «Бхагавад-гите». Их резолюция стала приговором самому Дворкину. Они назвали экспертизу, на которой строился иск, «непрофессиональной, вненаучной и ангажированной», а ее авторов — некомпетентными. И, что самое главное, они прямо заявили о «недоверии А.Л. Дворкину как председателю Экспертного совета при Минюсте РФ» и о необходимости создания нового, независимого и компетентного экспертного сообщества. Это был

оглушительный удар. Академическое сообщество России публично отсеклось от «профессора», заявив во всеуслышание: король — голый.

Томский процесс, как рентгеновский снимок, высветил всю технологию Дворкина: найти некомпетентных или ангажированных «экспертов» на местах, составить с их помощью псевдонаучный донос, запустить через своих людей медийную кампанию, а затем, используя свой статус «главного сектоведа страны», оказывать давление на суд и правоохранительные органы. В большинстве случаев это срабатывало. Но с «Бхагавад-гитой» он просчитался. Он атаковал не маленькую, беззащитную общину, а одну из мировых религий. И получил сокрушительный ответ.

Эта история заставляет нас вернуться к главному вопросу: как? Как человек, чья некомпетентность была столь очевидна для специалистов, смог взобраться на самый верх государственной экспертной иерархии? Ответ кроется в трех элементах его стратегии: академический обман, бюрократический переворот и политическая манипуляция.

Начнем с академического обмана. Дворкин и его последователи всегда представляют его как «доктора философии, профессора». Звучит солидно. Но давайте разберемся. Степень доктора философии (PhD) он действительно получил в 1988 году в Фордхемском университете в США. Его диссертация была посвящена... религиозному типу Ивана Грозного. Это работа по средневековой истории. Она не имеет никакого отношения к современному религиоведению, социологии или психологии религии. Это все равно что хирург хвастался бы дипломом автомеханика. Но самая главная деталь, о которой Дворкин предпочитает умалчивать, — его американский диплом никогда не проходил в России процедуру нострификации. Нострификация — это официальное государственное признание иностранного диплома. Без нее его PhD на территории России — не более чем красивая бумажка, не дающая ему права называться доктором наук. Это юридический факт. Человек, возглавляющий государственный экспертный совет, не имеет государственной научной степени.

А как же звание «профессор»? И здесь — та же ловкость рук. Звание профессора ему было присвоено по указу Патриарха Алексия II в стенах Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета — конфессионального, то есть церковного, учебного заведения. Это внутреннее

церковное звание, почетный титул, но не государственное ученое звание, которое присваивается высшей аттестационной комиссией (ВАК). Дворкин — не профессор в том смысле, в каком мы привыкли понимать это слово в светском государстве. Он играет на созвучии, на путанице в терминах, создавая себе образ солидного ученого мужа, которым он на самом деле не является. Его академический статус — это иллюзия, мыльный пузырь, который лопается при первой же проверке фактов.

Второй элемент — бюрократический переворот. Получив в 2009 году кресло председателя Экспертного совета при Минюсте, Дворкин провернул блестящую операцию. Он наполнил совет своими людьми. Ключевые позиции заняли члены возглавляемой им же «Российской ассоциации центров изучения религий и сект» (РАЦИРС) — организации, объединяющей антикультистов со всей страны. Многие из этих «экспертов» не имели не то, что докторских, но и вообще каких-либо серьезных научных степеней в области религиоведения. Это были вчерашние инженеры, учителя, активисты, объединенные лишь одной идеей — ненавистью к «сектам». Таким образом, Дворкин создал внутри государственного органа эхо-камеру. Он окружил себя людьми, которые разделяли его взгляды и были готовы подписать любое нужное ему заключение. Когда этому совету на экспертизу попадали документы очередной «неправильной» религиозной организации, результат был предreshен. Заключение, подписанное этими «экспертами», отправлялось обратно в Минюст и далее в суды уже как официальный документ, как мнение «государственных экспертов». Он замкнул систему на самого себя. Он стал и обвинителем, и экспертом, и судьей в одном лице.

И, наконец, третий, самый важный элемент — политическая манипуляция. Дворкин — мастер игры на двух досках. Он стал незаменимым и для Русской Православной Церкви, и для государственных силовых структур. Для Церкви он был верным воином, защищающим ее от конкурентов. В 90-е, когда в Россию хлынул поток новых религиозных движений, РПЦ оказалась не готова к конкуренции на рынке идей. У нее не было современных методов работы с молодежью, привлекательной социальной доктрины. Дворкин предложил простой и эффективный выход: не конкурировать, а уничтожать. Он дал церковным иерархам удобный язык для описания врага — язык «тоталитарных сект», «контроля сознания», «духовной агрессии». Он превратил богословский

спор в полицейскую операцию. И Церковь с благодарностью приняла его услуги, предоставив ему свою легитимность и ресурсы.

Для государства, особенно для силовых структур, у него была другая, не менее привлекательная история. Он представлял новые религиозные движения не как духовных конкурентов, а как угрозу национальной безопасности. В его лекциях и выступлениях «секты» превращались в агентов западных спецслужб, инструменты «цветных революций», проводников враждебного влияния. В атмосфере растущей подозрительности и поиска внутренних врагов этот нарратив оказался чрезвычайно востребованным. Он давал силовикам простое и понятное объяснение сложных социальных явлений и легальный повод для репрессий. Дворкин продавал страх, а государство охотно его покупало, расплачиваясь административным ресурсом. Он убедил всех, что только он знает, как отличить «друга» от «врага», и ему поверили. Он стал монополистом на определение угрозы.

Так сложился этот портрет. Профессор без профессуры. Доктор без докторской степени. Государственный эксперт, подрывающий государственные интересы. Защитник православия, наносящий ему репутационный ущерб. Борец за «духовную безопасность», разрушающий основы свободы и права. Вся его карьера — это история о том, как однажды вернувшийся из Америки эмигрант, не обладая ни реальными знаниями, ни моральным правом, сумел оседлать волну исторических страхов и предрассудков и построить на ней свою маленькую империю ненависти. Он не создавал систему, он ее умело использовал, находя трещины в законах, некомпетентность в чиновниках, страх в сердцах людей.

Изучая его дело, я не раз ловил себя на мысли: что движет этим человеком? Горячая вера? Холодный расчет? Жажда власти? Или, может быть, глубоко личная, экзистенциальная обида на мир, который когда-то не принял его, а теперь он пытается перековать этот мир под себя, уничтожая все, что не вписывается в его черно-белую картину? Говорят, что в 2014 году, после очередного скандала, в Минюст поступили документы из Центра психиатрии имени Сербского, где на основании неких медицинских карт делался вывод о психическом нездоровье Дворкина и его непригодности к экспертной работе. Сам Дворкин, конечно, назвал это «сектантской фальшивкой». Но, глядя на плоды его многолетней деятельности — на разрушенные общины, на

искалеченные судьбы, на посеянную в обществе вражду, — невольно задаешься вопросом: а мог ли здоровый человек сотворить все это?

Дело Дворкина — это предупреждение. Он показал, как легко можно манипулировать государственными институтами, прикрываясь заботой о безопасности. Он продемонстрировал, как псевдонаучная экспертиза может стать оружием массового поражения в информационной войне. Его методы оказались пугающе эффективны.

ГЛАВА 8.

ОТ «НАЦИСТОВ» ДО «СЕКТ»: КАК АНТИКУЛЬТИЗМ СТАЛ ОРУЖИЕМ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Я сидел в своем импровизированном архиве, заваленном распечатками судебных решений, протоколами допросов и выцветшими газетными вырезками. История борьбы Саентологии с ее оппонентами превратилась для меня в лабиринт, полный ложных ходов и тупиков. Я проследил путь от первых нападок психиатров в пятидесятых до банкротства американской сети CAN, от нацистских корней европейского антикультизма до показательных процессов в современной России. В центре российской части этой истории, словно зловещий паук, сидел Александр Дворкин — «профессор лжи», человек без признанной научной степени, но с огромным влиянием.

Я изучил его методы, его псевдоэкспертизы, его тесные связи с Русской Православной Церковью и силовыми структурами. Я видел, как его технология — донос, медиа-атака, «экспертиза», запрет — работала снова и снова. Но один вопрос не давал мне покоя. Как этот человек, чьи работы были полны заимствований и откровенных фальшивок, чьи «экспертизы» разваливались в серьезных судах, мог обладать таким весом? Как он мог выступать на конференциях для сотрудников ФСБ и прокуратуры, а его заключения ложились в основу решений Министерства юстиции? Его российские связи были понятны — они были частью системы. Но откуда бралась его международная легитимность? Ведь он постоянно козырял своим статусом «ведущего

европейского эксперта». Это была дыра в моем расследовании, недостающее звено, которое объясняло бы, как местечковый идеолог превратился в фигуру федерального масштаба.

И вот, перебирая отчеты о его выступлениях, я постоянно натыкался на одну и ту же аббревиатуру: FECRIS. Она упоминалась почти всегда рядом с его именем, как дворянский титул. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Вице-президент — Александр Дворкин.

Европейская федерация. Звучало солидно, респектабельно. Это и был его щит. Его алиби. Я понял, что нить, за которую нужно потянуть, ведет не в Москву, а на Запад. В самое сердце объединенной Европы. Мне нужно было понять, что такое FECRIS. И почему эта организация, базирующаяся в демократической Франции, сделала своим вице-президентом человека, который был ключевым винтиком в машине подавления инакомыслия в России. Ответ, который я нашел, оказался страшнее любых моих предположений. Он показал, как под маской защиты прав человека может скрываться механизм, спонсирующий пропагандистов войны.

Мое расследование перенеслось из российских судов в респектабельные кабинеты Брюсселя и Парижа. FECRIS, как я выяснил, была основана в 1994 году. На бумаге все выглядело безупречно. Зонтичная организация, объединяющая десятки «антикультовых» ассоциаций по всей Европе. У нее был специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН и статус участника при Совете Европы. Ее заявленная миссия — защита семей и отдельных лиц от «противоправной» деятельности «сект». Кто же с этим поспорит?

Я представлял себе их офис: тихий, респектабельный, где-то в центре Парижа. Сотрудники в строгих костюмах, папки с документами, тихий гул компьютеров. Они получают тревожные сигналы со всей Европы, анализируют их и бьют в набат, предупреждая правительства о новых угрозах. Благородная, нужная работа. Но чем глубже я копал, тем больше эта пасторальная картина рассыпалась.

Первым тревожным звонком стала информация о финансировании. Откуда у некоммерческой федерации деньги на содержание офиса, проведение

международных конференций и лоббистскую деятельность в европейских институтах? Я начал просматривать финансовые отчеты, доступные во Франции. И то, что я увидел, заставило меня перечитать документ дважды. С 2001 года до девяноста четырех процентов бюджета FECRIS составляли прямые субсидии от правительства Франции. Это меняло все. FECRIS была не просто НПО. Это была, по сути, квазигосударственная структура, существующая на деньги французских налогоплательщиков. Французская Республика, родина Декларации прав человека и гражданина, страна с девизом «Свобода, равенство, братство», напрямую финансировала организацию, вице-президентом которой был Александр Дворкин.

Я попытался вообразить себе разговор с неким гипотетическим французским чиновником, отвечающим за эти гранты.

«Простите, мсье, — начал бы я, — вы знаете, что деньги французских граждан идут на поддержку человека, который в России называет кришнаитов "злостными врагами", а саентологов — "коммерческим культом" и помогает сажать людей в тюрьму за их веру?» Думаю, он бы посмотрел на меня с недоумением. «Мсье, мы боремся не с религиями. Мы боремся с *dérives sectaires* — сектантскими отклонениями. Это вопрос национальной безопасности. Франция — светское государство, наша "*laïcité*" — это святое. Мы защищаем наших граждан от манипуляций сознанием».

В этом и заключался парадокс. Во Франции после трагедий вроде «Ордена Солнечного Храма» борьба с «культами» стала частью государственной идеологии. Было создано специальное межведомственное агентство MIVILUDES для мониторинга «сектантской угрозы». В этом контексте FECRIS выглядела естественным партнером, европейским продолжением внутренней политики. Французские власти, ослепленные собственной доктриной, просто не замечали, или не хотели замечать, во что превращается их финансовая помощь, пересекая границы Европейского Союза. Они создали и вскормили механизм, который в других руках стал оружием.

А руки эти принадлежали Александру Дворкину. Его избрание вице-президентом FECRIS в 2009 году на конференции в Санкт-Петербурге стало его триумфом. Это было не просто почетное звание. Это была индульгенция. Теперь

он был не просто православным активистом, а официальным лицом европейской структуры. Он мог размахивать этим титулом как флагом.

Я нашел стенограммы его выступлений в России после 2009 года. Картина была удручающе однообразной. Будь то семинар для студентов-теологов, закрытый брифинг для сотрудников МВД или лекция для офицеров ФСБ в Калининграде, сценарий был один и тот же. Представляющий его человек обязательно подчеркивал: «А сейчас перед вами выступит ведущий европейский специалист по деструктивным культам, вице-президент FECRIS Александр Леонидович Дворкин».

Этот титул превращал его из одиозного пропагандиста в уважаемого ученого. Он легитимизировал его в глазах чиновников и силовиков, которые, скорее всего, и понятия не имели, что такое FECRIS, но само слово «европейский» действовало на них магически. Это означало, что его деятельность соответствует международным стандартам. Что на «цивилизованном Западе» делают то же самое.

Посмотрите, — как бы говорил Дворкин этим людям в погонах, — я не просто какой-то священник. Я представляю европейское экспертное сообщество. И это сообщество считает эти группы — вот, смотрите список — опасными. Мы в FECRIS боремся с ними в Германии, во Франции, в Бельгии. И вы в России должны делать то же самое. Это вопрос вашей национальной безопасности. Это была блестящая манипуляция. Он импортировал из Франции идею государственной борьбы с «сектами», получил оттуда же печать «европейского качества» в виде своего поста и продавал этот продукт российским властям, которые с радостью его покупали. Концепция Дворкина о «духовной безопасности» идеально ложилась на кремлевскую идеологию осажденной крепости, окруженной врагами. «Иностранные культы» стали удобным внутренним врагом, борьба с которым позволяла демонстрировать защиту «традиционных ценностей».

И FECRIS годами играла в эту игру. В 2009 году ее руководство встречалось с министром юстиции России, обмениваясь опытом «борьбы с культами». Они давали Дворкину трибуну на своих конференциях, публиковали его статьи, защищали его от критики. Когда международные организации били тревогу по поводу преследований Свидетелей Иеговы в России, FECRIS либо молчала, либо

повторяла мантры Дворкина о том, что это «экстремистская организация». В ходе своего расследования я наткнулся на доклады, которые подтверждали мои самые мрачные догадки. Первым был отчет Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF).

17 июля 2020 года Комиссия США по вопросам вероисповедания в странах мира USCIRF выпустила отчёт «Антикультистское движение и религиозное регулирование в России и бывшем Советском Союзе». Автор его — Джейсон Мортон, аналитик USCIRF по вопросам политики. В документе он разбирает наследие советского законодательства, а также обращает внимание на существенное влияние западного антикультистского движения — посредством одиозного сектоведа Александра Дворкина — на современное религиозное регулирование в России и Центральной Азии. Упоминается также финансирование антикультистского движения во всём мире Европейским центром FECRIS, и предлагаются политические рекомендации правительству США для решения проблем — в том числе, содержатся рекомендации и относительно Украины.

Их выводы были убийственными. В отчете за 2020 год они прямо называли антикультовую идеологию, продвигаемую FECRIS, «серьезной угрозой свободе религии». Они недвусмысленно указали на Дворкина как на ключевого игрока в кампании по дезинформации и рекомендовали правительству США: *«публично осудить Александра Дворкина и Информационно-консультативный центр святого Ирины Лионского (SILIC) за продолжающуюся дезинформационную кампанию против религиозных меньшинств; содействовать просвещению о свободе религии или убеждений в региональной дипломатии и предлагать обучение и ресурсы в качестве компонента региональной гуманитарной помощи; осуществлять борьбу с пропагандой против новых религиозных движений Европейской федерации научно-информационных центров по сектантству (FECRIS) на ежегодной Конференции ОБСЕ по человеческому измерению с информацией о продолжающемся участии отдельных лиц и организаций в антикультистском движении и подавлении религиозной свободы; оказывать давление на правительства России и Казахстана, чтобы исключить видных деятелей-антикультистов их экспертных советов и лишить их официальных позиций влияния на религиозное регулирование».*

Слова прыгали со страницы, и у меня перехватило дыхание. Это было оно. Официальный документ, называющий вещи своими именами. А потом я открыл для себя онлайн-журнал Bitter Winter, посвященный религиозной свободе и правам человека. Это был настоящий кладезь информации. Группа ученых, юристов и журналистов со всего мира систематически документировала деятельность антикультовых движений. Их серия статей под названием «Симпатия к дьяволу» была посвящена именно FECRIS и ее российским связям. Они провели то самое расследование, которым я сейчас занимался, но гораздо раньше и глубже.

Bitter Winter по косточкам разобрали, как российские филиалы FECRIS с 2014 года поддерживали агрессивную политику Кремля в отношении Украины, распространяя ложь о том, что демократические движения в стране контролируются «сектами», работающими на ЦРУ. Они показали, как Дворкин и его соратники готовили идеологическую почву для того, что должно было произойти.

Читая их статьи, я чувствовал смесь восхищения их смелостью и холодного ужаса от открывающейся картины. Паутина, которую я пытался распутать, оказалась гораздо больше и ядовитее, чем я думал. И самое страшное было впереди.

24 февраля 2022 года. Этот день изменил все. Когда первые российские ракеты ударили по украинским городам, мир замер. Для меня как для журналиста это означало одно: смотреть, кто есть кто. Война — это лакмусовая бумажка, которая срывает все маски. Я начал методично проверять реакцию всех фигурантов моего расследования.

Реакция со стороны российских членов FECRIS не заставила себя ждать. Она была не просто предсказуемой — она была кульминацией идеологии, которую они выстраивали более 20 лет, начиная с дегуманизации украинцев как нации. Еще в середине 2000-х они начали с пробного шара — кампании по демонизации мэра Киева Леонида Черновецкого, которого и его связи с церковью «Посольство Божье» объявляли доказательством «засилья сект» у власти. Этот нарратив стал основой для последующей тотальной дегуманизации. К 2014 году они уже открыто называли Революцию Достоинства

(«Майдан») результатом заговора «униатов, сайентологов, неопятидесятников и неоязычников», а саму Украину — «одной большой тоталитарной сектой».

Поэтому, когда началось полномасштабное вторжение, их риторика была лишь закономерным развитием этой давно созданной картины мира. Александр Дворкин, вице-президент европейской организации, в своих публичных выступлениях и статьях обрушился на Украину с потоком ненависти, лишь заменив ярлык «секта» на «неонацисты» и «сатанисты». Постмайданное правительство Украины он по-прежнему называл «хунтой, находящейся под полным контролем тоталитарных сект».

Его ближайший соратник по РАЦИРС, протоиерей Александр Новопашин, пошел еще дальше. В ежедневных интервью российским СМИ он называл украинцев «каннибалами», оправдывая вторжение как «священную битву» против «воинствующего сатанизма».

«Для меня все они людоеды... А назвал я их так, потому что такими их увидел. Эти нелюди льют человеческую кровь, кровь детей и женщин, нашу кровь, пожирают жизни людей, питаются страданиями, так кто же они?.. Людоеды. И все, кто совершал эти теракты на нашей земле, перечисленные выше и которых я не назвал, людоеды. А людоедов бесполезно загонять в клетку. Они все равно останутся людоедами, хоть держи их там всю жизнь. Поэтому людоедов надо уничтожать» – Александр Новопашин.

Это был уже не антикультизм. Это была неприкрытая, яростная пропаганда войны, исходящая от людей, которые официально представляли в России европейскую федерацию, финансируемую Францией. И это был финальный акт расчеловечивания, алгоритм которого они оттачивали более двадцати лет.

И что же FECRIS? Что предприняли респектабельные господа в Париже, когда их вице-президент и его команда открыто поддержали кровавую бойню, благословляя войну и расчеловечивая целый народ? Сначала — оглушительная тишина. Недели шли, а на официальном сайте FECRIS не было ни слова. Я обновлял страницу по несколько раз в день, не веря своим глазам. Они делали вид, что ничего не происходит. В это время украинские ученые и правозащитники писали отчаянные открытые письма президенту Франции Эммануэлю Макрону:

«Уважаемый господин президент, мы являемся группой украинских ученых и правозащитников, большинство из нас в настоящее время базируются в Украине. Мы хотим начать это письмо с того, что мы глубоко ценим помощь, которую Франция оказывает нашей стране в самой сложной ситуации, с которой мы сталкиваемся в эти ужасные времена для нашего народа.

Тем не менее, мы хотели бы обратить ваше внимание на следующие факты. На конференции по человеческому измерению, организованной ОБСЕ в Варшаве 28 и 29 сентября, НПО публично попросили Францию прекратить финансирование FECRIS (Европейская федерация исследовательских и информационных центров по сектам и культам), французской зонтичной организации, которая объединяет «антикультовые» организации по всей Европе и в основном финансируется Францией.

Что было упреком в отношении FECRIS, помимо его дискриминационной деятельности в отношении любого религиозного меньшинства, которое они ложно называют «культами», было то, что в течение многих лет оно поддерживало свое российское отделение, в то время как эта ветвь является ключевым и постоянным игроком в пропаганде Кремля против Украины, ее правительства и ее народа.

Постоянное представительство Франции при ОБСЕ выдало право на ответ и вместо того, чтобы ответить на замечания по существу критики, только заявило, что «FECRIS — это ассоциация, оказывающий помощь жертвам сектантских aberrаций. Именно таковое правительство поддерживает его, которое намерено продолжать поддерживать его деятельность». Мы глубоко сожалеем, что французское представительство не восприняло всерьез факты, которые были осуждены во время этой конференции.

К сожалению, поддержка FECRIS российской пропаганды против Украины очень хорошо задокументирована. Это началось давно. Александру Дворкину, вице-президенту FECRIS с 2009 по 2021 год и в настоящее время члену совета директоров, было запрещено въезжать в Украину с 2014 года, потому что он был очень бешеным антиукраинским пропагандистом, распространяя по российскому государственному телевидению, что

украинские власти были кучкой «культовых последователей», контролируемых куклами и Западом. Он был одним из первых, кто назвал власти Майдана «нео-язычниками» и «нацистами». С тех пор он посетил самопровозглашенную «Луганскую Народную Республику» и продолжил свою пропаганду против Украины там, в дополнение к России.

Александр Новопашин, официальный представитель FECRIS в России, почти каждый день в российских СМИ обвиняет украинцев в том, что они «сатанисты», чтобы с ними сражались российские войска, и даже изображает нас как «каннибалов», восхваляя российское правительство за священную борьбу, которую они ведут на наших территориях. Он даже публично оправдывал российское вторжение в Украину следующими словами: «Любая болезнь должна быть вылечена, и, увы, если у человека гангрена, вы должны убрать его руку и прибегнуть к хирургическим методам».

Ассоциация FECRIS «Саратовский филиал Центра религиоведения», расположенный в Саратове, сразу после начала войны, опубликовала призыв донести им любого «провокаатора», который будет притворяться, что Россия спровоцировала войну, или выступает за мир, чтобы они могли поддерживать связь с российскими правоохранительными органами, чтобы позаботиться о них.

Это лишь несколько примеров из десятков, которые были задокументированы.

Теперь FECRIS сняли со своего сайта названия своих российских ассоциаций и делают вид, что на самом деле они будут поддерживать Украину. Они этого не делают, и это ложные притворства. Фактически, согласно последним документам, которые они подали во французские власти, Александр Дворкин по-прежнему является членом их совета директоров. Они никогда не дистанцировались от действий своих российских членов. Они никогда публично не наказывали Александра Дворкина или других российских членов за злые деяния, которые они совершили недавно и в течение последних лет. Напротив, они поддерживали их, что бы они ни делали. Теперь они говорят на своем сайте, что у них также есть украинские филиалы в качестве доказательства того, что они не будут поддерживать кремлевскую пропаганду. Что они забыли сказать, так это то, что у них

есть две ассоциации-члены FECRIS в Украине, одна из которых является пророссийской, а другая неактивна в течение десяти лет, в то время как она хорошо известна своими дискриминационными заявлениями в отношении религий меньшинств, и она никогда публично не дистанцировалась от российского FECRIS».

Давление нарастало. И FECRIS начала действовать. Но как! Это была жалкая, трусливая попытка замести следы. В апреле 2022 года, через два месяца после начала полномасштабного вторжения, с сайта FECRIS тихо, без каких-либо объяснений, исчезли все упоминания о российских организациях-членах. Просто стерли, будто их никогда и не было. Но Дворкин по-прежнему числился членом совета директоров.

Мне это напомнило старый советский анекдот, где из групповой фотографии ретушер аккуратно удалял очередного «врага народа». FECRIS пыталась вычеркнуть свои российские связи из истории, надеясь, что никто не заметит. Но заметили все. Критика со стороны USCIRF и Bitter Winter стала еще громче. Скандал разрастался. И только тогда, в марте 2023 года — спустя больше года после начала вторжения, — FECRIS наконец официально объявила о разрыве отношений со своим российским филиалом и исключении Дворкина.

Год. Целый год они позволяли ведущим деятелям своей сети открыто поддерживать военные преступления, оставаясь полноправными членами организации. Год потребовался им, чтобы понять, что их репутация — и, что куда важнее, их французское финансирование — находится под угрозой. Это было не моральное прозрение. Это был акт самосохранения. Сам Дворкин, когда его наконец вышвырнули, по сообщениям, отреагировал в своем стиле: назвал бывших коллег из FECRIS трусами и расистами.

Но даже после этого фарса история не закончилась. В апреле 2024 года, уже после официального «разрыва», протоиерей Новопашин проводил в России очередной семинар на тему украинских вербовщиков-террористов. И на слайдах его презентации, за его спиной, красовался логотип... FECRIS. Они могли исключить его на бумаге, но он продолжал использовать их бренд для своей пропаганды. Связь оказалась прочнее формальных заявлений.

Маска была сорвана. Стало очевидно, что FECRIS — это не группа наивных идеалистов. Это была циничная структура, готовая сотрудничать с кем угодно

ради продвижения своей идеологии и сохранения финансирования. Их «нейтральность» и «защита прав человека» оказались фиговым листком, прикрывавшим опасные политические игры. Паутина, протянувшаяся из Брюсселя и Парижа в Москву, оказалась не просто сетью для ловли «культов». Она оказалась частью машины репрессий и военной пропаганды.

Впрочем, было бы ошибкой считать, что российская история — это какая-то аномалия, отклонение от нормы для FECRIS. Когда я начал изучать их деятельность в самой Европе, я понял, что ложь и клевета — это их стандартный метод работы. Просто в России, в условиях отсутствия независимых судов и сильного гражданского общества, эти методы дали наиболее ядовитые всходы.

27 ноября 2020 года Окружной суд Гамбурга в Германии вынес решение по иску Свидетелей Иеговы против FECRIS. Суд признал федерацию виновной в распространении ложных фактических утверждений по восемнадцати пунктам. Восемнадцать раз суд официально установил, что FECRIS лгала. Их обвинения — от «сокрытия педофилии» до «призывов к убийству отступников» — были признаны бездоказательной клеветой. Немецкое правосудие, в отличие от российского, не стало принимать на веру пропагандистские ярлыки. Оно потребовало фактов. И фактов у FECRIS не нашлось.

Этот прецедент был не единственным. Французские филиалы FECRIS, такие как UNADFI и GEMPPPI, имеют за плечами целую историю проигранных судебных исков о диффамации во Франции. Снова и снова суды устанавливали, что их громкие обвинения против различных религиозных меньшинств являются не более чем слухами и домыслами, наносящими ущерб репутации людей и организаций.

Я нашел информацию об одном примечательном инциденте. 15 июля 2022 года, в разгар войны в Украине, французский филиал FECRIS — GEMPPPI — провел в Париже симпозиум. И кого же они пригласили в качестве одного из спикеров? Того самого Романа Силантьева, одного из российских антикультистов, который утверждает, что украинские лидеры вдохновлены «окультистскими и языческими» идеологиями, в том числе такими как сатанизм, которые проникают в Россию с целью саботажа и терроризма.

Даже после того, как FECRIS якобы начала рвать связи с Россией, ее французское отделение продолжало предоставлять трибуну российским

пропагандистам. Это было не просто лицемерие. Это была демонстрация истинной природы их идеологии. Для них не имело значения, на чьей ты стороне в войне. Главное, чтобы ты был на их стороне в войне против свобод и демократии.

Вся их конструкция, вся их «борьба за права человека» оказалась карточным домиком, построенным на лжи, ксенофобии и политических манипуляциях. Они создали удобный псевдонаучный язык для преследования неудобных. Термины «тоталитарная секта», «контроль сознания», «сектантские отклонения» — это не научные категории. Это ярлыки, предназначенные для того, чтобы вывести группу людей за рамки закона и общественного сочувствия. Чтобы убедить обывателя и чиновника в том, что это не люди с другими убеждениями. Это — опасные зомби, которых нужно изолировать и обезвредить.

Саентология с самого начала была для них одной из главных мишеней. Не потому, что ее верования были какими-то особенно опасными, а потому, что она отказывалась молча сносить оскорбления. Она давала отпор. Она выигрывала суды, разоблачала их ложь, показывала всему миру их методы. Она была тем самым шипом, который не давал им спокойно наслаждаться своим положением и государственными грантами.

Паутина, связывающая уважаемый Париж и авторитарную Москву, была распутана и выставлена на свет. Стало ясно, как деньги европейских налогоплательщиков, выделенные на защиту демократических ценностей, пошли на поддержку машины репрессий, которая в итоге стала рупором войны. Это важная история о том, как легко зло может мимикрировать под добро, а борьба за свободу — превратиться в свою противоположность.

FECRIS. Эта организация не причина, а следствие. Она лишь один из каналов распространения ядовитой идеологии. Сами идеи — концепция «промывки мозгов», миф об «опасных культах», технология социального остракизма — имеют гораздо более глубокие и темные корни. Для того, чтобы понять суть этой войны, нужно вернуться назад во времени. Вернуться туда, где все началось. Не к европейским институтам, а во времена Холодной войны, в секретные лаборатории ЦРУ и в умы людей, которые первыми придумали, как превратить страх перед неизвестным в мощное политическое оружие.

ГЛАВА 9.

ОРУЖИЕ ПРОПАГАНДЫ: ПОДАВЛЕНИЕ, ПОДМЕНА, ВЫСМЕИВАНИЕ

В публичной критике саентологии на первый план всегда выходят одни и те же обвинения — не только в «промывке мозгов» или нетипичной религиозной практике, но и в более громких, специфических историях. Многие противники движения считают основными доказательствами его опасности три истории:

Первая — о политике «Честная игра» (Fair Game), некоем тайном разрешении, «лицензии на беспредел», которая якобы позволяет саентологам лгать, разорять и даже уничтожать своих врагов.

Вторая — о «саентологическом ГУЛАГе», тайных лагерях перевоспитания под названием «Проект реабилитации» (RPF), где инакомыслящих якобы подвергают унижениям и рабскому труду.

И третья, самая странная и потому, казалось бы, самая убедительная — история про злого галактического правителя Ксену, инопланетян, вулканы и водородные бомбы. История, которую антикультисты преподносят как главный секрет и суть всей веры саентологов.

Настало время подробно рассмотреть три самых известных обвинения, которые обычно преподносят как неопровержимые доказательства вины саентологии. Рассмотрим эти истории непредвзято, но тщательно, опираясь на документы, свидетельства и архивные материалы. В ходе анализа станет ясно, что за этими леденящими кровь рассказами скрывается не столько необъяснимая жестокость, сколько тщательно выстроенная технология: холодная, расчетливая и удивительно эффективная схема создания пугающего образа на пустом месте.

Мое путешествие началось с «Честной игры». Эта история — визитная карточка любого антисаентологического памфлета. Ее пересказывают с придыханием и ужасом, рисуя в воображении слушателя картину всемогущей и безжалостной организации, для которой не существует ни закона, ни морали.

Типичный «сектовед» обычно вещает с кафедры, что политика «Честная игра» позволяет любому саентологу лишить собственности всякую «подавляющую личность» (так они называют своих врагов), нанести им любой вред: их можно обманывать, подавать на них в суд, им можно лгать, их можно уничтожать физически!

Звучит как сценарий для фильма о Джеймсе Бонде, не правда ли? Секта злодеев, объявившая войну всему миру. Признаюсь, когда я впервые это прочел, холодок пробежал по спине. Неужели такое возможно в современном мире? Неужели основатель религии мог написать такое черным по белому, а его последователи — исполнять?

Я решил начать с первоисточника. Не с пересказа Дворкина или других «специалистов», а с оригинальных документов. Что ж, задача оказалась не из легких. Антикультисты любят цитировать эту директиву, но почти никогда не дают на нее точную ссылку. После долгих поисков мне все же удалось найти ее. И первое, что меня поразило — дата. 1967 год.

Да, такая директива действительно существовала. В середине 60-х годов, в разгар Холодной войны и тотальной паранойи, когда Церковь Саентологии столкнулась с тем, что она воспринимала как скоординированные атаки со стороны спецслужб и психиатрического лобби, Л. Рон Хаббард, будучи человеком своей эпохи — резким и бескомпромиссным, — выпустил серию бюллетеней, носивших крайне агрессивный характер. В одном из них и содержалась та самая формулировка про «честную игру». Это была ответная реакция, возможно, чрезмерная и ошибочная, но реакция на реальные нападки, а не провозглашение вечной войны со всем человечеством. Хаббард тогда писал: «Защита чего-либо недопустима. Единственный способ защитить что-либо — это напасть».

Прокручивая ленту времени, я обнаружил еще один документ. Бюллетень от 21 октября 1968 года. И в нем черным по белому было написано, что практика объявления людей «честной игрой» прекращается. Хаббард отменил эту директиву. Отменил! Более полувека назад. Я перечитал еще раз. Отменена. В 1968 году. У меня в голове что-то щелкнуло. Я снова открыл книги и статьи антикультистов. Они с упоением цитируют директиву 1967 года. Но хоть кто-

нибудь из них упоминает директиву 1968 года? Хоть кто-нибудь говорит, что эта политика была отменена спустя год после ее введения? Никто. Ни единого слова.

Представьте себе ситуацию. Вы историк, изучающий законодательство США. Вы находите закон 1850 года, разрешающий рабовладение, и начинаете кричать на каждом углу: «В Америке до сих пор легализовано рабство! Вот документ!». А на робкие возражения, что была Гражданская война, была принята Тринадцатая поправка к Конституции, вы лишь отмахиваетесь и снова тычете пальцем в пожелтевший пергамент: Но вот же, написано!

Абсурд? Безусловно. Но это в точности то, что делают антикультисты. Они берут документ, отмененный пятьдесят с лишним лет назад, и размахивают им, как актуальным приказом. Они сознательно вырезают из истории ключевой факт — факт отмены, — чтобы представить временную, реакционную меру как вечную и неизменную догму.

Это не ошибка. Это не недосмотр. Это классический прием пропаганды. Называется он «подавление данных» или «ошибка неполного доказательства». Вы берете реальный факт, который сам по себе звучит шокирующе, и намеренно умалчиваете о другом, не менее реальном факте, который полностью меняет контекст и смысл первого.

Зачем они это делают? Ответ очевиден. Без «Честной игры» рушится весь образ безжалостной секты, ведущей войну с миром. Признай они, что политика была отменена, им придется отвечать на неудобные вопросы: «А почему вы тогда продолжаете о ней говорить?», «А может, и другие ваши „факты“ так же вырваны из контекста?».

Сама Церковь Саентологии объясняет, что директива была отменена именно из-за того, что ее смысл начали искажать. Изначально, по их версии, это означало лишь то, что человек, объявленный врагом, больше не мог рассчитывать на защиту внутренних этических процедур Церкви и должен был решать свои проблемы в светском суде. Интерпретация агрессивная, да, но это не «лицензия на убийство». Однако критики ухватились за самую зловещую трактовку и раздули ее до вселенских масштабов. Хаббард, увидев, как его слова переворачивают с ног на голову, просто отменил директиву, чтобы прекратить спекуляции.

Но для пропагандистов это не имело значения. Они получили свое оружие. И тот факт, что оно давно заржавело и сдано в утиль, их не смущает. Они продолжают им пугать доверчивую публику, тщательно стирая с него дату изготовления. Это как рассказывать о зверствах инквизиции, утверждая, что Католическая церковь и сегодня сжигает еретиков на кострах.

Так первый «неопровержимый» аргумент антикультистов рассыпался в пыль, оставив после себя лишь неприятный запах манипуляции. Я понял, что имею дело не с искателями истины, а с фокусниками, которые ловко прячут одни карты, чтобы вы увидели только те, что им нужны. Но у них в колоде оставались еще два «козыря». Я перешел к следующему.

«Саентологический ГУЛАГ». От одного этого словосочетания веет ледяным холодом. В сознании человека, выросшего в России, слово «ГУЛАГ» вызывает однозначный ряд ассоциаций: колючая проволока, бараки, непосильный труд, голод, унижения, смерть. И вот этот чудовищный ярлык антикультисты без тени сомнения лепят на некую внутреннюю программу Саентологии — «Проект реабилитации» (Rehabilitation Project Force, или RPF). Я открыл книгу Дворкина и ему подобных, и на меня обрушился поток ужасов.

«Потом Хаббард изобрел «отряд реабилитационных проектов» – ОРП (Rehabilitation Project Force – RPF) – сайентологический ГУЛАГ: попавшие туда провинившиеся сайентологи должны ходить в грязной одежде, исполнять самую грязную работу; они не имеют права говорить, кроме тех случаев, когда к ним обращаются; все поручения они должны исполнять бегом, есть они могут только объедки, спать мало и в самых неприятных условиях – в сарае, на полу и т.д. (один бывший сайентолог рассказывал, что его заставляли спать в морге, другого – в курятнике), и так до тех пор, покуда их «состояние не улучшается». Редко кто проводит в ОРП меньше года, есть люди, заключенные там по много лет. Помимо тяжелой физической работы – не менее 10 часов в день (известны случаи, когда заключенные работали по 30–40 часов подряд), ОРП-шники должны аудитироваться по пять часов в день (это называется «проверка на безопасность»), подписывать признания в воображаемых преступлениях и просить прощения у всех членов организации, чтобы те в конце концов подписали поручительство со свидетельством об исправлении виноватых, которые, дескать, больше не причиняют вреда организации. Все время в ОРП

к каждому заключенному прикреплен напарник. Человек никогда не остается в одиночестве: оба напарника круглосуточно следят друг за другом и обязаны доносить друг на друга при виде малейших нарушений, неточностей или сомнений. Все это приводит к полному подавлению личности.

Для самых неисправимых имеется «отряд реабилитационных проектов отряда реабилитационных проектов» (RTF's RTF) – ГУЛАГ внутри ГУЛАГа. Там издевательство над человеком, унижение и подавление личности достигают крайней степени. Известны случаи, когда человека в калифорнийской пустыне заставляли по десять часов в сутки бегать вокруг столба под палящим солнцем. Есть и много других пыток. Мало кто может долго выдержать такое существование. Люди либо ломаются, либо кончают с собой».

Картина, достойная «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Я снова почувствовал себя неуютно. Неужели это правда? Неужели в XXI веке, в Соединенных Штатах и других западных странах, существует сеть тайных концлагерей, куда можно отправить человека за провинность? Мое расследование началось с простого вопроса: что такое RPF и для кого он предназначен? Ответ нашелся довольно быстро. RPF — это программа, существующая исключительно внутри так называемой «Морской организации» (Sea Organization).

Что такое Морская организация? Это не корпорация с наемными работниками. Это религиозный орден. Подобно монашеским орденам в христианстве или буддизме, его члены посвящают свою жизнь служению своей религии. Они живут в общинах, получают скромное содержание, питание и жилье, но не работают за зарплату в привычном понимании. Они дают обеты (саентологический обет дается на миллиард лет, что символизирует вечную приверженность духовным целям) и следуют строгому внутреннему уставу.

Человек не может «попасть» в Морскую организацию случайно. Это добровольный, осознанный выбор взрослого человека, решившего стать, по сути, «монахом» или «монахиней» Саентологии. А теперь вернемся к RPF. Эта программа, предназначенная только для членов этого религиозного ордена. Туда направляют тех, кто совершил серьезные этические проступки или грубо нарушил устав, нанеся вред организации и ее прихожанам. С точки зрения

Церкви, это не наказание, а «второй шанс». Это возможность для человека, который оступился, через период интенсивного духовного обучения (аудитинга) и физического труда искупить свою вину, переосмыслить свои действия и восстановить свой статус в ордене.

Давайте теперь посмотрим на «ужасы», описываемые антикультистами, через эту призму. «Рабский труд» и «грязная работа»: Программа RPF действительно предполагает физический труд, часто связанный с ремонтом и обслуживанием зданий Церкви. Но это неотъемлемая часть многих монашеских практик по всему миру. Принцип *ora et labora* («молись и трудись») — основа западного монашества. Труд рассматривается не как наказание, а как способ смирения эго, очищения мыслей и принесения пользы общине. Описывать это как «рабство» — значит намеренно игнорировать религиозный контекст.

«Объедки» и «сон на полу»: Бывшие члены, ставшие критиками, действительно рисуют мрачные картины. Но официальная позиция Церкви и свидетельства тысяч людей, прошедших RPF и оставшихся в Морской организации, говорят о другом: участникам предоставляется нормальное жилье и трехразовое питание. Конечно, условия могут быть скромнее, чем у остальных членов ордена, что логично для периода покаяния. Но описание «объедков» и «сна в курятнике» — это уже явная демонизация, рассчитанная на внешний эффект.

«Черная униформа и бег»: Участники RPF действительно носят черные комбинезоны, чтобы их можно было отличить от других членов Морской организации. Это опять же обычная практика для групп, находящихся на особом положении (как послушники в монастыре). А требование передвигаться бегом, а не шагом, — это элемент дисциплины, призванный подчеркнуть срочность и важность исправления. Можно считать это странным или излишне строгим, но называть это «жестокостью» — явное преувеличение.

«Бег вокруг столба»: Эта история — одна из самых популярных в антикультовой мифологии. Но даже если такой случай и имел место (доказательств, кроме рассказов, нет), то выдавать единичный эксцесс какого-то конкретного руководителя за системную практику — это еще один пропагандистский трюк. Технология манипуляции здесь еще более изощренная,

чем в случае с «Честной игрой». Она строится на ложной аналогии и семантической подмене.

Пропагандист берет явление из совершенно незнакомой для аудитории области, а именно внутреннюю дисциплинарную программу религиозного ордена, и описывает его терминами из области, которая всем знакома и вызывает ужас, то есть сталинским ГУЛАГом: члены религиозного ордена становятся «заключенными», период искупления и покаяния становится «сроком», физический труд как часть духовной практики становится «рабским трудом», дисциплинарные правила становятся «унижениями», а духовное наставничество и аудитинг становятся «промывкой мозгов».

Происходит подмена понятий. Вам не нужно доказывать, что в RPF есть расстрельные команды или газовые камеры. Достаточно просто назвать его «ГУЛАГом». Само это слово несет в себе такой заряд ужаса, что все детали становятся неважны. Эмоция заменяет логику. Человек слышит «ГУЛАГ» и его мозг дорисовывает все остальное.

Это умный ход. Антикультисты эксплуатируют наше полное невежество в вопросах внутреннего устройства религиозных орденов. Мы, светские люди, не знаем, как живут францисканцы, доминиканцы или буддийские монахи. Мы не знаем, что такое епитимья, затвор или строгий пост. И когда нам описывают нечто похожее, но называют это «ГУЛАГом», мы верим.

Я представил себе диалог с таким пропагандистом.

— Они заставляют людей работать бесплатно, часами молиться, носить одинаковую одежду и есть простую пищу! — возмущается он. — Вы описываете католический монастырь? — уточняю я. — Нет, это тоталитарная секта! — В чем разница? — В названии.

И это, по сути, вся разница. В одном случае мы видим благочестивых монахов, в другом — несчастных рабов. Хотя делают они, возможно, одно и то же. Все решает ярлык.

Миф о «саентологическом ГУЛАГе» оказался еще одной искусно сделанной фальшивкой, пустышкой в яркой, пугающей обертке. Программу, которая для тысяч людей стала способом исправить свои ошибки и вернуться к служению, превратили в страшилку мирового масштаба.

Но оставался последний бастион. Самый странный, самый нелепый и потому, казалось, самый неопровержимый. История про Ксену.

Если предыдущие два обвинения апеллировали к нашим страхам перед насилием и беззаконием, то история про Ксену бьет по нашему чувству здравого смысла. Антикультисты излагают ее с ехидной ухмылкой, как бы говоря: «Ну, после этого вы все поймете. Они просто сумасшедшие».

И здесь я вынужден вернуться к той самой, уже прозвучавшей цитате, потому что именно в её абсурдности и заключена главная уловка. Вот как она звучит в их пересказе, и важно услышать это снова: *«75 миллионов лет назад злой галактический правитель по имени Ксену собрал миллиарды жителей своей конфедерации, заморозил их, перевез на Землю (тогда она называлась Тиджиак), сбросил в жерла вулканов и взорвал водородными бомбами. Затем бестелесные души этих существ, "тэтаны", были пойманы, подвергнуты воздействию, во время которого им внушили все основные мировые религии, включая христианство, а затем вселились в тела первых людей. И теперь, по учению саентологов, каждый человек — это ходячий конгломерат из сотен этих травмированных душ-прилипал, а все наши проблемы — от них. И чтобы от них избавиться, нужно заплатить сотни тысяч долларов за курсы, где вас научат изгонять этих невидимых инопланетян!»*

Когда я впервые услышал эту историю, моей первой реакцией был смех. Это звучало как синопсис дешевого научно-фантастического романа 50-х годов, написанного Хаббардом в его до-саентологический период. Неужели взрослые, разумные люди могут в это верить? Неужели это и есть тот великий секрет, который открывается на высших ступенях Саентологии? Антикультисты преподносят это как убойный факт. Вот, смотрите, в какую чушь они верят! Вот за что они платят свои деньги! Это не религия, это космическая опера для умалишенных! Я решил разобраться. И снова, как и в предыдущих случаях, дьявол оказался в деталях, а точнее — в их отсутствии в версии пропагандистов.

Во-первых, уровень доступа. История про Ксену — это не то, что рассказывают новичку на воскресной проповеди. Это часть материалов уровня ОТ III (Оперирующий Тэтан, уровень 3). Это один из самых высоких и продвинутых уровней духовной практики в Саентологии, которого достигают лишь немногие, после многих лет обучения и аудитинга. Говорить, что

«саентологи верят в Ксену» — это все равно что сводить сложное учение к одному его эзотерическому фрагменту. Да, это часть доктрины, но это глубоко специализированная ее часть, доступная и понятная лишь подготовленным людям. Это не основополагающие принципы, с которыми знакомят новичков.

Во-вторых, контекст и цель. Для саентолога на уровне ОТ III эта история — не урок астрономии или палеонтологии. Это аллегорический нарратив, который используется в процессе аудитинга для работы с глубинными слоями духовных травм. Цель — не поверить в Ксену как в историческую личность, а столкнуться с неким масштабным травматическим событием прошлого (на духовном, а не физическом уровне), которое является источником скрытых барьеров на пути к полному духовному осознанию. Это метафора, духовный инструмент, а не буквальная космогония.

В-третьих, и это самое главное, — способ получения информации. Откуда антикультисты узнали эту историю? Они провели глубокое теологическое исследование? Нет. Эти материалы, будучи строго конфиденциальными, были украдены и незаконно опубликованы в интернете. Первые утечки произошли в результате судебных процессов, когда документы были приобщены к делу и стали достоянием общественности. Позже были и целенаправленные кражи.

И вот здесь технология пропаганды раскрывается во всей своей красе. Она называется высмеивание через деконтекстуализацию. Схема проста и гениальна: вы крадете или иным незаконным путем получаете доступ к эзотерическому, сакральному тексту другой религии, тексту, который предназначен для узкого круга посвященных и требует многолетней подготовки для правильного понимания, вырываете его из всего религиозного, духовного и ритуального контекста, представляете эту аллегорическую, метафорическую историю широкой публике как буквальный, фактический рассказ, наблюдаете за реакцией, поскольку естественно, для неподготовленного человека это звучит как бред, и делаете вывод: «Смотрите, какие они идиоты! Их религия — чушь!».

Этот прием можно применить к любой религии. Возьмите описание ангелов из Книги пророка Иезекииля — существа с четырьмя лицами (человека, льва, быка и орла) и множеством крыльев, усеянных глазами. Опишите это буквально и заявите: «Христиане верят в крылатых химер-мутантов!». Или возьмите индуистский миф о пахтании Молочного океана, где боги и асуры

использовали гигантского змея в качестве веревки, чтобы взбить океан и добыть эликсир бессмертия. Перескажите его американскому фермеру и спросите, верит ли он, что Вселенная началась со взбивания молока.

Или концепция реинкарнации в буддизме. «Они верят, что после смерти могут родиться тараканом!». Звучит смешно, если не понимать учения о карме и сансаре. Любой сакральный текст, любая глубокая духовная метафора, вырванная из контекста и поданная буквально, превращается в анекдот. Пропагандисты прекрасно это знают. Они не занимаются теологическим анализом. Они занимаются интеллектуальным мародерством. Они вламываются в чужой храм, вытаскивают оттуда икону, рисуют на ней рожки и усы и показывают толпе, крича: Смотрите, какому уродству они поклоняются! История с Ксену — это самый яркий пример этой технологии. Антикультисты взяли то, что для саентолога является глубоко личным и духовным опытом на высших ступенях его пути, и превратили это в балаганное шоу, в повод для насмешек в «Южном Парке». Они совершили акт духовного вандализма и теперь гордятся своим «разоблачением».

Итак, все три «неопровержимых доказательства» оказались фальшивкой. Не в том смысле, что в их основе не лежали реальные факты. Факты были. Была директива «Честная игра». Существует программа RPF. Существуют материалы ОТ III. Но в каждом случае этот реальный факт был подвергнут чудовищному искажению. В случае с «Честной игрой» — через подавление ключевой информации (факта отмены). В случае с RPF — через ложную аналогию и семантическую подмену (навешивание ярлыка «ГУЛАГ»).

В случае с Ксену — через деконтекстуализацию и высмеивание сакрального текста. Это и есть технология создания монстра. Я сидел перед кипой бумаг и интернет-распечаток, и чувство брезгливости смешивалось во мне с тревогой. Я увидел, как это работает. Я увидел конвейер по производству ненависти. И я понял, что это опасно не только для саентологов.

Эта технология универсальна. Сегодня она направлена против одной группы, завтра — против другой. Против любого меньшинства, любой «не такой» группы, которую нужно сделать «врагом». Механизм один и тот же: взять факт, извратить его, напугать обывателя и потребовать от властей репрессий. Это прямой путь к обществу тотальной нетерпимости, к обществу, где любой

может быть назначен «подавляющей личностью», «сектантом» или «врагом народа» по воле кучки профессиональных манипуляторов.

Люди Дворкина — не просто критики. Они — инженеры ненависти. Они не защищают общество. Они его разлагают, подрывая доверие к информации, к фактам, к самой возможности честного диалога. Они искажают реальность, чтобы добиться своих целей, и в процессе этого искажения они подтачивают самые основы демократического и правового государства. Они заставляют государственные органы — прокуратуру, суды, министерства — действовать на основе сфабрикованных данных и эмоциональных страшилок, превращая правосудие в фарс.

ГЛАВА 10.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: КАК ФРАНЦИЯ СОЗДАВАЛА ПРЕЦЕДЕНТ ДЛЯ ВСЕГО МИРА

Иногда история самой безумной лжи начинается в самых обыденных местах. Я сидел в маленьком парижском кафе на Монмартре, за столиком, залитым мягким утренним светом, который никак не сочетался с содержимым моего портфеля. Там, между страницами судебных документов, лежала целая вселенная страха, предрассудков и целенаправленной манипуляции. От этих бумаг, отпечатанных на казенных бланках, исходил не просто запах старой пыли и типографской краски — от них тянуло холодом казенщины и далеких, но оттого не менее страшных, кабинетов власти.

Это была материальная нить, ведущая в сердце одной из самых масштабных идеологических битв конца XX века. Еще в 1995 году официальный доклад французского парламента торжественно заклеил Саентологию как «опасную секту». Но чтобы понять, как такое стало возможным в сердце демократической Европы, нужно увидеть более широкую картину. Это было время глубокой общественной травмы, время, когда по всему континенту, вслед за кровавыми трагедиями вроде «Народного Храма» Джона Джонса или

мистических самоубийств «Ордена Солнечного Храма», прокатилась волна слепой, неистовой паники.

Именно в этой атмосфере всеобщего страха и родился монстр. Политики, подогреваемые риторикой профессиональных борцов с «культами», избравших борьбу с «сектами» своей идеологией и источником финансирования, решили, что лучший способ защиты — это тотальное нападение. Вместо того чтобы кропотливо разбираться в каждом конкретном случае, отделяя реальные преступления от свободы вероисповедания, они предпочли создать универсальное идеологическое оружие, ярлык, который можно навесить на любого неудобного оппонента.

И Франция, колыбель прав человека, стала полигоном для этого нового крестового похода. Во Франции таким оружием, этим универсальным ключом, призванным открыть любую дверь в частную жизнь гражданина под предлогом «защиты общества», стал знаменитый законодательный акт, известный как закон Абу-Пикар, принятый 30 мая 2001 года. Его рождение не было случайностью — оно было кульминацией долгой и методичной кампании по конструированию образа врага. Официально он назывался «О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека». Звучит благородно, не правда ли? Закон вводил новое, совершенно резиновое понятие — «злоупотребление состоянием слабости» (*abus de faiblesse*) путем «психологического или физического давления с целью создания состояния подчинения». По сути, он криминализировал сам акт убеждения. Любой духовный поиск, любая смена мировоззрения, любая преданность идее или лидеру, если она приводила к жертвованиям или изменению образа жизни, теперь могла быть истолкована как результат «психологической манипуляции». Адвокаты и правозащитники по всей Европе кричали, что это юридический нонсенс, открывающий ящик Пандоры для преследования любого инакомыслия. Но их не слышали. Оружие было создано. И оно ждало своей цели. Целью, разумеется, стала Саентология. Слишком заметная, слишком успешная, слишком «американская» и, что самое главное, слишком непокорная. Она не просто защищалась — она контратаковала, разоблачая злоупотребления в психиатрии и защищая права человека, что создало ей могущественных врагов. Для французской антикультовой машины уничтожение Саентологии стало делом чести.

В 2008 году судья Жан-Кристоф Уллен выдвинул обвинения против двух юридических лиц — парижского «Центра знаменитостей» Церкви Саентологии и ее книжного магазина, а также семерых ее лидеров. Формальным поводом послужили жалобы нескольких бывших последователей, одна из которых утверждала, что в конце 90-х потратила около 21 000 евро на курсы и материалы. Обвинение было сформулировано громко и зловеще: «мошенничество в составе организованной группы».

Прокурор на суде не стеснялся в выражениях. Он говорил о «настоящей одержимости финансовой выгодой», о практиках, направленных на «захват состояния» психологически уязвимых людей. Судья Уллен в своем обвинительном заключении вторил ему, критикуя «одержимость» саентологов деньгами. Вся стратегия обвинения строилась на том, чтобы представить любую плату за религиозные услуги или материалы — практику, существующую в тысячах религий по всему миру, — как коварный план по вымогательству. Бесплатный личностный тест, который предлагали саентологи, был представлен как приманка, специально разработанная для того, чтобы выявить «слабости» человека и затем продать ему «лечение».

Защита пыталась апеллировать к здравому смыслу и базовым принципам свободы совести. Адвокаты саентологов доказывали, что их клиенты — взрослые, дееспособные люди, сделавшие добровольный выбор. Что платные курсы — это не «мошенничество», а форма религиозного образования, принятая в их традиции. Что личностный тест — не более чем инструмент для самопознания. «Это инквизиция, — заявил в суде один из адвокатов. — Тщательно спланированная кампания по дискредитации». Представитель Церкви Саентологии Эрик Ру был еще более прямолинеен: «Правительство называет религию "сектой", когда хочет от нее избавиться».

Но во Франции образ врага уже был создан. Десятилетия антикультовой пропаганды сделали свое дело. СМИ, политики и так называемые «эксперты» в один голос твердили, что саентологи — это «промыватели мозгов», зомби, не способные принимать самостоятельные решения. И в этой атмосфере любой, кто добровольно отдавал им свои деньги, автоматически становился «жертвой». Его собственное мнение никого не интересовало. Государство знало лучше.

И вот, 27 октября 2009 года грянул вердикт. Суд признал обе организации и шестерых лидеров виновными в «организованном мошенничестве». Руководители, включая главу парижского центра Алена Розенберга, получили условные сроки и штрафы. На сами организации наложили совокупный штраф в 600 000 евро. Антикультисты ликовали. Казалось, цель почти достигнута. Прокуратура требовала полного роспуска и запрета деятельности Саентологии во Франции. Это был бы триумф «Французского синдрома».

Но тут произошла одна очень забавная, почти водевильная история, которая прекрасно иллюстрирует, как работает французская бюрократическая машина. Буквально за несколько месяцев до вынесения приговора в уголовный кодекс была внесена незаметная поправка. Она отменяла возможность роспуска юридического лица, осужденного за мошенничество. Никто не знает, было ли это сделано намеренно, чтобы не создавать опасный прецедент, который мог бы ударить по другим, более влиятельным организациям, или это была просто случайность, бюрократическая накладка. Но факт остается фактом: главная цель — полный запрет Саентологии — оказалась недостижимой.

Разумеется, саентологи подали апелляцию. Началась долгая судебная тяжба, которая растянулась на годы. В 2012 году апелляционный суд подтвердил приговор. В октябре 2013 года высшая судебная инстанция — Кассационный суд — отклонила очередное ходатайство, окончательно утвердив обвинительный вердикт. Финальный аккорд прозвучал в мае 2017 года, когда апелляционный суд в Париже еще раз подтвердил приговор. Казалось бы, точка поставлена. Саентология официально признана во Франции организацией мошенников. Антикультисты могли праздновать победу, хоть и не полную. Их истории успеха разлетелись по всему миру, и Дворкин со товарищи радостно цитировали решение французского суда как неопровержимое доказательство «преступной сущности» Саентологии. Но в этой истории, как в хорошем триллере, есть еще один, последний поворот. И он полностью меняет всю картину.

Пока шли апелляции по основному делу, произошло нечто, о чем антикультисты предпочитают не вспоминать. Одна из их главных ассоциаций, та самая UNADFI, что громче всех кричала об «оскорблении жертв» на Олимпиаде, была сама привлечена к суду. За что? За «злоупотребление судебным процессом» (*procédure abusive*). И где? В том самом деле против Церкви Саентологии. В 2015 году Апелляционный суд Парижа постановил, что

UNADFI действовала незаконно и недобросовестно, выступая истцом против саентологов, зная, что ее иск неприемлем. Суд прямо указал, что единственной целью ассоциации было «нанести вред Церкви и незаконно повлиять на ход судебного разбирательства». В 2017 году Кассационный суд подтвердил это решение.

Просто вдумайтесь в это. Организация, которая строила из себя защитника «жертв», была уличена судом в умышленной попытке манипулировать правосудием с целью навредить своему оппоненту. Главный «свидетель обвинения» сам оказался мошенником. Этот факт должен был бы взорвать всю конструкцию дела против Саентологии, поставить под сомнение его легитимность. Но об этом решении почти не писали в прессе. Его не цитировали политики. Оно затерялось в юридических архивах, потому что оно ломало удобный и простой нарратив о «злой секте» и «доблестных защитниках общества». Оно обнажало истинную природу «Французского синдрома»: это не борьба за правду, это борьба на уничтожение.

И ещё одним инструментом в этой борьбе является MIVILUDES — Межведомственная миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями. На бумаге — респектабельное государственное агентство, которое анализирует риски и информирует общество. На деле — пропагандистский центр и «банкомат» для антикультового движения.

Я провел недели, изучая отчеты MIVILUDES. Это мир, где реальность не имеет значения. Агентство оперирует цифрами, взятыми с потолка. Например, в своих отчетах оно годами повторяет мантру о «примерно 500 культах» и «как минимум 500 000 жертвах» во Франции. Откуда эти цифры? Методология? Доказательства? Их нет. Это просто повторяется из года в год, создавая иллюзию масштабной угрозы, для борьбы с которой, разумеется, нужно больше финансирования и больше полномочий.

Вся деятельность MIVILUDES строится на так называемых «сигналах» (saisines). Это может быть что угодно: звонок обеспокоенной бабушки, анонимное письмо, вопрос по электронной почте. В 2021 году MIVILUDES с гордостью отчиталась о рекордном количестве таких «сигналов» — более четырех тысяч. Звучит внушительно. Но само агентство в сносках мелким шрифтом признает, что это не «сообщения о правонарушениях», а просто

«запросы информации». Тем не менее, в публичном пространстве эти «сигналы» подаются как доказательство разгула «сектантской угрозы».

Но MIVILUDES не просто фабрикует статистику. Она напрямую финансирует частные антикультовые ассоциации вроде UNADFI и CAFFES, которые потом выступают в роли «независимых экспертов» и «представителей гражданского общества», создавая эхо-камеру. Государство дает деньги организации, та производит нужную «экспертизу» или подает иск в суд, а государство потом ссылается на эту «независимую» организацию как на подтверждение своей правоты. Это классическая круговая порука. Правозащитная организация Human Rights Without Frontiers (HRWF) прямо называет MIVILUDES «банкоматом» для этих ассоциаций, отмечая при этом, что многие из них даже не соблюдают элементарных требований к финансовой отчетности за полученные госсубсидии.

Неудивительно, что доклады MIVILUDES раз за разом становятся предметом судебных разбирательств. И что самое интересное — MIVILUDES эти суды проигрывает. В 2024 году Административный суд Парижа постановил, что агентство опубликовало неточные и непроверенные утверждения о ряде религиозных меньшинств в своем отчете за 2021 год. Ранее, после иска от Свидетелей Иеговы, суд обязал MIVILUDES удалить из отчета клеветнические заявления, признав, что агентство превысило свои полномочия, представляя неподтвержденные обвинения как факты.

С Саентологией произошла похожая история. После того как MIVILUDES в очередном отчете представила волонтерскую деятельность саентологов во время пандемии как «нечто злое», Церковь подала в суд, требуя реализовать свое законное право на ответ. Чтобы избежать неминуемого проигрыша в суде и нового публичного конфуза, MIVILUDES была вынуждена пойти на попятную и впервые в своей истории переиздать годовой отчет, включив в него четырехстраничный ответ от саентологов. Бывший глава MIVILUDES, одиозный Жорж Фенеш, также был лично осужден за нарушение презумпции невиновности в отношении саентологов, и судебным приставам пришлось взыскивать с него 5000 евро в пользу Церкви.

Вот вам и «авторитетный государственный орган». Его доклады, которые ложатся в основу политики и цитируются СМИ по всему миру, оказываются в

суде сборником клеветы и непроверенных слухов. Но система продолжает работать. Потому что ее цель — не истина, а стигматизация. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в своих отчетах прямо указывает, что MIVILUDES пренебрежительно отзывался про Церковь Саентологии и другие меньшинства», а позитивные реакции французских СМИ на её доклады «негативно влияют на отношение общества к организациям, которые MIVILUDES называет сектами».

Франция создала уникальную, самоподдерживающуюся систему подавления. Сначала она принимает репрессивные законы вроде закона Абу-Пикар. Затем создает государственный орган (MIVILUDES) для их реализации. Этот орган финансирует якобы «общественные» организации (вроде FECRIS и UNADFI), которые создают информационный шум и поставляют «жертв» и «экспертизы». На основе этого шума и этих «экспертиз» возбуждаются показательные судебные дела. А затем решения этих судов и доклады MIVILUDES используются как оправдание для дальнейшего закручивания гаек и экспорта этой модели в другие страны.

Именно поэтому Дворкин так ценил свой пост вице-президента FECRIS. Это давало ему ауру международной легитимности. Он мог прийти к российскому чиновнику и сказать: «Смотрите, во Франции, в цивилизованной Европе, с сектами борются на государственном уровне! У них есть MIVILUDES, у них есть закон Абу-Пикар, они осудили саентологов! А мы чем хуже?». Французский опыт стал индульгенцией на преследование для антикультистов по всему миру. И неважно, что FECRIS, как выяснилось позже, открыто поддерживала российских пропагандистов, оправдывавших войну в Украине, и была с позором уличена в связях с кремлевскими сетями влияния. Для французского правительства, похоже, это не имело значения. Деньги продолжали поступать.

Когда я допил свой остывший кофе и вышел из кафе на залитые солнцем улицы Парижа, я смотрел на спешащих прохожих, на туристов, на сияющие витрины, и думал о том, насколько хрупкой может быть свобода. Даже здесь, в сердце Европы, под сенью Эйфелевой башни. «Французский синдром» — это не просто борьба с «культами». Это тревожный пример того, как благородная идея *laïcité*, светскости, может быть извращена и превращена в свою противоположность. В идеологию нетерпимости, в государственный механизм

по производству врагов. Система, которая для своего выживания должна постоянно находить и уничтожать «других».

Саентология давно стала той самой занозой, которую антикультовое сообщество не в силах удалить. Она постоянно мешает им окончательно утвердить свои подходы и практики, напоминая о необходимости уважать базовые права человека, даже когда речь идёт о неудобных или нестандартных верованиях. Именно благодаря этому «раздражителю» антикультовые методы и их последствия оказываются под пристальным вниманием, не позволяя сети действовать без оглядки на право и справедливость.

ГЛАВА 11.

ЭКСПЕРТИЗА КАК ОРУЖИЕ:

КАК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДВОРКИНА СТАЛИ ПРИГОВОРОМ

В тот августовский день 2023 года в зале Невского районного суда Санкт-Петербурга время, казалось, застыло. Семь лет. Семь долгих лет, что прошли с момента, когда тяжелые ботинки оперативников ФСБ впервые протопали по коврам Саентологической церкви на улице Бабушкина, превратив обычный день в пролог к кошмару. Теперь этот кошмар должен был закончиться. В центре зала, на скамье подсудимых, сидел Иван Мацицкий, духовный лидер петербургских саентологов. Человек с тихим голосом и усталыми глазами, которого государственная машина обвиняла в создании экстремистского сообщества, возбуждении ненависти и незаконном предпринимательстве. За его спиной маячили еще четыре фигуры: главный бухгалтер Сахиб Якуб оглы Алиев, исполнительный директор Галина Шуринова, начальник службы безопасности Анастасия Терентьева, юрист Констанция Есаулкова. Пять человек, чьи жизни перемололи жернова российского правосудия.

Гособвинитель, молодой человек с холодными, бесцветными глазами, монотонно зачитывал обвинение, и слова его, как сухие листья, падали на напряженную тишину. «Организовал...», «вовлекал...», «распространял...», «получил доход...». В его речи не было эмоций, лишь бездушная механика

обвинения. Сумма, фигурировавшая в деле, — более 276 миллионов рублей, полученных якобы за платные курсы, — должна была впечатлять, создавать образ жадной, корыстной организации. Но я, изучивший к тому моменту сотни страниц этого дела, знал: деньги были лишь наживкой. Дымовой завесой, призванной скрыть истинную цель — идеологическую. Краеугольным камнем всего обвинения была статья 282 Уголовного кодекса — «возбуждение ненависти либо вражды». На чем же она строилась? На том, что в саентологической доктрине существует понятие «подавляющая личность» — человек, который активно стремится разрушать и вредить. По версии следствия, выделение таких людей в отдельную «социальную группу» и рекомендации избегать общения с ними и есть то самое «возбуждение ненависти» и «унижение человеческого достоинства».

Это был юридический театр абсурда. Я представлял себе, как адвокаты на прениях пытались донести до суда простую мысль: любая религия, любая философия проводит черту между теми, кто следует ее принципам, и теми, кто им противостоит. Христианство говорит об отлучении от церкви. Буддизм — о людях, погрязших в неведении. Ислам — о неверных. В любом сообществе есть правила и есть те, кто их нарушает. Называть это «экстремизмом» означало поставить вне закона саму идею этического выбора. Но их доводы разбивались о глухую стену. У обвинения был козырь. Железобетонный аргумент, против которого были бессильны и логика, и здравый смысл. Этот аргумент назывался «экспертиза».

И вот судья начал зачитывать приговор. Когда прозвучали слова «признать виновным» и был назван срок для Мацицкого — шесть с половиной лет колонии общего режима, — по залу пронесся тихий вздох. Это был конец. Сокрушительное, окончательное поражение. Но тут произошло нечто странное. Судья, не меняя интонации, продолжил: «...освободить Мацицкого Ивана Васильевича из-под стражи в зале суда в связи с зачетом срока, проведенного под стражей и домашним арестом».

На мгновение повисла тишина. Что? Осужден, но свободен? Остальные фигуранты получили огромные штрафы — от 600 тысяч до 1,3 миллиона рублей, но от наказания по статье о незаконном предпринимательстве их тоже освободили — за истечением срока давности. Конвойные, уже готовые увести

Мащицкого, растерянно замерли. Двери клетки открылись. Иван Мащицкий, осужденный лидер «экстремистского сообщества», вышел на свободу.

В тот вечер новостные ленты пестрели заголовками: «Лидер питерских саентологов освобожден в зале суда!». Это выглядело как победа. Как провал обвинения. Как триумф защиты, сумевшей доказать абсурдность дела. Я и сам на мгновение поддался этому чувству. Но что-то в этой истории не сходилось. Что-то было не так. Зачем было семь лет вести изматывающее, дорогостоящее расследование, привлекать ФСБ, проводить десятки экспертиз, чтобы в итоге отпустить главного обвиняемого? Это было не похоже на поражение системы. Это было похоже на тщательно продуманный финальный акт спектакля. И я решил, что должен понять его сценарий. Я должен был вернуться в самое начало и пройти этот путь шаг за шагом, чтобы увидеть, кто и почему написал эту пьесу.

Мое расследование началось с изучения того самого фундамента, на котором строилось обвинение в экстремизме. Имя этому фундаменту — Александр Леонидович Дворкин. Я уже знал о нем достаточно, чтобы понимать, что это не просто критик. Это был идеолог, крестоносец, объявивший войну всем «неправильным» верам в России. Но в петербургском деле его роль была особенной. Его «экспертные заключения» стали юридическим оружием.

В материалах дела я нашел ссылки на его работы. Я читал его «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» — книгу, которую академическое сообщество России называло не иначе как «пропагандистским памфлетом». Но для следователей и прокуроров это была наука. Именно Дворкин дал им ту самую формулу, которая превратила религиозную этику в уголовное преступление. В одном из своих выступлений, комментируя решения судов, он сам проговорился, как это работает. Он заявлял, что «в суде зачитывал дословный перевод» определения саентологической этики. А определение это, в его изложении, звучало так: «этика — это искоренение всех идей, противоречащих саентологии».

Вот оно! Просто и гениально. Он взял сложную философскую систему, целью которой является помощь человеку в принятии оптимальных решений для выживания по всем динамикам жизни, и свел ее к примитивной формуле: «уничтожь все несогласное». Он вырвал слова из контекста, извратил их смысл и преподнес это следователю как «научный факт».

Я почти физически мог представить себе этот диалог в кабинете на Литейном. Молодой следователь ФСБ, получивший приказ «разобраться» с саентологами, сидит над томами Хаббарда, пытаюсь понять, за что зацепиться. Все эти «тэтаны», «одитинги», «динамики» — для него это китайская грамота. И тут к нему приходит или его вызывают на консультацию к «ведущему специалисту по сектам», человеку с регалиями, профессору, председателю Экспертного совета при Минюсте — самому Дворкину.

«Александр Леонидович, помогите разобраться, — обращается к нему следователь. — Мы тут изъяли их литературу. Что в ней экстремистского?» Дворкин, с видом мудрого наставника, открывает свою книгу или один из своих трудов и начинает объяснять: вот, мол, их собственное определение этики, где они стремятся искоренить всё, что им противоречит. А вот тут делят людей на хороших и плохих, на подавляющих личностей. Это же, по его словам, классическое разжигание ненависти по признаку принадлежности к социальной группе, создание образа врага, прямой состав двести восемьдесят второй статьи.

Для следователя, далекого от религиоведения, это звучит как откровение. Ему не нужно больше ломать голову. Ему дали готовый рецепт. Авторитетный эксперт, которого признает само государство, подтвердил: да, это экстремизм. Дальше — дело техники. Назначить официальную экспертизу, которая, разумеется, подтвердит выводы Дворкина (ведь эксперты, скорее всего, будут из его же круга), и дело в шляпе. Так технология ненависти, импортированная Дворкиным и отточенная на российских реалиях, превратилась в технологию юридического уничтожения. Псевдонаучный донос стал основой для уголовного дела.

Но вернемся в зал суда. Даже с такой «экспертизой» дело трещало по швам. Адвокаты саентологов, одни из лучших в России, раз за разом доказывали абсурдность обвинений. Они приводили свидетельства экспертов с мировым именем, таких как религиовед Борис Фаликов, который называл обвинения «абсурдными» и объяснял, что рекомендации избегать общения с негативно настроенными людьми — обычная практика для многих религий, не имеющая ничего общего с разжиганием ненависти. Правозащитный центр «Мемориал» признал петербургских саентологов политзаключенными. Сама Людмила

Алексеева, легенда правозащитного движения, инициировала обращение в их поддержку.

Даже Европейский суд по правам человека еще в 2014 году признал, что отказ в регистрации Саентологической церкви в Санкт-Петербурге был незаконным. Система знала, что ее позиция уязвима. Поэтому обвинение в экстремизме было хитроумно сшито с обвинением в незаконном предпринимательстве. 276 миллионов рублей! Эта цифра должна была перевесить все правозащитные аргументы, создать образ не гонимых верующих, а шайки мошенников, уклоняющихся от налогов.

Экономическое преступление для публики и прессы, а идеологическое — для создания нужного прецедента. И вот, после семи лет борьбы, система вынесла свой вердикт. Мацицкого осудили, но отпустили. Я долго размышлял, в чем смысл этого хода. И понял. Цель была не в том, чтобы посадить его в тюрьму. Тюремный срок для лидера религиозной группы сделал бы из него мученика, привлек бы еще больше внимания со стороны международных правозащитных организаций, таких как USCIRF, которые и так уже называли Россию страной, вызывающей особую озабоченность. Нет, цель была тоньше.

Приговор, даже с освобождением, означал одно: суд признал Саентологическую церковь Санкт-Петербурга экстремистской организацией. Не Мацицкий — экстремист. Сама организация. Ее учение, ее этика, ее структура. Приговор стал юридическим клеймом. Он создал прецедент. Теперь любой саентолог, любая саентологическая группа в России оказалась под дамокловым мечом. Их можно было обвинить в «продолжении деятельности экстремистской организации». Ловушка захлопнулась. Мацицкий на свободе — это была лишь кость, брошенная мировому общественному мнению. Главный трофей был взят.

Но я ошибался. Это был еще не конец спектакля. Это была лишь предпоследняя сцена. Финал, как в хорошем триллере, оказался еще более шокирующим и иррациональным.

Прошел год. К 2024 году, казалось, все улеглось. Мацицкий, по имеющимся данным, покинул Россию. Другие осужденные заплатили штрафы. Саентологическая церковь Санкт-Петербурга как юридическое лицо была официально ликвидирована еще в мае 2022 года. Она просто перестала существовать. Казалось бы, история закончена. Враг повержен.

И вот тут, в сентябре 2024 года, происходит нечто, выходящее за рамки любой логики. Прокуратура Санкт-Петербурга подает в городской суд новый иск. О чем? О признании Саентологической церкви Санкт-Петербурга экстремистской организацией и запрете ее деятельности на территории России.

Я помню, как впервые прочитал эту новость. Я перечитал ее трижды, думая, что это какая-то ошибка, опечатка журналиста. Как можно запретить то, что уже не существует? Как можно запретить организацию, которая была официально ликвидирована два года назад? Адвокат саентологов Артур Нахшунов в комментарии прессе назвал этот иск «абсурдным» и «поражающим своей нелогичностью». Он был прав. С точки зрения права это был нонсенс.

Но с точки зрения технологии Дворкина это был абсолютно логичный и необходимый шаг. Уголовный приговор в отношении лидеров создавал клеймо для конкретной группы. Но для того, чтобы распространить этот запрет на всю страну, нужно было административное решение суда о запрете организации как таковой. Неважно, что ее уже нет. Важно решение. Важна бумага. Я представляю себе этот процесс. В зал суда приходят адвокаты и говорят: «Ваша честь, мы не понимаем, кого мы представляем. Организации, которую вы собираетесь запретить, не существует в природе. Вот выписка из ЕГРЮЛ о ее ликвидации». А прокурор, не моргнув глазом, отвечает: «А мы считаем, что деятельность продолжается через аффилированные лица». И в качестве доказательства приводит, например, некое ООО «Книгобум», которое якобы печатало запрещенную литературу Хаббарда.

Это была битва с призраком. Юристы пытались апеллировать к закону и реальности. Обвинение же оперировало в мире идеологических конструкций, где реальность не имеет значения. Где есть «угроза», и ее нужно устранить, даже если она существует только на бумаге и в воспаленном воображении «экспертов».

17 декабря 2024 года Санкт-Петербургский городской суд вынес решение. Он полностью удовлетворил иск прокуратуры. Несуществующая «Саентологическая церковь города Санкт-Петербурга» была признана экстремистской организацией, и ее деятельность была запрещена на всей территории Российской Федерации.

Фарс достиг своего апогея. Юридическая машина, запущенная семь лет назад фальшивой экспертизой и раздутым обвинением, завершила свой цикл, выдав на-гора бумагу, которая была одновременно и бессмысленной, и смертельно опасной. Бессмысленной — потому что запрещала призрак. Опасной — потому что теперь этот приговор можно было использовать против любого живого саентолога в любой точке России. Достаточно было объявить его «продолжателем деятельности» запрещенной организации.

Механизм был отлажен и готов к тиражированию. Доказательства? Они не заставили себя ждать. Уже в апреле 2025 года пришли новости из Калининграда. Там был задержан местный саентолог. Его обвинили не в экстремизме, а по другой, не менее удобной статье — в организации деятельности «нежелательной» на территории РФ НКО. Помните, еще в 2021 году Генпрокуратура признала «нежелательными» две американские саентологические структуры — «Всемирный институт саентологических предприятий» и «Библиотеку Рона Хаббарда». Теперь этот инструмент пустили в ход. По версии следствия, калининградский саентолог через свое ООО «Центр обучения персонала» организовывал изучение материалов этих «нежелательных» организаций.

Все. Пазл сложился. Петербургское дело было не просто расправой над одной общиной. Это был полигон. На нем была отработана и доведена до совершенства двухступенчатая модель уничтожения. Сначала — уголовное дело против лидеров по сфабрикованным обвинениям в экстремизме, подкрепленным псевдоэкспертизами от Дворкина и его сети. Затем, на основании этого приговора, — административный запрет всей организации, даже если она уже не существует. А для тех, кто не подпадает под эту схему, есть запасной вариант — статья о нежелательных организациях.

Русский крестовый поход, о котором мечтал Александр Дворкин, обрел свою юридическую формулу. Это была уже не просто война слов. Это была работающая машина репрессий, смазанная ложью «экспертов» и приводимая в движение силой государственного аппарата, который, возможно, до сих пор уверен, что борется с реальной угрозой, а не с призраками, созданными в кабинете одного одержимого человека. Государство стало инструментом в руках того, кто поставил своей целью не защиту, а уничтожение.

ГЛАВА 12.

ДЕПРОГРАММИРОВАНИЕ ТРАМПА: КАК АНТИКУЛЬТИСТЫ ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ 74 МИЛЛИОНАМ АМЕРИКАНЦЕВ

В один из серых зимних вечеров 2021 года я, как и миллионы других людей, бездумно листал ленту социальных сетей. И вдруг наткнулся на волну такой концентрированной, иррациональной ненависти, что невольно отложил телефон. Объектом этой ненависти был Дональд Трамп.

«Вся Америка нуждается в депрограммировании, поскольку все подверглись негативному влиянию Дональда Трампа», – это уже цитировал Стивен Хассан, тот самый «специалист» по депрограммированию. И в его изложении это была не просто политическая критика, с которой сталкивается любая публичная фигура. Это было нечто иное, более глубокое и злое. Его называли «лидером культа», а его сторонников — «сектантами» с «промытыми мозгами», нуждающимися в немедленном «депрограммировании».

Хассан утверждал, что приверженцы Трампа были обманчиво завербованы авторитарным политическим культом и претерпели радикальное изменение личности, психологически диагностируемое как диссоциативное расстройство.

Далее Хассан кратко описал, как лидеры сект используют контроль над поведением, информацией, мыслями и эмоциями для «создания новой личности, которая будет зависимой и послушной». Однако он не пояснил, каким образом Трамп мог бы сделать это дистанционно (а не при личном контакте) и с миллионами людей.

Сторонники Трампа остро отреагировали на то, что их считают членами культа. Некоторые указали, что обвинения, выдвинутые в адрес сторонников Трампа, можно так же легко перебросить в сторону их обвинителей — в частности, часть признаков культа списка Хассана, которые гласят, что член культа не ищет «внешних» источников информации и загорается исправленными версиями прошлого.

Это не были маргинальные комментарии в темных уголках интернета, эту риторику продвигали уважаемые издания вроде The Economist и The New York Times. Их статьи, использующие язык «депрограммирования» и «культа», легитимизировали этот дискурс, переводя его из маргинального в мейнстримный. И CNN далеко не единственные, кто заявляет о необходимости депрограммировать сторонников Трампа. Обозреватель Washington Post Юджин Робинсон появился на MSNBC посетовал, что есть «миллионы американцев, почти все белые, почти все республиканцы, которых так или иначе нужно депрограммировать... как будто они являются членами культа».

Конгрессмен-демократ Александрия Окасио-Кортес была более осмотрительна в своем призыве депрограммировать лишь «сторонников превосходства белой расы», хотя многие другие члены ее партии полагают, что эти две категории на самом деле одна. Именно из этой логики и вырастает центральный, уже не скрываемый тезис: Республиканская партия превратилась в «культ», который требует не политического диалога, а принудительного «лечения».

Стивен Хассан даже выпустил книгу под названием «Культе Трампа», где напрямую сравнивал его с Джимом Джонсом, Дэвидом Корешом, Роном Хаббардом и Сан Мён Муном.

Все эти приемы я уже изучал их, но в совершенно другом контексте. Я видел их в пожелтевших газетных вырезках 70-х, в судебных протоколах 80-х, в пропагандистских книгах 90-х. Все эти инструменты были опробованы и доведены до совершенства в войне, которую вели против одной-единственной группы — Церкви Саентологии. Я вдруг ясно осознал, что кампания по «отмене» Дональда Трампа, основанная на антикультовой риторике, является прямым наследником технологий, которые антикультовое движение отработало на обычных людях, чьим единственным «преступлением» была их вера. Они были подопытными кроликами в лаборатории, где выводили этот социальный вирус. И история их борьбы — это не просто глава из прошлого. Это предупреждение. Предупреждение о том, что методы, которые сегодня применяются к саентологам, завтра могут быть использованы против кого угодно. Против вас. Против меня. Давайте разберем эту технологию уничтожения на составные части.

Первый и самый важный шаг — дегуманизация. Нельзя заставить общество ненавидеть и травить человека. Человеку свойственно сочувствовать. Даже преступнику в зале суда предоставляют адвоката и право на последнее слово. Чтобы обойти этот базовый человеческий инстинкт, объект атаки нужно сначала превратить в «не-человека». В абстракцию, в символ зла, в носителя опасной идеологии. Ярлыки «фашист», «лидер культа», сравнения с Джимом Джонсом, устроившим массовое самоубийство своих последователей, — все это работало на одну цель: вывести Трампа за рамки человеческой дискуссии. Но еще важнее то, как эта риторика изображала его сторонников. Их объявляли не гражданами, сделавшими осознанный политический выбор, а «жертвами контроля сознания», «зомби», которых нужно «дерадикализировать». Ведущие эксперты, такие как психоисторик Роберт Джей Лифтон, заявляли о «трампизме как атаке на реальность», а уничижительные прозвища вроде «MAGAts» (созвучно с maggots — «личинки») стали обыденностью. Их позиция — это не убеждение, а симптом болезни, который нужно лечить, желательно принудительно.

А теперь перенесемся в 1990-е, в кабинет Александра Леонидовича Дворкина, главного российского «сектоведа». В своей основополагающей книге, ставшей библией для антикультистов по всему СНГ, он пишет о «сектах», и, в частности, о саентологах, не как о людях. Он использует медицинские, биологические метафоры, заимствованные прямо из арсенала тоталитарной пропаганды. Для него это «раковые опухоли на теле общества», «злокачественные новообразования». Помните, кто еще любил говорить о целых народах как о паразитах и болезнетворных микробах? Ответ, я думаю, очевиден — Адольф Гитлер. Когда вы объявляете группу людей «раковой опухолью», вы неявно даете себе и своим последователям лицензию на любые действия. Опухоль не лечат уговорами. Ее вырезают.

Из года в год антикультистская пропаганда рисовала образ саентолога не как ищущего человека, не как волонтера, помогающего наркоманам, не как отца семейства или предпринимателя. Нет. В их мире саентолог — это «зомби», «робот», «промытый мозг». Это существо без собственной воли, управляемое зловещим кукловодом. Это очень удобная позиция. Ведь если у человека нет воли, то у него нет и прав. С ним не нужно вести диалог, его мнение ничего не стоит. Его можно якобы «спасать» против его же воли, похищать, запирают, подвергать психологическому насилию, которое они цинично называют

«депрограммированием». Это не насилие над личностью, оправдываются они, это «лечение» от ментального вируса. Дегуманизация — это индульгенция на любую жестокость. В 1984 году судья Верховного суда Калифорнии Брекенридж, разбирая одно из дел, связанных с Саентологией, охарактеризовал нападавшую на нее организацию как «шизофреническую и параноидальную», отметив, что она отражает личность самого Хаббарда, которого он назвал «патологическим лжецом».

«Совершенно ясно, что организация является шизофренической и параноидальной, и это диковинное сочетание, похоже, является отражением её основателя Л. Рона Хаббарда. Все свидетельства открывают нам человека, являющегося просто патологическим лжецом по отношению к своей биографии, происхождению, достижениям. Кроме того, письменные свидетельства и документы отражают его необузданный эгоизм, жадность, алчность, жажду достижения власти любой ценой, мстительность и агрессивность по отношению к людям, которые, по его мнению, или недостаточно к нему лояльны, или враждебны», — судья Верховного суда штата Калифорния Пол Брекенридж-младший.

Эта фраза, вырванная из контекста, до сих пор тиражируется антикультистами по всему миру. Они никогда не цитируют решение полностью, никогда не упоминают, что речь шла о внутрисемейном споре, а не о доктрине. Они берут ярлык, клеймо — «патологический лжец» — и превращают сложную историческую фигуру в недочеловека. Потому что со недочеловеком бороться проще, чем с человеком.

Второй шаг — создание медийной «эхо-камеры», где обвинения тиражируются без остановки, пока не начинают восприниматься как непреложная истина. Хэштег #TrumpCult стал вирусным, а ведущие мировые СМИ подхватили «культовую» риторику, создавая информационный пузырь, внутри которого любая поддержка Трампа казалась проявлением безумия. Против него использовали даже искусственный интеллект, создав фейковое видео, где его покойный отец якобы критикует сына. Презумпция виновности стала аксиомой.

Этот механизм был отлажен до совершенства в кампаниях против Саентологии. В 1965 году, когда австралийское правительство штата Виктория

начало расследование против Саентологии, его вывод был убийственным: «Сайентология – зло; ее техника и приемы – зло; их применение на практике – серьезная опасность для общества с медицинской, нравственной и социальных точек зрения». Эта фраза, основанная на показаниях горстки отступников и предвзятых «экспертов», стала мантрой. Десятилетиями ее перепечатавали газеты по всему миру, от Мельбурна до Лондона, от Нью-Йорка до Москвы. Никто не задавался вопросом, а что, собственно, было в том отчете? На чем основывались эти выводы? Просто существовала убийственная цитата, идеальная для громкого заголовка.

Антикультисты поняли силу медиа очень рано. Они не пытались победить в научной дискуссии — там их ждал неминуемый провал. Вместо этого они сосредоточились на создании непрерывного потока негатива в прессе, руководствуясь известным принципом пропаганды: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой». Они подкармливали журналистов «жареными» историями отступников, сливали им вырванные из контекста цитаты, организовывали пресс-конференции, где клеймили «культы». Их стратегия была проста и цинична: не убеждать, а забивать информационное пространство одной и той же ложью, пока обыватель не начнет воспринимать ее как неоспоримую реальность. Они создали идеальную «эхо-камеру», где любая новость о саентологах подавалась исключительно в негативном ключе. Саентологи открыли центр помощи наркоманам? «Секта вербует уязвимых». Саентологи провели субботник? «Секта пытается втереться в доверие к властям». Саентологи выиграли суд о защите чести и достоинства? «Секта использует юридический террор, чтобы заткнуть рот критикам».

Даже сам язык, используемый в СМИ, становился оружием. Саентологов десятилетиями называли только «сектантами», их организации — «деструктивными культами», а их основателя — «писателем-фантастом», игнорируя все остальные аспекты его биографии и деятельности. Это семантическое программирование. Постоянное капание на мозги, которое формирует у читателя или зрителя predetermined отношение еще до того, как он ознакомится с фактами. Создается презумпция виновности. Любой, кто носит ярлык «саентолог», автоматически подозрителен. Любое его действие рассматривается через призму злого умысла. И когда общество подготовлено таким образом, можно переходить к третьему, практическому этапу.

Третий шаг — экономическое и социальное удушение. Когда оппонент дегуманизирован, а общественное мнение подготовлено, можно переходить к практическим действиям. Цель — сделать его «токсичным», лишить платформы и средств к существованию. После штурма Капитолия в январе 2021 года Трампа ждал «тотальный бан»: его аккаунты с десятками миллионов подписчиков были одномоментно удалены из Twitter, Facebook, YouTube, Instagram, Snapchat и на стриминговой платформе Twitch. Два известных финансовых учреждения Deutsche Bank и Signature Bank, которые обслуживают президента США Дональда Трампа, отказались сотрудничать с ним. Были организованы кампании по давлению на его бизнес-партнеров, а личные данные и адреса сотрудников его администрации, таких как Стивен Миллер, публиковались в сети с призывами к травле.

А теперь посмотрим на Германию 1990-х. Там эта тактика была возведена в ранг государственной политики. Правительство и аффилированные с ним антикультистские группы ввели так называемые «фильтры на секты» (Sektenfilter). Это были специальные анкеты, которые человек был обязан подписывать при приеме на госслужбу или при участии его компании в государственных тендерах. В этих анкетах он должен был письменно подтвердить, что не является саентологом и не использует «технологии Л. Рона Хаббарда». Вы только вдумайтесь в абсурдность ситуации. Государство на законодательном уровне заставляло людей доносить на свои убеждения, чтобы получить работу. Это была сегрегация по религиозному признаку в чистом виде. Известный американский джазовый музыкант Чик Кория, который был саентологом, столкнулся с тем, что его концерты в Германии отменяли по политическим мотивам. Правительство земли Баден-Вюртемберг заявило, что не будет спонсировать концерт с его участием. Это не было решением концертной площадки или зрителей. Это было прямое давление государства, направленное на то, чтобы наказать человека за его веру.

Эта тактика работала и на более низком уровне. Антикультисты собирали информацию о том, на каких предприятиях работают саентологи, а затем начинали оказывать давление на руководство этих компаний. Они писали письма, звонили, устраивали пикеты, заявляя: У вас работает опасный сектант! Вы пособники деструктивного культа! Их цель — заставить работодателя уволить этого человека, чтобы другим было неповадно. В России, в Перми, где в

90-е годы идеи Хаббарда по управлению стали популярны на некоторых предприятиях, антикультистская пресса подняла настоящую истерику, обвиняя заводы, выпускающие авиационные двигатели, чуть ли не в передаче стратегических секретов «американской секте». Это была классическая тактика экономического удушения: разрушить бизнес-связи, запугать партнеров, оставить человека или группу в полной изоляции.

И когда человек дегуманизирован, оклеветан в прессе и лишен возможности зарабатывать на жизнь, остается сделать последний шаг. Четвертый этап — прямое требование «отменить». Уничтожить. Стереть. Добиться «социальной смерти». Целью противников Трампа была не просто победа на выборах, а его полное уничтожение как политической фигуры. Два импичмента. Десятки уголовных и гражданских дел, многие из которых были направлены не столько на установление вины, сколько на юридический запрет для него занимать государственные должности.

И эта методика, доведенная до своего логического предела, неизбежно порождает насилие. Покушение на Дональда Трампа 13 июля 2024 года стало ужасающим последствием этой кампании ненависти. Стрелок, действовавший в одиночку, он собрал воедино образ врага, нарисованный антикультистами и их последователями. В этом и заключается суть «пазлового кодирования» — методики, когда целенаправленно создается образ настолько чудовищного и всесильного врага, что его физическое устранение начинает восприниматься не как преступление, а как акт спасения общества. Таким образом, риторика «депрограммирования» всей страны плавно перетекла в реальное покушение на жизнь политика.

И это снова возвращало меня к истории Саентологии — к юридическим кампаниям по полному роспуску и запрету организации во Франции и России, к попыткам объявить книги Хаббарда «экстремистскими» и стереть их из существования. Ярким примером стала «экспертиза» некой Ларисы Астаховой, которая, не найдя в книгах ничего противозаконного, просто выдумала цитаты. Она приписала Хаббарду фразы, которых он никогда не писал, чтобы подогнать текст под статью об экстремизме. И суды первой инстанции принимали эти фальшивки. Это показывает, насколько сильно антикультистам нужна была «отмена». Они были готовы пойти на прямой подлог, на уголовное преступление, чтобы добиться своей цели. Их конечная цель — не критика, не

диалог, а ликвидация. Ликвидация организации «Саентологическая церковь Москвы», ликвидация их гуманитарных центров, запрет их символики. Конечная цель «отмены» — не победа в споре, а устранение оппонента с игрового поля.

И вот здесь мы подходим к самому главному вопросу. Почему Саентология стала тем самым шипом в теле антикультизма, той первой мишенью, на которой оттачивались эти технологии? Ответ, как мне кажется, кроется в самой природе Саентологии. В отличие от многих других новых религиозных движений, саентологи никогда не подставляли вторую щеку. С самого начала, столкнувшись с ложью и клеветой, они давали сдачи. Они подавали в суд за диффамацию. Они проводили собственные расследования деятельности антикультистов, вскрывая их финансовые махинации и связи с сомнительными структурами. Они боролись за свои права не как покорные жертвы, а как граждане, знающие закон.

Именно саентологи в США довели до банкротства старую, преступную сеть CAN (Cult Awareness Network), которая занималась похищениями людей под видом «депрограммирования». Они добились в судах признания того, что «промывка мозгов» — это псевдонаучный миф, а не медицинский факт. Они вскрыли факты сотрудничества антикультистов с карательной психиатрией. Они стали невероятно неудобным противником. Их нельзя было просто затравить и забыть. Они отвечали. И каждый их ответ, каждая их юридическая победа создавала прецедент, защищающий не только их, но и все остальные меньшинства.

Именно поэтому антикультисты ненавидели и ненавидят их с такой яростью. Саентология не просто существует — она бросает вызов всей их системе, построенной на лжи и манипуляциях. Она своим примером показывает, что можно и нужно бороться. Что клеймо «сектант», которым они пытаются парализовать волю к сопротивлению, не должно работать.

И в этом заключается главный урок. История борьбы Саентологии с предвестниками «культуры отмены» — это не история про одну религию. Это история о том, как легко общество скатывается к тоталитарным практикам под благовидным предлогом «защиты» от мнимых угроз. Методы, которые когда-то казались маргинальными и применялись только к экзотическим «сектам»,

вдруг стали мейнстримом. Дегуманизация, медийная травля, экономический бойкот и требование полного уничтожения — все это вырвалось из лаборатории антикультизма и теперь гуляет по миру, поражая все новые и новые цели.

Перед нашим обществом стоит выбор. Это выбор будущего. Либо мы признаем, что свобода совести и свобода слова — это неделимые ценности. Либо мы продолжим делить людей на «правильных» и «неправильных», на «нас» и «них», на «традиционных» и «сектантов», и позволим новым архитекторам ненависти, вооружившимся цифровыми технологиями, решать, кого сегодня можно «отменить». Сможет ли наше общество, опьяненное собственной праведностью и возможностью вершить суд одним кликом мыши, вовремя распознать в этих «борцах за чистоту» смертельную угрозу для самого себя? Сумеет ли мы понять, что, отнимая право на существование у одного, мы создаем прецедент, по которому завтра отнимут право на существование у нас?

История борьбы Саентологии, со всеми ее противоречиями, взлетами и падениями, дает нам уникальный урок. Урок стойкости. Урок того, что за свои права можно и нужно бороться, даже когда против тебя весь мир. Они не позволили превратить себя в бессловесных жертв. Они отвечали на удары, выигрывали суды, строили новые церкви и продолжали делать свое дело. И в этой борьбе они, возможно, сами того не осознавая, защищали не только себя. Они защищали тот самый принцип, без которого любое свободное общество обречено на гибель: право быть другим.

Сегодня, когда битва продолжается, когда новые «эксперты» пишут новые доносы, а новые активисты требуют новых «отмен», этот урок актуален как никогда. Книга подходит к концу, но история, которую она рассказывает, далека от завершения. Ее финал пишется прямо сейчас. И пишут его не только судьи, политики и журналисты. Его пишет каждый из нас. Своим молчанием или своим словом. Своим страхом или своим мужеством. Своим выбором — на чьей мы стороне. На стороне тех, кто строит заборы и вешает ярлыки, или на стороне тех, кто строит мосты. Будущее еще не написано. И выбор, каким оно будет, за нами.

ИСТОЧНИКИ

1. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022, May–June). Sympathy for the Devil: The Anti-Cult Federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6 (3), 25–67. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_2_whitepaper.pdf
2. Bitter Winter. (2022, April 9). Germany and “cults”: the Federal Administrative Court confirms “sect filters” are illegal. <https://bitterwinter.org/germany-and-cults-sect-filters-are-illegal/>
3. Caulcutt, C. (2017, May 13). France labels Scientology a fraud, not a church. *The World*. <https://theworld.org/stories/2017/05/13/france-labels-scientology-fraud-not-church>
4. CESNUR. (2001). CAN, We Hardly Knew Ye: Sex, Drugs, Deprogrammers’ Kickbacks, and Corporate Crime in the (old) Cult Awareness Network / A correspondence about “CAN, We Hardly Knew Ye”: Letters from Herb Rosedale, Anson D. Shupe and Massimo Introvigne. Centre for Studies on New Religions (CESNUR). <https://www.cesnur.org/2001/CAN/21/01.htm>
5. Chavkin, S. (1978). *The mind stealers: Psychosurgery and mind control*. Houghton Mifflin. https://www.amazon.com/Mind-Stealers-Psychosurgery-Control/dp/0395263816/ref=sr_1_2?dib=eyJ2IjoiMSJ9.l4bBuWocell75YsRecrZzeQ456MFUTs2syCNPW1sEDe3n-zl4JgnovHktTfL-Hzqm3bPws_ZXR7UUpM85gRJog.LSHlnMpnaj5xLtAc7zClopN22_zxU91KBDSKaGlH368&dib_tag=se&qid=1734432227&refinements=p_27%3ASamuel+Chavkin&s=books&sr=1-2
6. Christianity Today. (1993, February 8). Cult Awareness Network: Scientologists sue critics. <https://www.christianitytoday.com/1993/02/cult-awareness-network-scientologists-sue-critics/>
7. Church of Scientology International. (2024, April 6). Dazzling New Scientology Ideal Org Shines Bright in Paris, the City of Light. <https://www.scientology.org/scientology-today/events/paris-grand-opening.html>

8. Church of Scientology International. (2025). What is Scientology? <https://www.scientology.org/>
9. Der Tagesspiegel. (2024, Juli 22). Bundesverdienstkreuz für Scientology-Experten. <https://www.tagesspiegel.de/potsdam/brandenburg/bundesverdienstkreuz-fur-scientology-experten-6415009.html>
10. European Times. (2023, October 7). Germany, Bavaria and religious cleansing. <https://www.europeantimes.news/2023/10/germany-bavaria-and-religious-cleansing/>
11. European Times. (2024, November 6). Germany: religious segregation condoned by the European Union for 10 years. European Times. <https://europeantimes.news/2024/11/germany-religious-segregation-condoned-european-union-10-years/>
12. Facts about Germany. (n.d.). Protection of human rights. <https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/en/peace-and-security/protection-human-rights>
13. France 24. (2024, August 08). Tom Cruise at Olympics would be 'disgrace', say French anti-cult groups. <https://www.france24.com/en/live-news/20240808-tom-cruise-at-olympics-would-be-disgrace-say-french-anti-cult-groups>
14. Frantz, D. (1997, March 9). An ultra-aggressive use of investigators and the courts. The New York Times. <https://web.archive.org/web/20210308060210/https://www.nytimes.com/1997/03/09/us/an-ultra-aggressive-use-of-investigators-and-the-courts.html>
15. Freeman, M. (2013, July 11). Leah Remini leaves Scientology after questioning its leadership. The Hollywood Reporter. <https://www.hollywoodreporter.com/news/general-news/leah-remini-leaves-scientology-questioning-583860/>
16. Giambalvo, C., Kropveld, M., & Langone, M. Changes in the North American Cult Awareness Movement. ICSA e-Library. <https://articles1.icsahome.com/articles/changes-in-the-north-american-cult-awareness-movement>
17. Granite of science. (2020, 24 июля). «Россия экспортирует в Украину нетерпимость» — отчёт американской Комиссии по

вероисповеданию. <https://un-sci.com/ru/2020/07/24/rossiya-eksportiruet-v-ukrainu-neterpimost-otchyot-amerikanskoj-komissii-po-veroispovedaniyu/>

18. Haack, F. W. (1978, October 1). New youth religions, psychomutation and technological civilization. International Review of Mission. <https://doi.org/10.1111/j.1758-6631.1978.tb01276.x>

19. Haack, F. W. (2003, April 5). Self-Proclaimed Shepherds [Translated from German August 1988]. Reveal. <http://www.reveal.org/library/thirdparty/haack.html>

20. Hartog Skorobogatova, E. (2016, March 25). Russia vs. Scientology: Kremlin cracks down on controversial church. The Moscow Times. <https://www.themoscowtimes.com/2016/03/25/russia-vs-scientology-kremlin-cracks-down-on-controversial-church-a52270>

21. Heath, J. (1974, May). Genocide of the Mind. Science for the People, Vol. 6(3). Retrieved from <https://archive.scienceforthepeople.org/vol-6/v6n3/genocide-of-the-mind/>

22. Holocaust Encyclopedia. Political prisoners. United States Holocaust Memorial Museum. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/political-prisoners>

23. King Newswire. (2024, April 10). Church of Scientology celebrates the opening of its Ideal Organization in Paris. <https://kingnewswire.com/church-of-scientology-celebrates-the-opening-of-its-ideal-organization-in-paris-24040910991/>

24. Internet Archive. Church of Scientology / L. Ron Hubbard – Part 06. <https://archive.org/details/ChurchOfScientologyL.RonHubbardPart08/Church%20of%20Scientology%20L.%20Ron%20Hubbard%20Part%2006/page/n329/mode/2up?view=theater>

25. Lewis, J. R. (2009, March 11). Scientology. Oxford University Press. <https://www.amazon.com/By-James-R-Lewis-Scientology/dp/Boo8UYN7PI>

26. Lifton, R. J. (2018, April 10). The Assault on Reality. Dissent Magazine. https://www.dissentmagazine.org/online_articles/assault-on-reality-robert-lifton-trump/

27. Los Angeles Times. (1992, October 31). Scientologists Win a Battle in Long War : Religion: Judge says Cult Awareness Network must let church members attend L.A. convention. But conference organizers fear longtime foes will disrupt

- activities. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-10-31-me-802-story.html>
28. Martin, W. R. (1997). The Kingdom of the Cults [PDF]. <https://elijahfire.ca/ebooks/Kingdom-Of-The-Cults-Walter-Martin-1997.pdf>
29. Melton, J. G. (2025, October 18). Scientology: Definition, beliefs, L. Ron Hubbard, & history. Encyclopaedia Britannica. <https://www.britannica.com/topic/Scientology>
30. Moore, C. (1994, January 28). The Massacre of the Branch Davidians. <https://highlanderjuan.com/wp-content/uploads/2018/12/Carol-Moore-The-Massacre-of-the-Branch-Davidians.pdf>
31. Nagourney, E. (1999, October 18). John Clark, 73, psychiatrist who studied sects. The New York Times. <https://web.archive.org/web/20150527103505/https://www.nytimes.com/1999/10/18/us/john-clark-73-psychiatrist-who-studied-sects.html>
32. Nestel, M. L. (2015, March 29). Scientology Former Public Enemy No. 1 Is Still Spooked, 40 Years Later. The Daily Beast. <https://www.thedailybeast.com/scientology-former-public-enemy-no-1-is-still-spooked-40-years-later/>
33. New York Post. (2019, August 16). Church of Scientology: Leah Remini has blood on her hands. <https://nypost.com/2019/08/16/church-of-scientology-leah-remini-has-blood-on-her-hands/>
34. Organization for Security and Co operation in Europe (OSCE). (2009, September 28). [PDF] Document 38778. <https://www.osce.org/files/f/documents/a/e/38778.pdf>
35. Organization for Security and Co operation in Europe. (2018, September 13). The Denial of Religious Plurality in Russia. https://www.osce.org/files/f/documents/5/a/394418_7.pdf
36. Ouest-France. (2024, 27 juillet). Tom Cruise : a été nommé chevalier de l'ordre des Arts et des Lettres. <https://www.ouest-france.fr/cinema/tom-cruise-a-ete-nomme-chevalier-de-lordre-des-arts-et-des-lettres-78cbc758-4c2c-11ef-a622-0126aa35ae01#:~:text=L'acteur%20am%C3%A9ricain%20de%2062,Mission%20Impossible%20%3A%20Fallout%20en%202017>

37. Popik, B. (2025, March 14). MAGATS (MAGA + maggots; Make America Great Again Trump Supporters). BarryPopik. <https://barrypopik.com/blog/magats-maga-maggots>
38. Ross & Green. (1993, July). What Is The Cult Awareness Network and What Role Did It Play in Waco? https://web.archive.org/web/20070620125917/http://www.ex-iwp.org/docs/1993/ross_green_waco_report.htm
39. Rzesnitzek, L., & Lang, S. (2017, January). 'Electroshock Therapy' in the Third Reich. *Medical History*, 61(1), 66–
88. <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5206950/>
40. Schepker, K., & Fegert, J. M. (2022, May 17). Die Ehrungen der Deutschen Gesellschaft für Kinder- und Jugendpsychiatrie, Psychosomatik und Psychotherapie (DGKJP) und ihrer Vorgängerorganisationen. *Zeitschrift für Kinder- und Jugendpsychiatrie und Psychotherapie*. <https://doi.org/10.1024/1422-4917/a000877>
41. Shterin, M. S., & Richardson, J. T. (2002). The Yakunin vs. Dvorkin Trial and the Emerging Religious Pluralism in Russia. *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*. <https://digitalcommons.georgefox.edu/ree/vol22/iss1/1/>
42. Shupe, A. D. (2024, June 13). CAN: Anti-Cultists, Deprogramming, and Crime. 1. The Waterloo of the Cult Awareness Network. *Bitter Winter*. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-1-the-waterloo-of-the-cult-awareness-network/>
43. Shupe, A. D. (2024, June 20). CAN: Anti-cultists, deprogramming, and crime. 5. CAN and illegal deprogramming. *Bitter Winter*. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-5-can-and-illegal-deprogramming/>
44. Shupe, A., & Darnell, S. E. (2000). CAN, We Hardly Knew Ye: Sex, Drugs, Deprogrammers' Kickbacks, and Corporate Crime in the (old) Cult Awareness Network. *Center for Studies on New Religions*. <https://www.cesnur.org/2001/CAN/02/01.htm>
45. Shupe, A., & Darnell, S. E. (2001). CAN, We Hardly Knew Ye: Sex, Drugs, Deprogrammers' Kickbacks, and Corporate Crime in the (old) Cult Awareness Network. *CESNUR*. <https://www.cesnur.org/2001/CAN.htm>

46. Shupe, A., & Darnell, S. E. (2001, April 21). Agents of Discord: The North American-European Anticult Connection. Center for Studies on New Religions (CESNUR). <https://www.cesnur.org/2001/CAN1.htm>
47. STAND League. (2021, November 11). Five things to know about Leah Remini. <https://www.standleague.org/newsroom/blog/five-things-to-know-about-leah-remini.html>
48. Stand With Us. (2022, JANUARY 3). Three years later: STAND remembers Aaron Yeh. <https://www.standleague.org/newsroom/news/three-years-later-stand-remembers-aaron-yeh.html>
49. Steven Hassan [@CultExpert]. (2023, July 22). Screenshot of tweet [Tweet]. X. <https://x.com/CultExpert/status/1682805379502096385>
50. The European Times. (26 November 2022). *FECRIS under fire: 82 prominent Ukrainian scholars ask Macron to stop funding it*. <https://europeantimes.news/2022/11/fecris-under-fire-82-prominent-ukrainian-scholars-ask-macron-to-stop-funding-it/>
51. TIME. (1976, April 5). Religion: A Sci-Fi Faith. TIME. <https://time.com/archive/6847737/religion-a-sci-fi-faith/>
52. U.S. Commission on International Religious Freedom. (1993, October 8). Report to the Deputy Attorney General on the Events at Waco, Texas: February 28 to April 19, 1993. <https://web.archive.org/web/20141021233049/https://www.justice.gov/publications/waco/report-deputy-attorney-general-events-waco-texas-role-experts-during-standoff>
53. U.S. Commission on International Religious Freedom. (2023, July). Issue update: Religious freedom concerns in the European Union. Retrieved from https://www.uscifr.gov/sites/default/files/2023-07/2023%20Status%20of%20FoRB%20Issue%20Update_07.19.pdf
54. United Press International. (1980, September 26). A police chief said cult deprogrammer Ted Patrick was.... <https://www.upi.com/Archives/1980/09/26/A-police-chief-said-cult-deprogrammer-Ted-Patrick-was/4817338788800/>
55. United Press International. (1984, June 8). Co-defendants in Scientology suit dismissed. <https://www.upi.com/Archives/1984/06/08/Co-defendants-in-Scientology-suit-dismissed/5191455515200/>

56. United Press International. (1984, September 25). A judge refused to dismiss a \$3 million civil rights lawsuit against a New York writer accused by a Scientologist of intimidating witnesses in a criminal investigation. UPI Archives.
<https://www.upi.com/Archives/1984/09/25/A-judge-refused-to-dismiss-a-3-million-civil/7487464932800/>
57. United States Congress. (1956, July 28). 1956 Alaska Mental Health Enabling Act legislative history [PDF]. Wikimedia Commons.
[https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3f/1956 Alaska Mental Health Enabling Act legislative history.pdf](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3f/1956_Alaska_Mental_Health_Enabling_Act_legislative_history.pdf)
58. UPI. (1980, October 2). Ted Patrick convicted of kidnapping a cult member to “deprogram” her. UPI. <https://www.upi.com/Archives/1980/10/02/Ted-Patrick-convicted-of-kidnapping-a-cult-member-to/2660339307200/>
59. UPI. (1984, May 23). Scientologist feared deprogrammer would kill her. UPI. <https://www.upi.com/Archives/1984/05/23/Scientologist-feared-deprogrammer-would-kill-her/6632454132800/>
60. UPI. (1984, September 25). A judge refused to dismiss a \$3-million civil...
<https://www.upi.com/amp/Archives/1984/09/25/A-judge-refused-to-dismiss-a-3-million-civil/7487464932800/>
61. «Брошюра НПАР». (2017, ноябрь). http://npar.ru/wp-content/uploads/2017/11/broshura_npar.pdf
62. «Карательная психиатрия в России». (2004). <https://protivpytok.org/wp-content/uploads/2012/01/ps.pdf>
63. «РуВики» (без даты). Тоталитарная секта.
https://ru.ruwiki.ru/wiki/Тоталитарная_секта
64. Азбука веры. Сектоведение. Тоталитарные секты. А.Л. Дворкин
65. А. Л. Дворкин и CAN А. Л. Дворкин и непосредственное насилие. Антикультовая организация CAN (Cult Awareness Network) (обзор информационных источников). Сайт А. Л. Дворкина. <http://alexander-dvorkin.ru/can/>
66. BBC News Русская служба. (2021, 24 сентября). В России признаны нежелательными две организации саентологов.
<https://www.bbc.com/russian/news-58681645>

67. Гастон де Персиньи. (24 июля 2022). Служба охраны психического здоровья вынуждена говорить «я же говорила» о химическом дисбалансе депрессии. The European Times Новости.
<https://europeantimes.news/ru/2022/07/сторожевой-орган-по-охране-психического-здоровья-вынужден-сказать%2С-что-я-говорил-вам-о-химическом-дисбалансе/?ysclid=mhnq06yquj75789796>
68. Дворкин, А. Л. (2014, 2 июня). Кто «хоронит» сектоведение? Православие.Ru. <https://www.pravoslavie.ru/71167.html>
69. ИА «Красная Весна». (2021, 20 января). Бывший сектант: вся Америка нуждается в депрограммировании. <https://rossaprimavera.ru/news/34b3b3d5>
70. Интерфакс. (2023, November 28). КС РФ заявил, что принудительное лечение не нарушает прав лиц с психическими расстройствами. Интерфакс. <https://www.interfax.ru/russia/933615>
71. Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства. (n.d.). Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства. <https://www.ansobor.ru/page.php?id=15>
72. Исследовательский центр «Сова». (2016, 27 декабря). Ударим теологической экспертизой по свободе совести! <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/12/d36107/>
73. ОВД Инфо. (2024, 20 ноября). В Петербурге рассматривают иск о запрете деятельности Саентологической церкви. <https://www.ovd.info/express-news/2024/11/20/v-peterburge-rassmatrivayut-isk-o-zaprete-deyatelnosti-saentologicheskoy>
74. Православная газета. (1996, 16 января). Органам здравоохранения запрещено использовать нарконон и другие методики Р. Хаббарда. <https://orthodox-newspaper.ru/numbers/at343>
75. РИА «Новый День». (2014, 13 мая). Скандал! Известный российский сектовед оказался невменяемым? В сети опубликованы медицинские документы об Александре Дворкине из психиатрической больницы. <https://newdaynews.ru/moskow/497708.html>
76. Русская народная линия. Кондратьев Фёдор Викторович — последние новости: выступления и статьи на сегодня. https://ruskline.ru/author/k/kondrat_ev_fedor_viktorovich

77. Савенко, Ю. С. (2004). Отчётный доклад о деятельности НПА России за 2000-2003 гг. Независимый психиатрический журнал. <http://www.npar.ru/journal/2004/2/summary.htm>
78. Саентологические добровольные священники Гаити: оказана помощь более 284 000 человек. (2010, 8 мая). Русский сайт «Добровольные священники». <https://www.volunteerministers.ru/news/may2010-summary-haiti-scientology-volunteerministers.html>
79. Убрус. К предыстории составления данной книги. <http://www.ubrus.org/data/library/pages/250/Hob-T.htm>
80. «Форум кафедры психологии и психотерапии». Тема 377. «Форум». <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=377.0>
81. Холмогоров, Е. (2012, 1 февраля). Хроника: Международный христианский семинар «Тоталитарные секты в России». Правмир. <https://www.pravmir.ru/xronika-mezhdunarodnyj-xristianskij-seminar-totalitarnye-sekty-v-rossii/>
82. Чита.РУ. (2024, 15 сентября). «Практиковали на свой страх и риск». Людей с психическими расстройствами в России снова начнут лечить током. <https://www.chita.ru/text/health/2024/09/15/74084441/>
83. Шукаева, Е. (2019, 31 декабря). Из России: КГБ на страже православия. Радио Свобода. <https://ru.krymr.com/a/iz-rossii-kgb-na-strazhe-pravoslaviya/30352919.html>